

А 46

ТАРЕН СТРАННИК

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

ВМАНД

Ллойд Александер

ТАРЕН СТРАННИК

Сказочная хроника

Перевод с английского
Л. Яхнина

Художник В. Чапля

ББК 84.7США

А 46

Lloyd Alexander
TARAN WANDERER

New York, Dell Publishing Co., Inc.

В очередной книге американского писателя Ллойда Александера (из его сказочного цикла на основе древних валлийских легенд) вы читаете о новых приключениях и испытаниях, выпавших на долю юноши Тарена, ученика волшебника. Ему довелось познать горечь поражений, одержать победу над могущественными силами зла, а главное — обрести верных друзей и встретить возлюбленную — гордую принцессу Эйлонви.

Для того чтобы стать достойным избранником принцессы, Тарен стремится разгадать тайну своего происхождения и найти родителей. И вот он с верным спутником Гурджи — еще не человеком, но уже не «зверюшкой», как тот сам себя называет, — вновь отправляется в нелегкое путешествие по сказочной стране Прайден навстречу новым опасностям...

Рисунок на переплете

Н. Бугославской

А 4703040100-38 Без объявл.
9СЗ(03)-96

ISBN 5-7632-0097-7

© Перевод, Яхнин Л. Л., 1996
© Иллюстрации, Чапля В. Т., 1996
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1996

Глава первая

КТО Я?

Весна была в полном разгаре, обещая самое плодородное лето, какое когда-либо видел Каер Даллбен. Сад благоухал белой кипенью цветущих деревьев. Только что засеянные поля лежали светлые, словно зеленый туман. Но ни свежесть, ни красота, ни ароматы весны не радовали Тарена. Для него Каер Даллбен словно бы опустел. Как и прежде, он помогал Коллу на огороде, полон, окучивал, поливал, со всем старанием ухаживал за белой свиньей Хен Вен. Все делал аккуратно, добросовестно, но рассеянно. И лишь одна-единственная мысль неотступно преследовала его.

— Теперь, мой мальчик,— добродушно сказал Колл, когда они присели отдохнуть после утренней дойки,— поговорим. В последнее время, с того самого дня, как вернулся с острова Мона, ты беспокоен, рвешься куда-то, как волк на привязи. Томись по принцессе Эйлонви, думай о ней, если ни о чем другом думать не можешь, но... эй-эй! Не опрокидывай ведро с молоком! — Креп-

кий старый воин потрепал Тарена по плечу.— Ну-ка, взбодрись! А я открою тебе секрет выращивания турнепса, а? Или возделывания капусты. Или любой огородной науки. Говори, что хочешь узнать?

Тарен вяло улыбнулся.

— То, что мне хотелось бы узнать, рассказать может только Даллбен.

— Что ж, тогда хотя бы послушай мой совет,— посоветовал Колл.— Не беспокой Даллбена своими расспросами. Имей терпение и жди благоприятного случая.

Тарен встал и решительно направился к двери хлева.

— Я не могу больше ждать благоприятного случая. Мне не терпится поговорить с ним сейчас же.

— Будь осторожен,— крикнул ему вслед Колл.— Даллбен не любит, когда его беспокоят в это время.

Тарен шагал мимо низких построек фермы, направляясь к хижине Даллбена. На кухне у очага копошилась женщина в черном платье. Она не подняла голову и не произнесла ни слова. Это была Ачрен. После своей неудачной попытки возродить былую колдовскую силу и завладеть всем Прайдемом эта когда-то высокомерная королева нашла убежище в Каер Даллбен. Теперь она исполняла ту тяжелую и черную работу, какой прежде, до отъезда на Мону, занималась Эйлонви. Молчаливая и незаметная весь день, вечером она так же молча удалялась в амбар на свою соломенную подстилку.

Перед хижинкой Даллбена Тарен в нерешительности остановился, затем тряхнул головой и громко постучал в дверь. Получив разрешение волшебника, он вошел. Даллбен склонился над «Книгой Трех», лежавшей перед ним на заваленном свитками и рукописями столе. Тарена, как всегда, охватило острое желание заглянуть в таинственную книгу, но, как обычно, тут же возникали робость и трепет, навеянные давними воспоминаниями. Когда-то в детстве Тарен осмелился дотронуться до древнего, обтянутого кожей тяжелого тома, и теперь еще при виде книги пальцы его начинали ныть, словно помнили давнюю боль.

— Никогда не переставал удивляться,— с раздражением произнес Даллбен, захлопывая «Книгу Трех» и

поднимая глаза на Тарена,— тому, как молодые, полные сил и гордые этой силой, все же любят взваливать груз своих сомнений и забот на стариков. В то время как старые...— Он махнул слабой костистой рукой.— Неважно, неважно... Надеюсь, дело, из-за которого ты меня беспокоишь, стоит того.

Несмотря на, казалось бы, невнятное старческое ворчание, глаза Даллбена смотрели из-под нависших седых бровей молодо, остро и проницательно.

— Можешь не спрашивать,— продолжал Даллбен,— я сам отвечу на твои вопросы. Успокойся, у принцессы Эйлонви все в порядке, и она не более несчастна, чем любая вертушка и хорошенькая сумасбродка, которой пришлось взять в руки иглу вместо игрушки или меча, который тоже служил ей для забавы. Тебя беспокоит, что Карр еще не вернулась? Она по моему приказу понесла зелье в пещеру Глю, и теперь этот несчастный великан, который причинил тебе столько неприятностей на Моне, сможет вернуть свой прежний малый рост. Но эта плутовка ворона любит погулять и не спешит возвращаться. Тебе это известно не хуже, чем мне. И самое последнее. У Помощника Сторожа Свиньи достаточно занятий, чтобы днем не болтаться без дела. Верно? Тогда что же привело тебя сюда?

— Один вопрос, на который ты мне так и не ответил,— храбро сказал Тарен.— Всему, что у меня есть, я обязан твоей доброте. Ты дал мне дом, имя и относишься ко мне как к сыну. Но кто я на самом деле? Кто мои родители? Ты научил меня многому. Ты отвечал на все мои вопросы. Но это всегда таил от меня.

— Поскольку так было всегда,— хмуро спросил Даллбен,— почему это вдруг стало беспокоить тебя сейчас?

Тарен опустил голову и не ответил. Старый волшебник улыбнулся.

— Говори, мой мальчик. Если ты хочешь узнать правду, выложи прежде свою правду. За твоим вопросом видится мне тень некоей золотоволосой принцессы. Разве это не так?

Лицо Тарена вспыхнуло.

— Да, это так,— еле слышно прошептал он.— Ты все понял, Даллбен.— Он поднял глаза и прямо глянул в лицо волшебника.— Когда Эйлонви вернется, я... я собирался просить ее выйти за меня замуж. Но я не могу этого сделать, пока не узнаю, кто я! Неизвестный найденыш со взятым взаймы именем не может просить руки принцессы. И я не успокоюсь, пока не узнаю свое происхождение. Скромное оно или благородное?

— Мне кажется,— тихо сказал Даллбен,— последнее тебя обрадовало бы больше.

— Я надеюсь на это,— смутился Тарен.— Но все же волнует меня не титул, а чистота имени моих родителей. Я готов разделить и честь и позор. Но дай мне узнать истину.

— Потребно высокое сердце, чтобы воспринять честь, но и столько же сил души, чтобы разделить позор,— ровным голосом произнес Даллбен, и Тарен вдруг увидел, сколько усталости, печали и забот таится в глубоких глазах волшебника.— Увы,— сказал Даллбен,— я не могу ответить на твой вопрос. Принц Гвидион знает не больше, чем я. Не поможет тебе даже Верховный король Матх.

— Тогда позволь мне узнать самому,— рванулся Тарен.— Отпусти меня, и я пойду искать ответа на свой вопрос.

Даллбен долго и внимательно изучал юношу. Потом взгляд волшебника опустился на «Книгу Трех». Он углубился в ее страницы.

— Когда яблоко созрело,— пробормотал он, будто разговаривая сам с собой,— никто не может сделать его зеленым вновь.— Голос его вдруг словно бы отяжелел печалью, когда он опять обратился к Тарену.— Это на самом деле твое самое большое желание?

Сердце Тарена забилося сильнее.

— Ни о чем больше тебя не прошу!

Даллбен кивнул.

— Пусть будет так,— тихо сказал он.— Я отпускаю тебя. Узнай то, что будет в твоих силах.

— Благодарю тебя,— радостно закричал Тарен, глубоко кланяясь.— Позволь мне отправиться в путь без промедления. Я готов...

Прежде чем он успел договорить, дверь рывком распахнулась, и к ногам Тарена кинулась лохматая фигура.

— Нет, нет, нет! — завыл Гурджи, катаясь по полу и взмахивая лохматыми руками.— У Гурджи тонкий слух, и он все слышал! О да! Подслушки под дверью! — Лицо его сморщилось, он так яростно мотал всклокоченной головой, что сухие листочки и веточки из его волос летели во все стороны.— Бедный Гурджи будет одиноким,

ему останутся только печалки и рыдалки! — стонал он. — О, он должен пойти с хозяином, да, да!

Тарен наклонился над Гурджи.

— Мне тоже грустно расставаться с тобой, дружище, — ласково сказал он. — Но путь мой, боюсь, будет длинным и трудным.

— Верный Гурджи готов следовать за тобой! — вскинулся Гурджи. — Он сильный, смелый и умный и станет охранять хозяина от всяких напастей и опасностей!

Гурджи не переставал хныкать, гнусавить, стонать, канючить. Он не умолкал, и Тарен, который не мог себя заставить твердо отказать преданному созданию, вопросительно поглядел на Даллбена.

Глаза волшебника засветились доброй улыбкой.

— Верность Гурджи и его преданность тебе известны, — сказал он. — В твоих поисках он может сослужить немалую службу. — Даллбен помолчал и медленно проговорил: — Если Гурджи хочет, пусть отправляется путешествовать с тобой.

Гурджи радостно завопил. Тарен еще раз низко поклонился волшебнику.

— Пусть будет так, — поднял ладонь Даллбен. — Твой путь на самом деле будет непростым. Но ступай, коли ты так решил. Хотя ты можешь и не найти того, что ищешь. Зато вернешься намного мудрее... Пора тебе становиться мужчиной. Твое право делать выбор.

Эту ночь Тарен провел без сна. Даллбен разрешил ему отправиться в дорогу утром. И теперь каждый час до восхода солнца лежал на сердце Тарена тяжелой гирей. В глубине души он уже давно все решил, но ничего не сказал о своих планах ни Даллбену, ни Коллу, ни Гурджи, потому что и сам боялся того, что задумал. Сердце его разрывалось от мысли, что он покидает Каер Даллбен, но еще больше ныло от нетерпения начать путешествие. Сюда примешивалась и тоска по Эйлонви, любовь, которую он старательно и глубоко прятал, но которая, словно наводнение, захлестывала его с головой и перехватывала дыхание.

Задолго до рассвета Тарен поднялся и стал седлать своего серого с серебряной гривой Мелинласа. Поку-

да Гурджи, жмурясь и зевая, готовил в дорогу свою лошадку — низкорослого, коренастого пони, такого же лохматого, как и он сам, Тарен отправился к загону Хен Вен. Как будто почувствовав расставание, белая свинья печально захрюкала. Тарен опустился на колени и обнял ее.

— Прощай, Хен Вен,— шептал он, почесывая ее щетинистую шею.— Поминай меня добром. Колл будет заботиться о тебе, пока я... О Хен,— прерывисто вздохнул Тарен,— будет ли мне сопутствовать удача? Дай мне хоть какой-нибудь знак. Подари надежду.

В ответ свинья-прорицательница лишь тревожно захрюкала. Тарен глубоко вздохнул и в последний раз нежно потрепал Хен Вен по загривку.

Даллбен, тяжело покряхтывая, приковылял во двор. Рядом с ним, высоко держа факел, шел Колл. Серое утро наложило на лицо Даллбена тень бесконечной усталости. Колл выглядел озабоченным. Лицо старого воина, озаренное светом факела, было хмурым. Тарен обнял их, и ему показалось, что его любовь к ним обоим никогда не была так велика, как в этот миг расставания.

Гурджи, сгорбившись, уже сидел верхом на пони. На плече его висела потертая кожаная сумка с неисчерпаемым запасом еды. Взяв только меч и отделанный серебром древний рог, который дала ему при прощании Эйлонви, Тарен вскочил на нетерпеливо бьющего копытом Мелинласа. Он принуждал себя не оглядываться, не желая длить печаль последних мгновений.

Два путника молча ехали вперед до тех пор, пока солнце не поднялось высоко над округлыми, окаймленными деревьями вершинами холмов. Тарен углубился в свои мысли. Гурджи тихо ехал рысью за ним, то и дело запуская руку в кожаную сумку и вытаскивая полную горсть еды, которую с удовольствием поглощал. Когда они остановились у реки, чтобы напоить коней, Гурджи соскочил с седла и подошел к Тарену.

— Верный Гурджи,— вкрадчиво начал он,— покорно следует за добрым хозяином. О да! И спешкой и побег-

кой. Но куда лежит этот путь? К благородному лорду Гвидиону в Каер Датил? Гурджи очень хочет увидеть высокие золотые башни и большие столы, полные чавки и хрумтявки.

— Я тоже хотел бы увидеть Гвидиона,— ответил Тарен.— Но до этого нам предстоит еще долго скитаться.

Даллбен сказал мне, что принц Гвидион и король Матх ничего не знают о моем происхождении.

— Тогда добрый хозяин отправится в королевство Ффлевддура Пламенного? — с надеждой спросил Гурджи. — О да, да! Смелый бард встретит нас веселыми треньками и бреньками!

Тарен улыбнулся, но снова покачал головой.

— Нет, друг мой, ни в Каер Датил, ни в королевство Ффлевддура мы не поедem.— Он устремил взгляд на запад.— Я долго думал об этом и понял, что есть только одно место, где я могу найти то, что ищу.— Он помолчал и добавил: — Болота Морвы.

При этих его словах Гурджи посерел. Челюсть его задрожала, зубы выбили мелкую дробь. Он хлопнул себя по голове лохматыми руками и, словно бы подавившись воздухом, закашлялся и захрипел.

— Нет, нет! — завопил Гурджи.— Опасности затаились в злых Болотах! Смелый, но осторожный Гурджи боится за свою бедную слабую голову! Он не хочет возвращаться туда! Ужасные колдуньи превратят его в жабу с ее прыгами и дрыгами! О, страшная Ордду! Жуткая Орвен! И Оргох, о, самая худшая из них!

— И все же я хочу встретиться с ними снова,— твердо сказал Тарен.— Ордду, Орвен и Оргох, кто бы они ни были на самом деле, обладают могуществом не меньшим, чем Даллбен. А возможно, и более могущественны, чем он. От них не скрыто ничего, все тайны ведомы им. Они, только они знают правду. Разве не может быть,— в голосе его зазвенела надежда,— не может разве быть, что родители мои благородного происхождения? И по каким-то тайным соображениям они оставили меня на воспитание Даллбену?

— Но добрый хозяин уже благороден! — вскричал Гурджи.— Благородный, щедрый и прекрасный для маленького простого Гурджи. Не надо спрашивать колдуний!

— Я говорю о благородной крови,— ответил Тарен, улыбаясь наивности Гурджи.— Если Даллбен не может мне сказать, то вдруг Ордду скажет? Захочет ли она, этого я не знаю,— тише добавил он.— Но я должен попытаться!

Гурджи пробирала крупная дрожь. Тарену стало жалко его.

— Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня своей бедной слабой головой,— сказал он.— Ты найдешь укромное местечко на краю Болот и будешь ждать меня там.

— Нет, нет,— застонал Гурджи. Он так жалко моргал, и голос его упал почти до шепота.— Верный Гурджи пойдет вместе с хозяином, как обещал.

Они вновь оседлали коней и двинулись в путь. Спустя несколько дней они достигли Великой Аврен, перешли ее вброд и устремились на запад вдоль зеленых склонов высокого берега реки. Потом они повернули на север, с неохотой покидая дышащую свежестью реку и углубляясь в дикую равнину. Тарен видел, как Гурджи все больше мрачнеет и глаза его наполняются тревогой. Он и сам был обеспокоен не меньше, но шага не замедлял и с дороги не сворачивал. Чем ближе они подступали к Болотам, тем сильнее одолевали его сомнения. План, казавшийся таким разумным и выполнимым в Каер Даллбен, теперь представлялся ему опрометчивой и опасной затеей. В иные моменты Тарен даже сознавался себе, что если бы Гурджи повернул своего пони и устремился обратно домой, он бы с удовольствием последовал его примеру.

Прошел еще один день путешествия, и перед ними раскинулись Болота, голые, бесцветные, отвратительные, словно весна сюда и не наведывалась. Вид и стойкий гнилостный запах Болот, неподвижность затянутых коричневой ряской луж наполнили Тарена отвращением. Раскисший торф смачно чавкал и жадно всасывал копыта Мелинласа. За спиной боязливо фыркал маленький пони. Приказав Гурджи держаться поближе и не отклоняться ни вправо, ни влево, Тарен осторожно направлял коня в заросли высоких тростников. Здесь почва была упругой, и он старался не заступать за кромку твердой земли, продвигаясь у самого края топей.

Узкий перешеек, ведущий в глубь Болот, они миновали без особого труда. Тарен еще помнил эту узкую тропу. Здесь, когда он, Эйлонви, Гурджи и Ффлевддур искали Черный Котел, напали на них Охотники Аннувина. Снова и снова проживал Тарен этот момент в страшных ночных кошмарах. Пришпорив Мелинласа, он кивком поторопил Гурджи и смело углубился в Болота. Конь брел, спотыкаясь, приминая копытами чахлую траву, увязая иногда в чавкающей топи, и, наконец, на-

брел на цепь невысоких кочек, которые плавали и колыхались под его ногами, утопая в солоноватой воде. Здесь он обрел равновесие и пошел быстрее. Еще через некоторое время конь ощутил под копытами твердую почву и уже без понуканий перешел на галоп. Пони изо всех сил поспешал за ним, как будто боялся отстать и остаться в одиночестве среди погибельной топи. Вдруг перед ними открылась узкая лощина, поросшая карликовыми, искривленными деревцами. Тарен остановил коня. Среди жалкой болотной поросли стояла хижина Ордду.

Прилепившаяся к крутому склону высокой насыпи, наполовину скрытая пожухшим дерном и сухими ветками, хижина эта казалась еще более разрушенной, чем прежде. Соломенная крыша, похожая на огромное птичье гнездо, совсем осела и нахлобучилась по самые окна. Паутина плесени расплзлась по стенам, которые готовы были, казалось, вот-вот рухнуть и рассыпаться. У покосившейся двери стояла сама Ордду.

С сильно бьющимся сердцем Тарен спрыгнул с лошади. Стараясь высоко держать голову и твердо ставить ноги на неверной, колышавшейся земле, он в полной тишине, нарушаемой только громким лязгом зубов Гурджи, медленно пересекал двор. Ордду внимательно наблюдала за ним острыми черными глазками. Если крохотная колдунья и была удивлена, то виду не показывала, только чуть склонилась вперед и не отрывала от Тарена пристального взгляда. Ее платье, похожее больше на бесформенный балахон, чуть трепетало на ветру у колен, пряжки с драгоценными камнями и золотые булавки нелепо поблескивали в перепутанных с тонкими побегами болотной травы волосах. Она с видимым удовольствием кивала головой и приветливо улыбалась.

— Вот так так! — закурлыкала Ордду. — Дорогой маленький птенчик и с ним этот, как-вы-его-там-называют! О, как ты вырос, мой утенок! Теперь тебе, пожалуй, в кроличью нору не протиснуться! Входи, входи, — поспешно проговорила она, делая приглашающий жест рукой. — Ты такой бледный, несчастный. Уж не заболел ли?

Тарен, охваченный неясным беспокойством, последовал за ней. Гурджи, трясаясь всем телом, прижался к нему.

— Остерегайся, остерегайся,— тихонько хныкал он.— Гурджи знает, ее ласки страшнее опаски!

Все три колдуньи были поглощены, как показалось Тарену, хозяйственными заботами. Оргох, чье лицо было совершенно скрыто под черным капюшоном, сидела на шатком стуле и безуспешно пыталась вычесать цепкие репы из лежащей у нее на коленях сваленной шерсти. Орвен, или та, кто была на этот раз Орвен, с трудом вертела довольно перекошенное прядельное колесо, молочно-белые бусы низко свисали с ее короткой шеи и грозили запутаться в спицах скрипящего колеса. Сама Ордду — когда только она успела? — склонилась у ткацкого станка, стоящего в углу хижины посреди беспорядочной кучи древнего ржавого и сломанного оружия. На раме было растянато начатое полотно, но окончания работы еще и не предвиделось. Спутанные нити, сплошь покрытые крупными узлами, скорее похожими на репы, свисали со станка. Редкие уток и основа не позволяли даже примерно угадать, что за рисунок задуман нелепыми ткачихами. Тарен никак не мог разглядеть его. То ему казалось, что на полотне возникают смутные человеческие и звериные фигуры. То они исчезали. А то вдруг вновь появлялись и начинали двигаться.

Но хорошенько разглядеть странный ковер он не успел. Орвен, остановив колесо и радостно хлопая в ладоши, засемила к ним навстречу.

— Странствующий цыпленок и гур-гур-Гурджи, милый звереныш! — залопотала она.— Как поживает милый малыш Даллбен? «Книга Трех» еще у него? А его борода? Как ему, малышке, верно, тяжело таскать ее! Но книга — не борода,— неясно добавила она.— Он пришел с вами? Нет? Как жаль! Но это неважно. Так очаровательно, что у нас снова гости!

— Мне не нужны гости,— раздраженно просипела Оргох, швыряя шерсть на пол.— Мне нужны их кости!

— Ну, ну, обжора,— урезонила ее Орвен.— Гости все же приятнее. Странно, что они вообще у нас появились.

Оргох фыркнула и что-то забормотала себе под нос. Под черным капюшоном Тарен заметил злобную гримасу.

Ордду махнула рукой.

— Не обращай внимания на Оргох,— сказала она Тарену.— Она сегодня не в духе, бедная наша обжорушка.

Сегодня была очередь Орвен стать Оргох, а Оргох очень уж хотела поскорей стать Орвен. Теперь она страшно огорчена, потому что Орвен в последний момент передумала и отказалась. Впрочем,— она перешла на доверительный шепот,— я не обвиняю ее. Я тоже не люблю быть Оргох. Но мы как-нибудь это уладим.

Ордду улыбнулась, и морщины весело заиграли на ее бугристом лице.

— А ты,— продолжала она,— ты самый смелый из малых гусят. Немногие в Прайдене отваживаются по собственной воле наведаться в Болота Морвы. И из этих немногих ни один еще не возвращался отсюда. Возможно, Оргох их поглощает своей любовью. Ты единственный сумел сделать это, мой цыпленок.

— Ах, Ордду, он смельчак и герой,— встала Орвен, глядя на Тарена чуть ли не с обожанием.

— Не говори чепухи, Орвен,— оборвала ее Ордду.— Есть герои и героини. Я не отрицаю, что иногда он ведет себя довольно смело. Он, помню, дрался рядом с лордом Гвидионом и был тогда горд собой и пыжился, как цыпленок в орлиных перьях. Но существует другой род смелости. Кто смелее: малиновка, несущая в свое гнездо червяка, или червяк, храбро извивающийся в ее клюве? Второе, дорогая Орвен, дает нам пример более великого мужества.— Колдунья обернулась к Тарену.— Ну, говори, мой птенчик, зачем ты искал нас снова?

— Не говори, не говори! — вскричала Орвен.— Дай нам самим догадаться! О, я люблю такие игры, хотя Оргох всегда их портит.— Она хихикнула.— Ты даешь нам тысячу и три попытки, и чур я первая отвечаю!

— Будь по-твоему, Орвен, если это радует тебя,— снисходительно согласилась Ордду.— Но хватит ли нам тысячи и трех попыток? Молодой барашек не так прост.

— Вы знаете все о том, что есть,— сказал Тарен, стараясь прямо глядеть в глаза колдунье.— И вы умеете угадывать то, что должно быть. Я думаю, вам известно не только начало моих поисков, но и конец их. Да, я хочу узнать о своем происхождении.

— Происхождении? — воскликнула Ордду.— Ничего нет проще! Выбирай родителей любых, каких только пожелаешь. Поскольку ни ты их, ни они тебя не знают, какая разница, кто кого выберет? Верь в то, что тебе нравится. И ты удивишься, как все просто, ясно и удобно!

— Я не желаю ни простого, ни удобного,— ответил Тарен,— а прошу только правды, будь она неприятная или радостная.

— О моя сладкая малиновка,— заворковала Ордду,— нет ничего труднее, чем отыскать правду. Есть такие, кто тратит на это целую жизнь, и многие из них попадали в гораздо худшие переделки, чем ты.

Она радостно улыбнулась и почти пропела:

— Некоторое время назад была тут лягушка. Я хорошо помню этого несчастенького. Он так и не мог вспомнить, кем был сначала: то ли сухопутным попрыгунчиком, то ли подводным поплавунычком. То ли любил нырять в прохладной водичке, то ли греться на бревнах в лучах солнышка. Мы превратили лягушку в аиста, любящего лягушек. С тех пор у него не было никаких сомнений. А лягушки просто не успевали усомниться. Вот счастливая судьба! Мы с радостью сделаем то же самое для тебя.

— Для вас обоих,— прокаркала Оргох.

— Нет! — завопил Гурджи, прячась за спину Тарена.— О, добрый хозяин, Гурджи не хочет быть ни прыгой, ни дрыгой!

— А помнишь змею,— подхватила Орвен,— которая ужасно мучилась оттого, что никак не могла решить, быть ли ей зеленой с коричневыми пятнами или, наоборот, коричневой в зеленых пятнышках? Мы сделали ее невидимой, но с видимыми пятнами, поэтому все, кроме нее, видели ее и не наступали. Как ей стало хорошо! Она была так нам благодарна!

— А я вспоминаю,— хрипло откашливаясь, просипела Оргох,— был такой вкусный...

— Успокойся, Оргох,— перебила Орвен,— у твоих воспоминаний такой... такой неприятный привкус.

— Ты видишь, мой петушок,— сказала Ордду,— мы можем помочь тебе стать счастливым по-всякому, разными способами. И все они быстрее и проще, чем любой, который ты смог бы выдумать. Кем ты хочешь быть? Если тебе интересно мое мнение, то я предлагаю стать ежом. Совершенно безопасная жизнь! Но я не

навязываю тебе свой выбор. Все зависит от твоего желания.

— Нет, нет! — радостно воскликнула Орвен. — Не будем их затруднять! Мы решим сами и избавим бедняжек от утомительного выбора. Они только спасибо нам скажут! Как очаровательно будет увидеть выражение благодарности на их крошечных личиках, или клювиках, или... или что там в конце концов у них появится!

— Только не птицы! — запротестовала Оргох. — Птицы ни в коем случае. Терпеть их не могу. Ощипываешь, ощипываешь...

Страх сковал Гурджи. Он мог только беззвучно открывать рот, как во сне. Тарен почувствовал, как кровь у него застыла в жилах. Ордду сделала шаг к нему, и Тарен непроизвольно потянулся к мечу.

— Ну, ну, мой цыпленок, — пропела Ордду, — только не выходи из себя. Кто знает, сможешь ли вернуться обратно? Хи-хи! Ты прекрасно знаешь, что твой меч бесполезен здесь, к тому же размахивание мечом еще никому не помогало думать. Ты ведь сам решил довериться нам и положиться на наше решение.

— На-аше решение, — эхом откликнулась Оргох. Из глубины ее капюшона красным огнем загорелись маленькие глазки и плотоядно раскрылся рот.

Тарен выпрямился.

— Ордду, — проговорил он, стараясь, чтобы голос его звучал твердо, — ты ответишь мне на мой вопрос? Если нет, то мы уходим.

— Мы только старались помочь тебе и облегчить твою жизнь, — сказала Орвен, надув губы и теребя свои тяжелые бусы. — Зачем же обижаться?

— Конечно, мы всё скажем тебе, смелый мой головастик, — ласково протянула Ордду. — Ты узнаешь все, что пожелаешь. Но у нас есть одно условие: нужно заплатить. Поскольку то, о чем ты спрашиваешь, очень важно... для тебя, то и плата может быть о-о-чень высокой! Не уверена, что ты подумал об этом прежде, чем отправиться сюда.

— Когда мы искали Черный Котел, — начал Тарен, — вы в счет платы взяли волшебную брошь Адаона, вещь,

которой я больше всего на свете дорожил. С тех пор я не нашел ничего, чем бы дорожил больше.

— Но, мой цыпленок,— расплылась в улыбке Ордду,— та сделка была о-очень давно! Мы тогда рассчитались сполна. Ты говоришь, что ничего с собой не принес? Тогда, если ты ничего другого не можешь нам предложить, принимай наше предложение и превращайся в ежа.

— В прошлый раз,— хрипло прошептала Оргох на ухо Ордду,— ты хотела взять один из летних дней этого молодого ягненка. Это, я думаю, будет лакомый кусочек!

— Ты всегда думаешь только о своем удовольствии, Оргох,— отмахнулась от нее Ордду.— В конце концов ты должна бы подумать и о том, что нам всем понравится.

— С ним здесь была золотоволосая девушка,— вставила Орвен,— миленькое маленькое создание. У него безусловно сохранились при себе приятные воспоминания о ней. Разве мы не можем забрать их? — Она сладко зажмурилась.— Как приятно будет расстилать их на полу и долгими зимними вечерами глядеть на них, любоваться и вздыхать. Правда, у него уже их не останется ни клочка. Но, думаю, это будет превосходная сделка.

Тарен затаил дыхание.

— Даже вы! Вы не будете так безжалостны! — в отчаянии воскликнул он.

— Почему нет? — широко улыбнулась Ордду.— Жалость, дорогой гусенок, как ты уже знаешь, не в наших правилах. Она только мешает правильной сделке. А это уже не по правилам. Тем не менее,— она обернулась к Орвен,— эта плата нам не подходит. У нас уже достаточно всяких воспоминаний.

— Тогда... — Тарен крепко сжал кулаки, весь напрягся.— Тогда... Мало чем на свете я дорожу больше, чем моим именем.— Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.— Я предлагаю вам свое имя! Что вы на это скажете?

И хоть там, дома, в Каер Даллбен, он все обдумал и готов был на многое, но теперь ему вдруг захотелось все бросить и бежать, бежать без оглядки...

— Если этого вам мало,— продолжал Тарен,— я обещаю любую ценную вещь, которая появится у меня в жизни... самую большую драгоценность, которая попадет мне в руки, отдать вам. Она будет вашей, и вы сможете потребовать ее когда угодно.

Ордду не ответила, а только с любопытством глядела на него. Остальные колдуньи тоже молчали. Даже Гурджи перестал хныкать и замер. Фигурки на полотне в ткацком станке, казалось, корчили Тарену мерзкие гримасы. Он ждал, пока Ордду заговорит.

Колдунья улыбнулась.

— Неужели ответ на твой вопрос значит для тебя так много, что ты готов отдать то, чего даже не приобрел еще?

— Или никогда не приобретешь! — прокаркала Оргох.

— Больше мне нечего предложить вам,— опустил голову Тарен.— Но вы не можете, не должны отказать мне!

— Сделка, которую ты нам предлагаешь,— сухо сказала Ордду,— очень ненадежна и по-настоящему не может устроить нас. Все неопределенно, и очень часто случается, что бедный воробушек, который предлагает подобный обмен, не живет долго или за всю свою жизнь так и не приобретает ничего ценного. Бывает и по-другому. Наш должник потом упирается и упрямится, и приходится превращать его в некое знаменитое своим упрямством существо. А это так хлопотно. Нет, мой птенчик, так не пойдет. Нам жаль. Если вообще мы можем испытывать жалость к кому-либо.

Тарена охватило отчаяние. Голова его закружилась, и он уже не понимал, то ли колдуньи вдруг потеряли свои очертания и плыли перед глазами, меняясь местами и обликами, то ли ему все это мерещится. Он глядел на Ордду, Орвен, Оргох и не мог различить их. Казалось, перед ним возникла ледяная стена, сквозь толщу которой нельзя было пробиться. Он опустил руки и отвернулся.

— Но, дорогой мой гусенок,— весело окликнула его Ордду,— я же не сказала, что нет других, кто может ответить на твой вопрос.

— Конечно, они есть,— добавила Орвен,— поиски их займут не так уж много времени.

— Кто они? — встрепенулся Тарен, хватаясь за эту новую надежду.

— Я вспоминаю пестрого дрозда, который раз в году прилетает на гору Килгвири, чтобы поточить клюв,— сказала Орвен.— Он знает все, что когда-либо происходило. Если тебе так уж приспичило узнать, ты можешь подождать и спросить его.

— Ах, Орвен,— укоризненно покачала головой Ордду,— иногда мне кажется, что ты живешь только прошлым. Гора Килгвири давным-давно рассыпалась песочком, а малышка дрозд улетел куда-то.

— О, ты совершенно права, дорогая Ордду,— пригрозилась Орвен.— Это выскочило у меня из головы. А, может, лосось из озера Лью? Никогда не встречала более мудрой рыбы.

— Уплыл,— пробормотала Оргох, цокая пустым зубом.— Да-авно уплыл!

— Увы, птицы и рыбы в конце концов улетают и уплывают,— задумчиво сказала Ордду.— Надо поискать что-нибудь более надежное. Ты мог бы, например, попробовать Зеркало Ллюнет.

— Зеркало Ллюнет? — переспросил Тарен.— Я никогда не слышал о нем. Что это? Где...

— Все же лучше было бы,— перебила его Оргох,— чтобы он остался с нами. И дурашка зверюшка Гурджи — тоже.

— Держи себя в руках, дорогая Оргох, хотя бы пока я объясняю,— недовольно зыркнула на нее Ордду. Потом обернулась к Тарену, и голосок ее снова стал сладким.— Да, воробушек, стоит посмотреть в Зеркало Ллюнет, и оно покажет тебе что-нибудь интересенькое.

— Но где...— снова начал Тарен.

— Слишком далеко,— проворчала Оргох.— Оставайся лучше с нами.

— В горах Ллавгдарн,— ответила Ордду, беря его за руку.— Если только его не перенесли. Но пойдем, мой гусенок. Оргох становится слишком беспокойной. Я знаю, что она жаждет оставить тебя здесь. Для тебя это было бы большое разочарование. А мне не хотелось бы отвечать за ее поведение.

— Но как я смогу найти его? — Тарен наконец смог задать свой вопрос, когда вместе с дрожащим Гурджи оказался снаружи хижины.

— Не задерживайся на Болотах,— посоветовала на прощание Ордду, прислушиваясь к громким и сердитым голосам внутри хижины.— Не то можешь пожалеть о своей глупой смелости... или смелой глупости. Прощай, моя малиновка.

Кривая дверца, скрипнув, плотно притворилась.

— Бежим! — воскликнул Гурджи.— Помчались, добрый хозяин, пока бедная, слабая голова Гурджи еще у него на плечах!

Но Тарен, несмотря на то, что Гурджи вцепился в него обеими руками и тащил изо всех сил, не двигался с места. Он стоял, уставясь на дверь, и никак не мог справиться и разобраться с той мешаниной мыслей, которые нахлынули на него.

— Почему она насмеялась над моей смелостью? — хмурился он.— Смелость малиновки и храбрость червя... глупая смелость и смелая глупость... А поиск Зеркала Ллюнет — это глупость или смелость?..

— Поспешим,— теребил его Гурджи.— Глупому Гурджи надоела смелость. Он хочет вернуться в безопасный Каер Даллбен. О, брось эти искалки и плуталки!

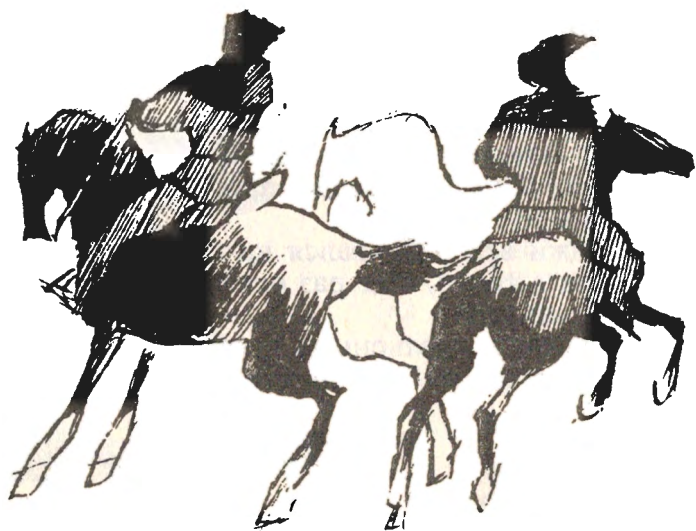
Тарен еще мгновение поколебался. О горах Ллавгдарн он слышал лишь то, что они высятся где-то далеко

на востоке. Но путь к ним никто не мог указать, а потому путешествие казалось бессмысленным. Гурджи с мольбой глядел на него. Тарен потрепал беднягу по плечу, повернулся и решительно двинулся к Мелинласу.

— Зеркало Ллюнет — единственная надежда, которую мне подарила Ордду, — твердо проговорил Тарен. — Я должен найти его.

Пока Гурджи вскарабкивался на своего пони, Тарен легко вскочил в седло, еще раз оглянулся на хижину, и сердце его дрогнуло.

— Подарила? — с сомнением пробормотал он. — Разве Ордду дарит что-нибудь просто так?

Глава вторая

КОРОЛЕВСТВО КАДИФФОР

Двое путешественников покинули Болота Морвы и направили своих коней на юго-восток, к Долине Княжеств, что протянулась вдоль долины реки Истрад. Тарен намеревался заехать в Каер Кадарн, крепость короля Смойта, и попросить рыжебородого властителя дать им более прочную упряжь, чем та, которой они запаслись в Каер Даллбен.

— А потом,— повернулся к Гурджи Тарен,— мы будем уповать на случай, который и поведет нас за собой.— Он печально улыбнулся.— Моя бедная, слабая голова полна вопросов и сомнений. Но, увы, в ней нет никаких ответов и планов.

Оставив далеко позади Болота, они через много дней пути пересекли наконец границу Каdifфора, королевства Смойта, самого большого в Долине Княжеств. Местность менялась тут чуть ли не с каждым шагом. Сырые болотистые топи переходили в зеленые луга, просторные долины сменялись густыми лесами, а в глубине

леса вдруг открывались очаровательные поляны с угнездившимися здесь хуторами. Гурджи лихорадочно принохивался к дыму из очагов, жадно улавливал аромат пищи, который так и парил в воздухе, косился на Тарена, молча умоляя о привале. Но Тарен не останавливался и не сворачивал с выбранной дороги, беспрестанно погоняя своего коня. Гурджи с трудом поспевал за ним. И дня через три они наконец достигли пределов Каер Кадарн. Незадолго до заката солнца, когда облака стали низкими и тяжелыми, а в воздухе повеяло холодом, Тарен решил укрыться в сосновой роще и переждать до утра.

Едва они спешили, а Гурджи поспешил снять седельные сумки с едой, как в рощу рысью влетел отряд всадников. Тарен схватился за меч. Гурджи с тревожными воплями заметался вокруг него.

Всадников, на отличных лошадях и хорошо вооруженных, было пятеро. Уверенные, рыжебородые, загорелые, они имели вид людей, привыкших к седлу и долгим походам. Цвета их одежд, отличные от цветов Дома Смойта, навели Тарена на мысль, что это слуги одного из вассалов Смойта.

— Спрячь свой меч,— приказал главный всадник, вынимая, однако же, свой и осаживая лошадь прямо перед Тареном.— Кто вы? Кому служите? — подозрительно спросил он.

— Они разбойники! — закричал другой.— Перебьем их!

— Они больше походят на пугал, чем на разбойников,— ответил предводитель.— Я полагаю, это двое разгильдяев, убежавших от своего хозяина.

Тарен опустил меч, но не спешил вернуть его в ножны.

— Я — Тарен, Помощник Сторожа Свиныи...

— Тогда где ваши свиньи? — грубо расхохотался первый всадник.— И почему вы не следите за ними? — Он ткнул большим пальцем в сторону Гурджи.— Или ты мне скажешь, что этот... эта жалкая животина и есть тот, кого ты пасешь?

— Эта... этот... он не поросюшка! — негодуя закричал Гурджи.— Он совсем не поросюшка! Он — Гурджи, смелый и умный. Он служит своему доброму хозяину!

Гнев непонятного и необычного существа вызвал только новую вспышку смеха у всадников. Но теперь первый всадник обратил внимание на Мелинласа и разглядывал его с большим интересом.

— Твой конь не соответствует твоему положению, скотник, — сказал он. — Где ты его взял?

— Мелинлас мой по праву, — резко ответил Тарен. — Это подарок Гвидиона, принца Дома Доны.

— Лорда Гвидиона? — взъярился вдруг воин. — Подарен? Скорее украден у него! — Он угрожающе усмехнулся. — Берегись, твоя большая ложь будет стоять тебе немалой трепки!

— Я не лгу и не напрашиваюсь на ссору, — примирительно сказал Тарен. — Мы скромные путешественники и идем в замок короля Смойта.

— Смойту не нужны скотники, — бросил один из воинов.

— И нам тоже,— сказал первый всадник. Он повернулся к своим товарищам.— Что вы скажете? Возьмем его коня? Или голову? Или и то и другое?

— Лорд Горион обрадуется новому коню и хорошо наградит нас,— ответил другой всадник.— Но от головы скотника ему нет никакой пользы.

— Отлично сказано! Пусть так и будет!— закричал воин.— Кроме того, ему сподручнее будет пасти своих свиней пешком,— добавил он, хватаясь за узду Мелинласа.

Тарен прыгнул между своим конем и всадником. Гурджи кинулся вперед и яростно вцепился зубами в ногу воина. Но остальные всадники пришпорили коней, и Тарен в мгновение ока оказался в окружении вставших на дыбы лошадей. Его тут же оттеснили от Мелинласа. Он попытался вскинуть меч, но один из всадников ловко повернул свою лошадь боком, и та сбила Тарена с ног. В тот же момент другой его противник нанес такой удар, который наверняка стоил бы Тарену головы, если бы всадник не ударил плоской стороной клинка. Оглушенный, Тарен свалился на землю, в ушах у него звенело, голова кружилась. Всадники кометами носились перед его глазами. Смутно слышал он вопли Гурджи, ржание Мелинласа. Ему показалось даже, что в драку затесалась какая-то новая фигура. Но к тому времени, когда он, шатаясь, смог подняться на ноги, всадники исчезли, уведя с собой Мелинласа.

Перемежая стоны жалобами и гневными угрозами, Тарен с трудом волочился по дороге. Вдруг широкая и тяжелая рука легла на его плечо. Он резко повернулся и увидел человека в грубошерстной безрукавке, подпоясанного обыкновенной веревкой. Его голые по плечи руки были узловатыми, жилистыми, спина сгорбилась не столько от возраста, сколько от тяжелого труда. Копна серых нестриженных волос спадала на лоб, прикрывая уши. Лицо было строгим, но не злым.

— Держись, приятель,— сказал человек.— Теперь уж ты их не догонишь. А с твоей лошадью ничего плохого не случится. Приспешники лорда Гориона обращаются с лошадьми лучше, чем со строптивыми незнакомца-

ми.— Он потряс в руке увесистый дубовый посох, больше похожий на добрую дубинку.— Двоим из этих прихвостней лорда Гориона придется теперь подзанияться починкой своих голов. Но и ты, гляжу, не в лучшем виде.— Он поднял с земли мешок и вскинул его на спину.— Я Аэддан, сын Аэдда,— сказал он.— Пойдемте со мной. Мой хутор здесь недалеко.

— Да,— горько вздохнул Тарен,— куда мне теперь без Мелинласа! Только и остается, что возвращаться назад. Но я должен,— воскликнул он,— должен найти ответ...

Он внезапно умолк. Хватит с него насмешек тех воинов. Тарен не хотел открываться даже этому, как видно, доброму человеку, который поддержал его.

Но крестьянин не выказывал, казалось, никакого интереса и не приставал с расспросами.

— То, что ты ищешь, твое дело,— спокойно сказал Аэддан,— меня это не касается. Я просто видел, как пятеро напали на двоих, и для справедливости немного уравнил силы в поединке.— Он снова тряхнул своим посохом-дубинкой.— Ты собираешься подлечить свои раны? Тогда следуй за мной.

Крестьянин зашагал вниз по склону холма, Тарен и Гурджи поспешали за ним. Гурджи часто оборачивался и грозил кулаком в сторону усколавших всадников, а Тарен плелся молча, погруженный в глубокое отчаяние от потери Мелинласа и горькие думы о том, что поиски его увенчались пока лишь потерей коня да приобретением синяков и ссадин. Ломило кости, ныло все тело. Вдобавок к его мрачным мыслям помрачнело и небо, сгустились и потемнели облака, хлынул проливной дождь. К тому времени, когда они наконец добрались до хутора, Тарен насквозь промок и с ног до головы был заляпан грязью.

Жилищем Аэддана была ветхая хижина, сплетенная из обмазанных глиной веток. Но Тарен был удивлен чистотой и уютом, а самое главное — красивой и прочной мебелью. Никогда раньше в его скитаниях не приходилось ему пользоваться гостеприимством крестьян Прайдена, и он оглядывал все здесь, как путешественник, попавший в неведомые земли. Теперь, когда Тарен

смог повнимательнее разглядеть самого Аэддана, он увидел написанные на обветренном лице этого человека честность и добродушие. Крестьянин тепло улыбнулся ему, и Тарен, несмотря на боль, пронизывающую все тело, тоже улыбнулся в ответ. Он чувствовал, что на самом деле встретил друга.

Жена крестьянина, высокая, высохшая, изнуренная работой женщина, с таким же морщинистым и добродушным лицом, как у мужа, всплеснула руками при виде Гурджи, чьи мокрые спутанные волосы собрали, казалось, все листья, сосновые иглы и веточки леса, и вскрикнула, глянув на измазанное кровью лицо Тарена. Пока Аэддан рассказывал ей о стычке у дороги, Аларка, как звали его жену, открыла деревянный сундук и вытащила оттуда крепкую теплую куртку, здорово поношенную, но любовно и аккуратно залатанную. Тарен с благодарностью взял эту простую одежду взамен своей истерзанной и промокшей.

Аларка принялась готовить целебное зелье из лесных трав, а Аэддан тем временем вывалил на стол содержимое своего мешка: ломти хлеба, сыр и горсть сушеных фруктов.

— Удобств у нас немного, — сказал он. — Моя скудная земля родит худой урожай, поэтому часть времени приходится трудиться на полях соседей. Они мне платят тем, что я не могу вырастить на своей земле.

— Но я слышал, — сказал Тарен, смущенный неожиданным видом бедности, — что в Долине Княжеств богатые земли.

— Так и в самом деле было когда-то, — скупно улыбнулся Аэддан. — Во времена моих предков, но не сейчас. Как Княжеские холмы были известны своими тонкорунными овцами, так и Долина Княжеств у реки Истрад славилась повсюду своими густыми овсами и урожаями ячменя, а само королевство Кадиффор — тяжелой, золотой, как солнце, пшеницей. И золотые деньки тогда были во всем Прайдене, — продолжал Аэддан, разрезая хлеб и сыр и протягивая их Тарену и Гурджи. — Отец моего отца рассказывал древнюю историю о плугах, ко-

торые работали сами, о косах, которые косили траву, и при этом рука человеческая к ним даже не прикасалась.

— Я тоже слышал эту легенду,— сказал Тарен.— Но Аровн, хозяин Земли Смерти, украл эти сокровища, и теперь они ржавеют без пользы, припрятанные глубоко под крепостью Аннувина.

Крестьянин серьезно кивнул.

— Рука Аровна удушила жизнь в Прайдене. Тень его легла на всю землю Прайдена, заслонила солнце. Земля оскудела. Наш труд становился все тяжелее. Люди лишились умения и мастерства. Аровн украл у нас всё. Мы владели многими секретами, поэтому земля давала обильные плоды. И этого тоже лишил нас лорд Аннувина.

Тарен впитывал в себя слова крестьянина, а тот продолжал свой незатейливый рассказ:

— Дважды за два года не получал я урожая. Мой амбар пуст. И чем больше мне приходится работать на других, тем меньше у меня сил и времени для собственного поля. И нет у меня умения, отнятого еще у моих предков. Все секреты укрыты навеки во владениях лорда Аннувина.

— Не знаю, помогли бы нам те секреты,— вздохнула Аларка,— если перед самым севом пал наш вол, а коровы заболели и погибли. К тому же,— она вдруг понизила голос,— мы лишены помощи Амрена.

Тарен вопросительно глянул на женщину, не понимая, кто такой Амрен. Слезы навернулись на ее глаза.

— Амрен — наш сын,— тихо сказала женщина.— Ему было столько же лет, сколько тебе, и это его куртка сейчас на твоих плечах. Она ему больше не понадобится. Зима и лето, холод и жара теперь для него безразличны. Он спит под могильным холмом вместе с другими павшими воинами. Да, он умер,— всхлипнула женщина.— Он был в войске, когда на них напали какие-то всадники, оказавшиеся грабителями.

— Разделяю вашу печаль,— грустно сказал Тарен и, чтобы как-то умерить ее горе, добавил: — Но умер он, конечно, с честью. Ваш сын — герой...

— Мой сын убит! — резко ответила женщина.— Те всадники напали, потому что хотели отнять последнее. Теперь у нас и того нет. Мы и себя-то не в состоянии прокормить. Секреты, которые украл Аровн, лорд Земли Смерти, может, и спасли бы нас. Увы, нам не под силу возвратить их.

— Ничего! — восторженно воскликнул Аэддан.— И без тех секретов мой урожай в этом году будет неплохим. Правда, я смог обработать лишь клочок поля. Но зато вложил в него все свое умение, весь труд, все силы.— Он гордо посмотрел на Тарена.— Когда мы с женой были уже не в силах тянуть плуг, я вскапывал землю просто руками и засеивал ее зерно за зерном вот этими ладонями.— Крестьянин засмеялся.— А потом я выпалывал поле, ползая от колоска к колоску так же старательно, как

знатная дама лелеет цветок, растущий в горшке у нее на окне. Не может быть, чтобы земля обманула меня.— Он нахмурился.— Не должна. Наша жизнь зависит от этого урожая.

После такой длинной речи крестьянин умолк надолго, и скудная трапеза прошла в глухом молчании. Тарен, поблагодарив хозяев, с удовольствием расправил свои ноющие кости у очага. Гурджи свернулся клубком рядом с ним. Усталость сморила Тарена, заглушив даже тревожные мысли о судьбе Мелинласа. Под шум бесконечного дождя, барабанившего по крыше, и потрескивание тлеющих в очаге угольков он уснул.

Они поднялись еще до рассвета. Но Аэддан уже копошился на поле. Дождь кончился. Исходящая паром земля была свежей и влажной. Тарен опустился на колени и зачерпнул полную пригоршню этой теплой мягкой земли. Аэддан говорил правду — поле было вспахано на славу. Тарен глядел на крестьянина со все возрастающим уважением и восхищением. Ухоженная земля наверняка даст богатый урожай. Но с болью и тоской взирал Тарен на невспаханный клин. Эта земля так и останется бесплодной, потому что не хватает рук возделывать ее. С тяжким вздохом он отвернулся. А мысли его снова устремились к Мелинласу.

Как отобрать своего серебриногривого коня? Одно Тарен знал твердо: надо направить свой путь к замку лорда Гориона, куда, по словам Аэддана, грабители непременно должны были отвести захваченного коня. Но пока, хоть его и не оставляла тревога за любимого коня, Тарен взялся за работу. Он все утро трудился рядом с Аэдданом. Бедные крестьяне поделились с ним последним куском хлеба, и Тарен не видел другого способа отблагодарить их. К полудню он разогнул спину и остановился. Больше медлить было нельзя. Пора в путь! Он стал готовиться к отъезду.

Аларка и ее муж стояли в дверях хижины. Они не спросили Тарена о цели его путешествия. Но женщина сказала на прощание:

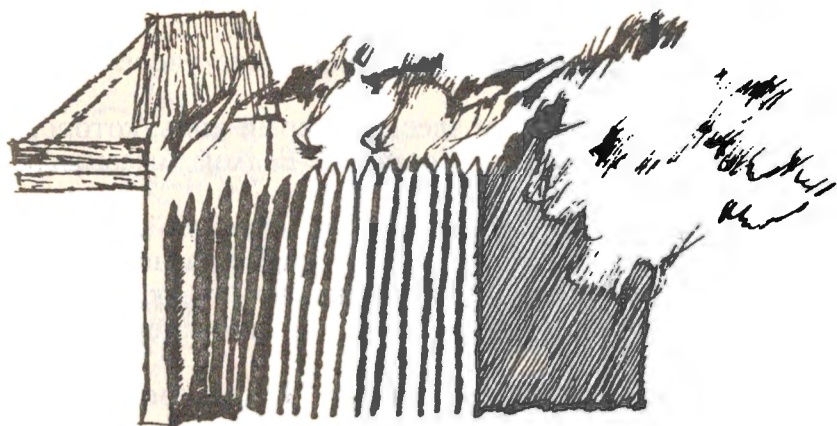
— Ты давно, как я вижу, вышел в дорогу. Ты оставил свой дом и родных. Я знаю, как страдает сердце матери

по ушедшему сыну. Наверное, и твои родители проливают слезы в разлуке?

— Увы,— тихо ответил Тарен, возвращая куртку Амрена,— я не знаю своих родителей. И они не знают ничего обо мне.

— Тебе хорошо знаком крестьянский труд,— сказал Аэддан.— Если ты ищешь пристанище или то место, где тебе всегда будут рады, то считай, что уже нашел его.

— Кого бы я ни встретил на своем пути, пусть эти встречи принесут мне столько же радости и радушия, сколько дал мне твой дом,— ответил Тарен и не без сожаления распрощался с хозяевами. Гурджи приветливо кивал им из-за спины Тарена.

Глава третья

ГОРИОН И ГАСТ

Аэддан показал им самую короткую дорогу к твердыне лорда Гориона, и два путника достигли цели еще задолго до заката солнца. С удивлением Тарен обнаружил, что никакого замка нет. Вместо этого на взгорке толпились небольшие, но прочные постройки, окруженные частоколом из кольев, перевитых ивовой лозой, с замазанными глиной и плотно утрамбованной землей щелями. Ворота, сбитые из тяжелых бревен, были распахнуты. В них въезжали и выезжали всадники, проходили пастухи, пригнавшие коров с пастбища, тянулись горожане с мешками за плечами, входили запыленные путники.

Несмотря на сопротивление упиравшегося Гурджи, Тарен решительно двинулся вперед, стараясь не выказывать ни робости, ни колебаний. В снующей туда и обратно толпе они вошли в крепость незамеченными. Тарен без труда отыскивал конюшни, которые выделялись среди остальных строений особой чистотой и прочно-

стью. Он направился к молодому парню, стребавшему сено, и, придав своему голосу побольше уверенности, крикнул:

— Эй, друг! Скажи, не здесь ли серый конь, которого захватили воины лорда Гориона? Редкой, сказывали, красоты лошадка.

— Серый конь? — переспросил конюший. — Лучше сказать, серый дракон! Зверь! Он чуть не разнес в щепки свое стойло и так цапнул меня, что я век буду помнить. Думаю, лорд Горион еще до заката переломает ему кости.

— Как это? — ужаснулся Тарен. — Что он сделал с лошастью?

— Лучше спроси, что лошадь сделала с ним! — ответил парень, усмехаясь. — Сбрасывала его уже не менее дюжины раз! Наш главный конюший и то не мог усидеть на этом дьяволе больше трех секунд. Но лорд Горион не сдается и даже сейчас, кажется, пытается его объездить. Его называют Горион Доблестный, — парень уже откровенно хихикнул и тут же испуганно прикрыл рот рукой. — Доблестный-то он доблестный, а по мне, так для такого занятия доблести маловато. Но его прихвостни знай подстрекают хозяина. Лорд Горион поклялся уломать это непокорное животное, даже если придется сломать ему хребет.

— Добрый хозяин, — зашептал Гурджи, — поторопимся к королю Смойту! Без его подмоги одни тревоги!

Тарен словно бы не слышал. Слова конюшего заставили его побледнеть. Нет, Каер Кадарн далеко. Помощь Смойта придет слишком поздно!

— Где конь? — резко спросил он, пытаясь скрыть тревожную дрожь в голосе. — Хотелось бы взглянуть на эту потеху.

Конюший ткнул граблями в сторону длинной приземистой постройки с опускающейся почти до земли крышей.

— Там, на заднем дворе за Главной усадьбой. Но будь осторожен, — добавил он, — и держись подальше, не то этот бешеный конь и тебя затопчет.

Тарен еще только приблизился к Главной усадьбе, как услышал крики и громкое ржание Мелинласа. Ноги сами понесли его, и он помчался сломя голову. На вытоптанном, изрытом копытами заднем дворе не было ни травинки. Тарен увидел, как несколько воинов с трудом удерживали на длинной веревке серого коня, пытаясь водить его по кругу. Конь вставал на дыбы, кружился на месте. Он упирался, вскидывал задние ноги и молотил воздух тяжелыми, как булыжники, копытами. Коренастый всадник, пытавшийся удержаться в седле, вдруг взмахнул руками и грохнулся на землю. Лорд Горрион так и остался лежать неподвижно, словно мешок со свинцом.

Мелинлас метался среди воинов, пытаясь прорваться сквозь плотный круг людей. Один из воинов поспешил схватить лошадь под уздцы. Забыв про осторожность, Тарен закричал и помчался к лошади. Он успел схватить поводья прежде, чем воины опомнились и обнажили мечи. Он обнял Мелинласа за шею. Тот радостно заржал. Тарен быстро вставил ногу в стремя. Только тут все пришли в себя. Кто-то ухватил Тарена за полу куртки, но он рывком высвободился и развернул коня. Тем временем лорд Горион опомнился, вскочил на ноги и теперь прорывался сквозь беспорядочную толпу воинов.

— Дерзость! Невиданная дерзость! — проревел он.

Его темная с проседью, коротко подстриженная борода по-ежиному ошетичилась. Тяжелое лицо покрылось багровыми пятнами, то ли от зреющих синяков, то ли от слепой ярости, то ли от того и другого. Тарену некогда было размышлять об этом.

— Чужак! Наглый грубиян! Он посмел коснуться моего коня! — неистовствовал лорд Горион. — Покончите с ним! Пусть расплатится жизнью за это оскорбление!

— Я всего лишь вернул своего коня! — крикнул Тарен. — Это Мелинлас, сын Мелингара!

Высокий костлявый человек с перевязанной рукой внимательно посмотрел на него. Тарен догадался, что это и был главный конюший.

— Сын Мелингара, знаменитого коня принца Гвидиона? О, это благородная родословная! Но откуда тебе это известно? — воскликнул он.

— Я знаю это так же хорошо, как и то, что Мелинласа у меня украли, — ответил Тарен. — Его отняли у меня около хутора крестьянина Аэддана, у самой границы вашего княжества. А у моего друга и спутника взяли его пони. — Юноша попытался объяснить, кто он, но властитель княжества даже слушать не стал.

— Дерзость и наглость! — бубнил он свое, и борода его угрожающе топорщилась. — Скотник осмеливается оскорблять меня лживыми историями. Мои воины добыли этих лошадей, рискуя своей жизнью!

— Нашими жизнями! — не сдавался Тарен, одновременно выискивая глазами нападавших на него всадни-

ков.— Пусть ваши воины сами расскажут и будут нашими свидетелями.

— Еще большая дерзость! — возопил Горион.— Мои воины не разбойники. Они по моему приказу объезжают границы княжества. Как смеешь ты обвинять их в грабеже?

— Да, ваша честь,— подхватил один из стоящих рядом воинов,— они честно служат вам и все до одного герои. Ведь им пришлось сражаться против шести великанов!

— Великанов? — опешил Тарен, едва веря своим ушам.

— Да, да, именно великанов! — воскликнул Горион.— И это останется в веках и памяти потомков, как смелые

воины Гориона Доблестного, окруженные врагами, которых было вдвое больше, не дрогнули. Ты говоришь, великаны? Не-ет, свирепые монстры! Один рвал их острыми когтями и страшными клыками. Другой налетал с вырванным из земли дубом, который он вращал, как сухую веточку! Но всадники Гориона Доблестного не дрогнули. Они вернулись с победой и добычей! Со славой и честью!

— Лошадь тоже колдовская, — вставил другой воин. — Она дралась так же люто, как и ее хозяин-великан. Это же зверюга, убийца. Лютый волк!

— Но Горион Доблестный приручит ее, — поддакнул третий воин, заглядывая в глаза властителю, — не так ли? Ты ведь объездишь эту непокорную скотину, Горион?

— Я? — вдруг робко переспросил Горион. — О, конечно! — закричал он окрепшим голосом. — Только дайте мне ее! — прорывал он и вдруг пронзительно завопил, накидываясь на Тарена: — Ты оскорбляешь мою честь, если сомневаешься в этом!

Окруженный непреклонными воинами Гориона, Тарен уже стал терять надежду на спасение. Он уже готов был выхватить меч и силой прорваться сквозь плотное кольцо. Но, еще раз взглянув на озлобленные лица приспешников чванливого и хвастливого Гориона, Тарен попытался действовать хитростью.

— Мой лорд, о неустрашимый Горион Доблестный, — промолвил Тарен, — я говорю правду. Там не было великанов, а только мой спутник, я да крестьянин, который пришел нам на помощь.

— Не было великанов? — взревел Горион. — Еще большее оскорбление! — Он затопал ногами с такой яростью, будто топтал не травинки, а скопище лютых врагов. — Ты называешь моих людей лгунами? Ну-ка, покажи хоть одного! Ткни пальцем в того, кого обвиняешь! Посмей!

— Мой лорд, — вновь начал Тарен, низко кланяясь. Ему уже стало ясно, что гордость не позволит Гориону поверить, будто его воины — обычные конокрады, сражавшиеся не с великанами, а с Помощником Сторожа Свины да с простым крестьянином. — Мой лорд, — еще ниже склонился Тарен, — я не называл ни одного из

твоих воинов лгуном. Они говорили правду. Ту правду, которая им померещилась.

— Ну, это уж такая дерзость! — задохнулся Горион. — Померещилась! Правда не мерещится, она есть или ее нет! И в твоих словах нет ни крупинки правды! Там были великаны, монстры и летающие дубы! Мои люди будут награждены за свою храбрость, а тебя я велю поколотить за бесстыдную ложь!

— Выслушайте меня, мой лорд, — осторожно, тщательно подбирая слова, снова попытался урезонить Гориона Тарен. Он уже понял, что любое неосторожное слово князь толкует как страшное оскорбление. — Солнце стояло низко, — втолковывал Тарен. — Наши тени от этого вытянулись и стали раза в два длиннее. Храбрые воины видели не нас, а наши тени и приняли обыкновенных людей за великанов.

Тарен видел, как снова багровеет Горион, и, не давая ему вставить слова, торопился все выложить.

— Что касается великанов, — не умолкал Тарен, — то на закате любой становится великаном. Попробуй сам.

— А летающий дуб? — возразил Горион.

— У крестьянина был крепкий дубовый посох, — поспешил объяснить Тарен, — да и сам он крепче дуба. Тяжеленный посох в его руках действительно летал и мелькал быстрее молнии, а каждый удар был таким, что могло показаться, будто на голову свалилось дерево.

Несколько секунд растерянный и смущенный Горион безмолвствовал. Он лишь цокал языком и поглаживал встрепанную бороду.

— Ладно, с великанами и с дубом покончили, — примирительно сказал он и вдруг снова вскинулся: — А как же с монстрами? С этими свирепыми мохнатыми страшилищами, которых мои воины видели собственными глазами?

— Монстр стоит перед тобой, — смиренно сказал Тарен, указывая на Гурджи. — Он давний мой друг. Могу засвидетельствовать, что он добрый и кроткий, но неукротим, когда на него нападут.

— Да, да! Гурджи таков! — залопотал Гурджи. — Смелый, умный и люто дерется за своего хозяина! — При

этом он скалил зубы, потрясал лохматыми руками и так устрашающе завывал, что Горион и его славные воины отпрянули назад.

Лоб властителя наморщился. Он вовсе не желал сдаваться, и видно было, как лихорадочно ищет он, к чему бы еще придраться.

— Тени? — вдруг проревел он. — Ты хотел бросить тень на тех, кто мне служит? Еще одно оскорбление...

— Пусть твои воины приняли тени за великанов, но они же не обратились в бегство. Они не дрогнули перед монстрами, которые им померещились. И храбрость их ничуть не уменьшается от этого. Они поведали тебе то, что видели. Или думали, что видели. Но и правдивость их от этого не уменьшается, — растолковывал Тарен, сам уже запутавшийся в своих рассуждениях.

— А зверь? Этот свирепый конь? Он тоже, по-твоему, обыкновенный, не заколдованный? — не унимался Горион. — Нет на свете такого коня, которого бы не усмирил Горион Доблестный! А с этим я не могу справиться. Если ты говоришь правду и это твой конь, попробуй оседлай его! Осмелишься — и я поверю тебе.

Тарен быстро вскочил в седло. Мелинлас заржал, взрыл землю копытом. Потом спокойно стал и повернул голову к седоку, словно бы ожидая приказа. Лорд

Горион онемел от изумления. Главный Конюший вытаращил глаза. Удивленные возгласы слышались из толпы воинов. Но вдруг один из них грубо выкрикнул:

— Эй, Горион! Неотесанный бродяга сидит верхом на лошади, которую не смог укротить сам лорд! Он отнимает у тебя не только лошадь, но и честь!

Горион, поначалу тайно вздохнувший от облегчения, что избавился от бешеной лошади, вдруг снова начал багроветь от ярости.

— Это не так! — поспешно вскричал Тарен. Он повернулся к толпе воинов. — Разве вы позволите своему великому сеньору ехать верхом на кляче простого скотника? Неужто подобает такое Гориону Доблестному? — И вдруг ему в голову пришла смелая мысль. Он повернулся к Гориону и произнес: — И все же, мой лорд, позвольте мне преподнести вам мою лошадь в подарок. Окажите мне честь...

— Что? — затрясся Горион. — Новое оскорбление! Мне, лорду, принять подарок от скотника? Дерзость! Да как ты осмелился? Я не унижу себя настолько, чтобы сесть на эту паршивую лошаденку! — Он взмахнул рукой. — Убирайся! С глаз моих долой! Все убирайтесь! И твоя кляча, и твоё лохматое чудище, и его пони тоже!

Горион напыжился, отвернулся и важным шагом двинулся прочь. Пони Гурджи вывели из конюшни, и под недобрыми взглядами воинов Гориона оба путника беспрепятственно выехали за ворота.

Тарен старался ехать медленно, с высоко поднятой головой, всем своим видом показывая, что он не старается улепетнуть поскорее. Но стоило им оказаться на воле, подальше от этой неприветливой крепости, как путники пришпорили своих коней и помчались галопом.

— О мудрый хозяин! — захлебывался от радости Гурджи. — О хитрость, которая спасла Гурджи от колотушек и молотушек! — Он теперь чувствовал себя в безопасности и тараторил без остановки. — Даже Гурджи не может быть таким умным! Его бедная, слабая голова не вмещает столько мудрых придумок.

— Ну, ну, дружище,— засмеялся Тарен,— поостынь. Моей мудрости не хватает даже на самую простую придумку. Например, где бы нам переночевать? — Он с тревогой оглядел лежащую перед ними равнину.

Наступала ночь, а до хутора Аэйдана было еще так далеко! Не ровен час, они снова натолкнутся на рыщущий повсюду отряд Гориона. Но вокруг не было никакого признака человеческого жилья. Ни хуторов, ни одиноких хижин. Тарен упорно двигался на багрово-красный закат, охвативший холодным пожаром горизонт.

Впереди на поляне замерцали огоньки. Тарен направил туда Мелинласа, и вскоре они оказались у подножия глинобитной крепостной стены. Крепость эта очень напоминала твердыню лорда Гориона. Но здесь все было освещено ярко пылающими факелами. Они торчали повсюду — по верху стены, в каждой бойнице и даже на крыше Главной усадьбы, будто там, внутри, бушевало буйное веселье и разгулялось великое празднество.

— Стоит ли рисковать и стучаться в ворота? — засомневался Тарен.— Если хозяин здешнего княжества окажет нам такое же гостеприимство, как лорд Горион, то уж лучше переночевать в гнезде гвитанта.

Однако усталость, слабая надежда найти уютную постель и приветливый свет факелов сделали свое дело. Тарен направил Мелинласа к воротам.

Юноша поднял голову и прокричал часовому на дозорной башне, что они мирные путники, едущие в Каер Кадарн, и друзья короля Смойта. Несколько мгновений он в напряжении ждал ответа. Но вот ворота заскрипели и распахнулись. Стражники кивком пригласили войти. Был вызван начальник, который препроводил Тарена в Главную усадьбу.

— Прошу принять приглашение моего лорда Гаста,— важно сказал сопровождающий.— Он дарует вам то, что достойно вас, наших гостей.

Следуя за Начальником Стражи, Тарен постепенно приходил в отличное настроение. Его согревали мысли о сытной еде и теплой постели. Громкие голоса, смех, разудалые звуки арфы неслись им навстречу из окон

усадыбы. Войдя, Тарен увидел тянущиеся вдоль стен столы, за которыми сидело множество людей. В дальнем конце низкого и длинного зала восседал окруженный дамами богато одетый военачальник. В одной руке он зажал громадный рог для вина, а в другой держал кушисе жареного мяса.

Тарен и Гурджи низко поклонились. Но прежде чем они успели сделать хоть один шаг, арфист, стоявший в центре зала, вдруг повернулся, радостно вскрикнул и кинулся к ним. Тарен, чью руку трясли так, будто хотели оторвать, с изумлением глядел на длинный острый нос, желтые лохмы и веселые глаза своего старого друга, Ффлевддур Пламенного.

— Счастлив видеть вас обоих! — вопил бард, увлекая их к столу. — С того самого момента, как мы расстались, я просто мечтал увидиться снова. Вот уж не думал встретить вас так далеко от Каер Даллбен! Когда мы приплыли с Моны, — захлебывался Ффлевддур, — я твердо решил покончить с бесконечными странствиями и осесть в моем королевстве. Но как-то я сказал себе: Ффлевддур, старина, весна бывает только раз в году. И вот она пришла. И вот я снова в пути. И вот я здесь! А что случилось с вами? Впрочем, сначала ешьте и пейте, а уж потом расскажете все по порядку.

Ффлевддур подвел спутников к лорду Гасту, и Тарен увидел сурового воина с тяжелым лицом и с бородой цвета увядшего льна. Роскошный воротник обрамлял могучую шею, корявые пальцы, способные, наверное, с легкостью раздавить грецкий орех, были унижены кольцами. Обручи кованого серебра плотно охватывали широкие запястья. Одевание владетельного князя сверкало богатым золотым шитьем, однако было заляпано жирными пятнами — следами не только пира нынешнего, но и давних пирушек.

Бард взмахнул арфой, указывая на двоих путников. Он торжественно назвал их имена и провозгласил:

— Досточтимый лорд Гаст, эти двое разыскали Черный Котел Аровна и славно дрались на стороне Гвидиона, принца Дома Доны. Прими их по достоинству, отметь их смелость, вырази свою благосклонность!

— Быть по сему! — громогласно приветствовал гостей лорд Гаст. — Ни один путник никогда еще не был обделен гостеприимством Гаста Великодушного! — Он расчистил место рядом с собой и, смахнув на пол пустые чаши и миски, хлопнул в ладоши. Тотчас явился дворецкий, и Гаст приказал ему немедленно принести еды. Тарен, в предчувствии пугающего обилия мяса,

питья и всяческих блюд, опасался, что и с половиной всего ему не справиться. Зато голодный, как всегда, Гурджи зачмокал губами в радостном предвкушении щедрой трапезы.

А лорд Гаст тут же завел длинную и путаную речь, из которой Тарен понял лишь то, что еда нынче дорога, но Гаст дорожит своей честью гостеприимного хозяина и не позволит гостям оставить хоть кусочек на тарелке, хоть глоток в чаше. Он разглагольствовал о своей необыкновенной, неслыханной щедрости, а Тарен тихо радовался, что наконец нашел приют и спокойный ночлег. Присутствие Ффлевддур прибавило ему уверенности, и он рискнул рассказать Гасту о встрече с лордом Горионом.

— Горион! — фыркнул Гаст. — Высокомерный грубиян! Хвастун! А хвастать-то чем? — Он сунул под нос Тарену рог для вина. — Видишь это? — И он крепким ногтем прочертил по серебряной оправе рога. — Здесь вырезано имя Гаста! Золотом! А посмотри на эту чашу! На этот драгоценный кубок! Они украшают мой стол всегда, не только по празднествам! В моей сокровищнице есть и более прекрасные вещи! Ха! Горион! Тощая конина! Вот что выпадает на его долю! Да и доля эта не больше, чем кончик моего ногтя!

Ффлевддур поспешно поднял к плечу арфу и заиграл.

— Эту безделицу я сочинил сам, — скромно пояснил он. — Хотя должен сказать, что она вызывала восхищение у тысяч слушателей...

Не успели эти слова сорваться с его уст, струны на арфе натянулись, словно тетива лука, и с громким звоном лопнули.

— Проклятие! — возмутился Ффлевддур. — Неужели она никогда не даст мне покоя? Клянусь Великим Белином, это уж слишком! Я уже не летаю на крыльях фантазии. Еще бы! Малюсенькое перышко, и — нате вам! — я лишаюсь струны! А я ведь только хотел сказать, что полдюжины слушателей считают, что эта песня... м-м-м... довольно неплохо сделана. — Ффлевддур с привычной сноровкой привязал оборванную струну.

Тем временем Тарен оглядывал зал. Он был несказанно удивлен, увидев пустые тарелки и порожние кубки, будто их и вовсе не наполняли. Еще в большее смущение он пришел, когда дворецкий принес огромный поднос с едой, но поставил его перед Гастом. Тот навис над столом, раскорячил локти, словно бы огородив поднос со всех сторон.

— Ешьте досыта! Не стесняйтесь! — воскликнул он и положил перед Тареном и Гурджи крохотный ломтик хлеба, политый мясной подливой, оставив остальное себе.— Гаст Великодушный угощает от души! Недаром меня называют еще и Гаст Щедрый! Моя щедрость скоро превратит меня в бедняка. Но ничего не могу с собой поделать.

— Щедрый? — пожимая плечами, шепнул Тарен Ффлевддур, пока бедняга Гурджи, проглотив тощий ломтик, безнадежно оглядывался в поисках добавки.— Я думаю, что самый отъявленный скряга покажется в сравнении с ним мотом и транжирой.

Трапеза продолжалась долго. Жующий за обе щеки Гаст не уставал потчевать гостей, каждый раз подкладывая в их деревянные тарелки кусочек жилистого мяса. Только после того как Гаст насытился и голова его сонно клонилась к столу, а всклокоченная борода уже купалась в кубке с вином, друзья смогли доесть то, что не сумел умять этот обжора. Расстроенные, с полупустыми желудками, трое друзей отправились по неосвещенному коридору в скудно обставленную комнату, где свалились и тут же уснули.

Наутро Тарену не терпелось поскорее отправиться в Каер Кадарн. Ффлевддур решил ехать с ними. Но лорд Гаст и слышать ничего не хотел об отъезде, пока гости не полюбуются его сокровищами. Владетельный князь открывал сундуки с серебряными кубками, украшениями, оружием, конской упряжью и всякой всячиной, которую уже невозможно было разглядеть, потому что все было навалено кучей, перепуталось, слиплось, помялось. Глаз Тарена задержался на винном кубке изысканной формы и отделки. Такой поразительной работы он прежде и не видывал. Однако разглядеть хорошенько Тарен ничего не успевал. Хозяин выхватывал у него из рук кубок и совал седло. Потом пихал вместо седла поводья или пару стрел. И всем он дорожил до дрожи в руках.

— Тот кубок для вина стоит, пожалуй, всех его сокровищ вместе взятых,— шепнул Тарену Ффлевддур, когда

лорд Гаст уже тащил спутников из своей сокровищницы в большой загон для скота.— Я узнаю работу великого мастера,— продолжал толковать Ффлевддур,— самого искусного во всем Прайдене гончара Аннло Велико-Лепного. Поговаривали, что его гончарный круг был

волшебным. Бедняга Гаст! Считать себя богатым и не знать настоящей цены того, чем владеешь!

— Но откуда у него такие сокровища? — поинтересовался Тарен.

— Наверняка не скажу, — усмехнулся Ффлевддур, — но, кажется, он добывает свои сокровища тем же способом, каким Горион пытался добыть твою лошадь.

— Вы только взгляните на нее! — вскричал вдруг лорд Гаст, останавливаясь перед черной коровой, которая равнодушно жевала сено посреди большого коровьего стада. — Это Корнилла! Самая лучшая корова на земле!

Тарен искренне разделил восторг хозяина. Корова действительно была отличной. Атласные бока ее сверкали, будто отполированные, короткие аккуратные рожки поблескивали на солнце.

Лорд Гаст любовно поглаживал ее лоснящийся бок и приговаривал:

— Мягкая, как барашек! Сильная, как вол! Быстрая, как лошадь! Мудрая, как сова!

Гаст просто сиял от гордости и счастья, а Корнилла спокойно пережевывала свою жвачку и выпуклым равнодушным глазом поглядывала на Тарена.

— Она вожак моего стада! — не унимался Гаст. — Ведет его не хуже, чем любой пастух. Она может тащить плуг или крутить жернов, если нужно. Она враз приносит десять телят! Что же касается молока, то оно у нее самое сладкое! Каждая капля — густые сливки! Такое густое, что молочницы с трудом сбивают его!

Корнилла шумно вздохнула, будто ей надоела эта болтовня, покрутила хвостом и продолжала усердно жевать. Со скотного двора лорд Гаст потащил гостей к птичнику. Оттуда поволок их к клеткам с ястребами. Так прошло почти все утро, и Тарен уже начинал сомневаться, что когда-нибудь сможет покинуть гостеприимную крепость. Наконец Гаст приказал готовить лошадей.

Тарен обнаружил, что Ффлевддур все еще ездит на Ллиан, той самой огромной темно-золотистой кошке, которая спасла им жизнь на острове Мона.

— Да, я решил держать ее... или лучше сказать, она решила держать меня при себе,— улыбнулся бард, когда Ллиан, узнав Тарена, потянулась к нему и принялась счастливо тереться головой об его плечо.— Она любит мою арфу еще больше прежнего,— продолжал Ффлевддур.— И все ей мало...

Не успел он договорить, как Ллиан пошевелила длинными своими усами и легонько толкнула лапой барда в бок. От этого нежного толчка тот чуть не кувырнулся и поскорей снял с плеча арфу. Как только бард взял несколько аккордов, Ллиан зажмурилась и громко замурлыкала. Из-под полуопущенных век с любовью глядели на барда томные желтые глаза.

— Прощайте! — прокричал им вслед владетельный князь, когда путники направили коней к воротам.— Во владениях лорда Гаста вы всегда найдете щедрый и достойный прием!

— Щедрость, которая могла уморить нас голодом! — засмеялся Тарен, оборачиваясь к барду.— Гаст считает себя необыкновенно щедрым, точно так же как Горион полагает себя доблестным. Насколько я могу судить, доблесть одного стоит щедрости другого. Хотя,— добавил он, поразмыслив,— оба они, кажется, довольны собой. Что ж, разве человек не таков, каким он видит сам себя?

— Только в том случае, если то, что он видит, есть на самом деле,— откликнулся Ффлевддур.— Иначе он будет не больше, чем призрачные великаны лорда Гориона. Так-то, мой друг.

Некоторое время он ехал молча, глядя перед собой. Потом заговорил:

— Не суди, однако же, их слишком строго. Эти князья и князьки так похожи друг на друга! То он колюч, как дикобраз, а то в одно мгновение может стать дружелюбным, словно щенок. Они скупы, но могут вдруг стать щедрыми до расточительности. Что же касается доблести, то можешь поверить мне, они не трусы. Смерть зачастую едет в седле рядом с ними, но они мало обращают на нее внимания. Я видел, как в битве

они с радостью отдавали жизнь за товарища.— Он вздохнул.— Да-а, немало им подобных я встречал за время моих странствий. Они не хвастуны. Но, пойми, чем дальше отодвигается в прошлое битва, тем значительнее и грандиознее она кажется, а твои поступки, если их нечего стыдиться, вырастают в подлинные подвиги. Вот почему так много великих героев мы встречаем на своем пути.

Ффлевддур поправил на плече арфу.

— Если бы у каждого из них была такая арфа, как у меня,— усмехнулся он,— представляю, какой бы звон и грохот несли из каждой крепости на просторах Прайдена!

Глава четвертая

КОРОВИЙ СПОР

Уже к вечеру путешественники увидели темно-красное знамя Дома Смойта. Украшенное эмблемой короля — черным медведем, оно гордо развевалось над башнями Каер Кадарн. В отличие от обнесенных деревянным чаштоколом крепостей князьков замок Смойта стоял за прочными стенами, сложенными из тесаного камня. Эти стены и обитые железом ворота были достаточно прочными, чтобы выдержать любой напор и осаду. Выщербленные камни и вмятины на створках ворот свидетельствовали о том, что замок и впрямь пережил и отразил немало нападений. Закрытые наглухо ворота вдруг распахнулись, и гостей встретил почетный караул из копьеносцев.

Рыжебородый король сидел за обеденным столом в Большом зале. Перед ним стояла гора мисок, деревянных тарелок, рогов для питья, полных, пустых и полупустых, из чего Тарен понял, что Смойт не переставал есть с самого утра. Завидев входящих в зал путников, Смойт

вскочил со своего дубового трона, изображающего громадного медведя, так похожего на самого хозяина.

— Клянусь кровью в моих жилах! — взревел Смойт так громко, что задребезжали миски на столе. — Увидеть вас всех — да это стоит самого знатного пира! — Его грубо вытесанное лицо сияло от удовольствия. Гигант обнял своими здоровенными ручищами всех троих разом так, что у них затрещали ребра. — Ну-ка, настрой свою старушку, — гаркнул он Ффлевддуру, — да попиликай нам что-нибудь веселенькое по случаю радостной встречи! А ты, мой мальчик, — гудел он, прижимая к себе Тарена громадной, покрытой рыжей шерстью ручищей, — когда мы встречались в последний раз, ты выглядел тощеньким, как ошипанный цыпленок. А твой лохматый друг? Он что, всю дорогу от Каер Даллбен катался и валялся в кустах? Ишь как облеплен всяким мусором!

Смойт хлопнул в ладоши, прокричал, чтобы принесли еще еды и питья, и не хотел ничего слушать, пока путники не насытились. Он и сам с ними за компанию еще раз умял полный обед.

— Зеркало Ллюнет? — переспросил Смойт, когда Тарен наконец смог все ему рассказать. — Я никогда не слышал о такой штуке. По-моему, легче найти иглу в стоге сена, чем отыскать это твое зеркало в горах Ллавгадарн. — Низкий тяжелый лоб короля Смойта собрался морщинами, он с сомнением покачал головой. — Ллавгадарны высятся в земле Свободных Коммотов, и если тамошний народ захочет помочь тебе...

— Свободные Коммоты? — спросил Тарен. — Я что-то слышал, но ничего о них не знаю.

— Они живут в маленьких деревушках, — вступил в разговор Ффлевддур. — Земли их начинаются к востоку от Княжеских холмов и простираются до Великой Аврен. Сам я никогда не забредал туда. Это далековато даже для такого путешественника, как я. Но их страна, слышал я, самая приятная в Прайдене. Прекрасные долины, пологие зеленые холмы, плодородная земля и сладкая трава, на которой тучнеют стада коров. Там есть железо для крепких клинков, золото и серебро для дорогих украшений. Говорят, что волшебный гончар

Аннло Велико-Лепный живет среди Коммотов, как, впрочем, и другие мастера — ткачи, кузнецы, каменщики. С незапамятных времен Коммоты славились и гордились своим искусством и ремеслами.

— Да, это гордый народ,— подтвердил Смойт,— но упрямый. Они не сгибаются ни под одним из князей или королей и готовы подчиняться только Верховному королю Матху.

— Ни единому князю? — удивился Тарен.— Но кто же тогда правит ими?

— Ну, они правят сами,— пояснил Смойт.— Они сильные и, повторяю, упрямые. Но, клянусь бородой, нигде в Прайдене не найти такого спокойного уголка, как селения этих Свободных Коммотов. Они живут в мире и согласии, так к чему им короли и лорды? Королевская воля, как ни крути,— добавил он,— а все же ложится тяжким грузом на свободную волю подданных.

Тарен, который внимательно слушал короля Смойта, при последних его словах согласно кивнул.

— Я раньше не задумывался над этим,— тихо сказал он,— но в самом деле, только свободная воля и желание рождают настоящую верность и преданность.

— Всё! Хватит умных разговоров! — вдруг вскричал Смойт.— От них у меня только болит голова и пересыхает глотка. Давайте лучше еще немного поедим и выпьем. Забудь о Зеркале. Оставайся со мной в моем королевстве, мальчик мой. Езди на охоту, пируй и радуйся жизни. Здесь ты нарастишь на свои хилые косточки немного мяса и сделаешь это быстрее, чем шатаясь по свету со своими глупыми затеями. И это, мой мальчик, хороший совет. Подумай!

Но, убедившись, что отговорить Тарена не удастся, Смойт добродушно согласился дать путникам все необходимое для дальнего и трудного путешествия. На следующее утро после обильного завтрака, который, по словам Смойта, неплохо возбуждает аппетит перед обедом, король сам повел их в свою сокровищницу. Здесь они могли выбрать себе оружие по руке и по вкусу.

Тарен только начал перебирать свернутые кольцами веревки, седельные сумки, кожаную сбрую, как в сокровищницу с криком ворвался один из стражей замка.

— Сир! — выпалил он. — Прибыл всадник от лорда Гаста. Налетчики из крепости лорда Гориона украли любимую корову Гаста, а с ней и все стадо!

— Клянусь собственной печенкой! — проревел Смойт. — Как он осмелился возбуждать вражду в моем королевстве?

Колючие кусты бровей короля соединились, а лицо его сравнялось цветом с рыжей бородой.

— Люди Гаста вооружены. Они выступили против Гориона, — торопливо выкладывал стражник. — Гаст просит твоей помощи. Ты поговоришь с его вестником?

— Поговорить с ним? — еще больше взъярился Смойт. — Я закую его хозяина в железо за то, что он посмел нарушить мир без моего позволения! Клянусь всеми своими потрохами!

— Заковать Гаста в железо? — слегка смущенно спросил Тарен. — Но Горион украл его корову...

— *Его* корову? — загремел Смойт. — В самом деле *его* корову? — вдруг захохотал он. — Да будет тебе известно, Гаст украл ее в прошлом году у Гориона. А до этого Горион украл ее у Гаста. Никто из них толком и не знает, чья эта корова на самом деле. Эти задиры всегда ссорятся. А нынешняя жара и вовсе вскипятила их кровь. Но я охлаждаю их норы! В моей темнице! Запру и Гаста, и Гориона, обоих разом!

Смойт схватил громадный топор.

— Я пойду и приволоку их сюда за уши! — не унимался он. — Они хорошо знают мои темницы! Частенько там охлаждались! Ну, кто со мной?

— Я поеду! — выпрямился бард, глаза его загорелись. — Клянусь Великим Белином, Ффлевддур Пламенный никогда не пропустит битвы!

— Если вы просите нашей помощи, сир, — начал Тарен, — мы с готовностью пойдем с вами. Но...

— Тогда на коней, мой мальчик! — не дослушал его Смойт. — Ты увидишь, как вершится правосудие! Я добьюсь мира между Гастом и Горионом, если даже мне придется для этого разбить им головы!

Размахивая боевым топором, Смойт бросился прочь из сокровищницы, выкрикивая приказания направо и налево. Дюжина воинов, не медля ни секунды, вспрыгнула на лошадей. Смойт вскочил на высокую лошадь с мощной и широкой, будто десятиведерная бочка, грудью. Стиснув зубы так, что скрип их разнесся по двору, Смойт махнул рукой своим воинам и двинулся вперед. Оглушенный криками, сбитый с толку ужасной суматохой, Тарен и не заметил, как оказался верхом на Мелинласе и уже галопом мчится через внутренний двор к распахнутым воротам замка.

Рыжебородый король развил такую скорость, что даже Ллиан потребовалась вся ее выносливость и быстрота, чтобы не отставать. А Гурджи, которого просто сносил встречный ветер, мертвой хваткой вцепился в шею своего разгоряченного пони. Боевая лошадь Смойта была в мыле, когда король приказал наконец остановиться. Мелинлас тоже тяжело дышал.

— Еды! — прогремел Смойт, спрыгивая с седла. Он выглядел так, будто и не скакал только что во весь опор, а лишь совершил неспешную утреннюю прогулку. Спутники его задыхались и думать не могли о еде, а он хлопнул рукой по золотому поясу, стягивающему тугой живот, и повторил громовым голосом: — Еды! Голод делает мужчину мрачным и истощает всё его воодушевление перед битвой!

— Сир, мы собираемся драться с лордом Гастом? — спросил Тарен, с некоторым беспокойством оглядывая отряд Смойта. — Но если его люди вооружены, нас слишком мало, чтобы противостоять им всем.

— Драться? — возразил Смойт. — Клянусь копытами моего коня, я схвачу этих задиристых петухов за нос и отведу в свою темницу еще до наступления ночи! Они сделают так, как я им прикажу! Я их король, клянусь уздечкой и кнутом! Здесь достаточно силы, — он потряс мощными кулаками, — чтобы заставить их вспомнить об этом!

— И все же, — осмелился вставить Тарен, — вы сами только недавно сказали мне, что сила не рождает преданности, а только лишь покорность.

— Как это? — опешил Смойт, который уже примостился у дерева и готов был запихнуть в рот огромный кусище мяса, вынутый из седельной сумки. — Не морочь мне голову моими же словами! Клянусь этим куском баранины, король есть король, и с этого ты меня не свернешь!

— Я только имел в виду, что ты запирал в своей темнице Гаста и Гориона уже не раз, — ответил Тарен, — но они все равно продолжают ссориться. Разве нет другого способа сохранить мир между ними? Или заставить их понять...

— Я обдумаю твоё предложение,— рявкнул Смойт, потрясая своим боевым топором и грозно сдвигая кустистые брови.— В твоих словах есть доля правды.— Он наморщил лоб, что-то обдумывая, и было видно, как с трудом шевелются в его голове какие-то новые мысли.— Ты до чего-то додумался, малыш. Моя темница действительно бесполезна в борьбе с ними. И, клянусь рукоятью этого топора, я знаю почему! Она должна быть более сырой, в ней должны гулять ледяные сквозняки!

Так и будет! У меня найдется местечко, где достаточно воды и мерзкой сырости!

Тарен хотел было заметить, что он не имел ничего такого в виду, но тут Ффлевддур вдруг с громким возгласом указал на всадника, несущегося галопом через луг.

— На нем одежда цветов Гориона! — вскричал Смойт, вскакивая на ноги и все еще держа в руке кусок мяса.

Два его воина быстро вспрыгнули в седло, выхватили мечи и пришпорили коней, готовые вступить в бой. Но всадник, опустив копьё острием вниз, закричал, что едет с поручением от своего владетельного господина.

— Ты негодяй! — заревел Смойт, швыряя на землю мясо и топор. Он схватил всадника за ворот и стащил с седла. — Кто смеет давать мне поручения? Что еще произошло? Говори! Не то я вырву из тебя слова вместе с глоткой!

— Сир! — с трудом выдохнул всадник. — Лорд Гаст нападает и теснит нас. Мой лорд Горион приказал всему своему войску вооружаться и зовет вас на помощь!

— А что с коровами? — сурово спросил Смойт. — Отобрал их Гаст или они все еще у Гориона?

— Ни... то, ни... дру-другое, сир, — с трудом выговорил всадник, которого Смойт все еще тряс своей мощной лапищей. — Лорд Гаст напал на лорда Гориона, чтобы отбить свое стадо, и угнал заодно стадо лорда Гориона. Но пока они бились, все животные разбежались. Коровы, сир, разбежались. Оба стада, сир, исчезли, потеряны, и сама Корнилла пропала!

— Ну и прекрасно! — с облегчением вздохнул Смойт. — Пусть это будет уроком для всех похитителей коров. Гасту и Гориону теперь не за что драться. Пусть мирятся, а я избавлю их от своей темницы.

— Сир, но битва только разгорается и становится все жарче, — поспешно вставил всадник. — Никто из них сам не перестанет. Каждый обвиняет другого в потере стада. Лорд Горион клянется отомстить лорду Гасту, а лорд Гаст божится отомстить лорду Гориону.

— Им просто хотелось подраться, — снова вспыхнул Смойт, — вот они и придумали повод! — Он кликнул

своего воина и приказал ему взять вестника Гориона, отвести его в Каер Кадарн и держать там в качестве заложника.— А все остальные — на коней! — скомандовал Смойт.— Клянусь рогами черной коровы, теперь-то уж мы потешимся! — Он потряс над головой топором.— О, чувствую, чьи-то головы сегодня будут расколочены!

Он захохотал, его широкое лицо просветлело, будто он ехал на веселый пир.

— Барды будут петь об этом! — воскликнул Ффлевддур, увлекаемый пылом Смойта.— Ффлевддур Пламенный всегда в самой гуще битвы! Чем гуще, тем лучше! — Арфа задрожала, и струна на ней лопнула.— Я имел в виду,— поспешил добавить Ффлевддур,— я надеюсь... они не намного превосходят нас силой?

— Сир,— окликнул Тарен Смойта, направляющегося к своей боевой лошади,— если Гаст и Горион бьются из-за потерянных стад, не стоит ли нам попросту разыскать сбежавших коров?

— Да, да! — восторженно воскликнул Гурджи.— Найти этих рогатых мычалок! И тогда не нужны ни побитки, ни погибки!

Но Смойт уже вскочил на коня и приказал своему отряду следовать за ним. Тарену не оставалось ничего другого, как пустить Мелинласа галопом. К какой из деревянных крепостей вел их Смойт, Тарен так и не знал. Впрочем, решил он, какая разница, кто первым попадется под руку разъяренному королю, Гаст или Горион?

Однако через некоторое время Тарен узнал ту дорогу, по которой еще недавно они с Гурджи ехали от дома Аэддана. Теперь он знал точно, что Смойт направляется в княжество лорда Гориона. Но как только они пересекли открытое поле, король резко повернул налево, и Тарен увидел в отдалении множество всадников.

При виде их знамен Смойт яростно взревел и прищипил своего коня, пустив его вдогонку за всадниками. Но те и сами неслись во весь опор и быстро исчезли в лесу. Смойт сдержал лошадь, прокричал им что-то вслед и потряс тяжелым кулаком.

— Неужели Горион снарядил на битву все свое войско? Но ведь и Гаст тогда сделает то же самое! Эти скрывшиеся негодяи носят его цвета!

— Сир,— мягко настаивал Тарен,— если мы сможем найти коров...

— Коров? — взбесился Смойт.— Здесь, кажется, уже не до коров, мой мальчик! Такая ссора может разгореться мигом, как искра, попавшая на фитиль! Эти тупые головорезы заставят, чего доброго, запылать весь Каdifфор! Не успеем оглянуться, как примемся резать глотки друг другу! Но, клянусь всем вином королевства, они узнают, что мой кулак крепче их глупых голов!

Смойт посуровел. Лицо его потемнело. Он нахмурился и принялся безжалостно теревить свою густую рыжую бороду.

— Соседние князьки,— пробормотал он,— эти волки и лисы, не останутся в стороне. Чуть прослышат, что мы передрались, тут же и ударят со всех сторон.

— Но коровы,— гнул свое Тарен,— трое из нас могут отправиться на их поиски, пока вы...

— Темница! — грянул Смойт.— Я посажу в нее Гаста и Гориона до того, как их перебранка перейдет в бойню!

Смойт ударил пятками в бока лошади и помчался вперед, не разбирая дороги, продираясь на полной скорости через кусты ежевики и подминая тоненькие молодые деревца в светлой, прозрачной рощице. Он, не оглядываясь, прогрохотал по прибрежным камням и с ходу влетел в реку, мгновенно погрузившись вместе с конем в быстрый поток. Остальные еле поспевали за ним.

Король впопыхах плохо выбрал место для перехода реки вброд. Тарен видел, как Смойт приподнялся на мгновение на стременах, оглянулся и взмахнул рукой, поторапливая своих воинов. Но еще через мгновение боевая лошадь его пошатнулась, оступилась и вместе с всадником опрокинулась в воду, подняв тучу брызг. Тарен не успел даже пришпорить Мелинласа и броситься на выручку королю. Но Смойт уже освободился от лошади, выскользнул из седла и, как громадная бочка, широко взмахивая руками, быстро неся вниз по течению.

За спиной Тарена несколько воинов повернули коней и пустили их вдоль берега, пытаясь нагнать короля. Тарен, который уже успел почти пересечь реку и был ближе к противоположному берегу, пришпорил Мелинласа, и тот вынес его на сухое место. Тарен понесся по берегу вслед за плывущим Смойтом. Грозный звук падающей воды вдруг оглушил его, и Тарен с ужасом понял, что короля неумоимо несет к водопаду. От быстрого бега и напряжения сердце рвалось у него в груди. Тарен напряг последние силы, но прежде чем он успел войти в стремительно несущийся поток, рыжая борода короля исчезла в пенном водовороте. Тарен отчаянно закричал. Смойт пропал за кромкой обрыва...

Глава пятая

ПРИГОВОР

Тарен карабкался, скользил, полз по выступающим сбоку гремящего водопада камням. Под ним в белой от пены чаше бассейна крутилось, пропадало, всплывало тело Смойта, безвольное и послушное безумной тяге водоворота. Не обращая внимания на молотящую его, грохочущую, словно горный камнепад, воду, Тарен рванулся сквозь стену падающей воды и нырнул в бассейн. После многих попыток и невероятных усилий он все же смог ухватить Смойта за широкий пояс. Борясь с водоворотом, исчезая с головой в бушующей воде, Тарен мучительно пытался вытащить на отмель тяжеленного короля, тело которого обмякло и тянуло ко дну. Наконец это ему удалось.

По лицу Смойта текла кровь, и обычно красное его лицо стало белым как мел. Тарен постепенно, рывками вытягивал огромное тело короля на сушу. В следующий момент Гурджи и Ффлевддур уже были рядом, по-

могая тащить словно бы распухшее от воды тело на берег. Смойт, как выброшенный из воды кит, рухнул на землю.

Гурджи, тревожно повизгивая, расшнуровал, распахнул плащ, куртку и рубаху короля. А Тарен и бард поспешно осмотрели его раны.

— Ему здорово повезло. В такой круговерти отделаться всего-навсего проломленным черепом и несколькими переломанными ребрами,— сказал Ффлевддур.— Другого бы разорвало на части или скрутило, как выстиранную рубаху. Но мы-то попали в глупое положение,— добавил он, переводя дыхание и поглядывая на столпившихся вокруг них воинов потерявшего сознание Смойта.— В таком виде он не только не сможет притянуть к ответу Гаста и Гориона — его бы самого вытянуть из лап смерти. Придется отвезти его в Каер Кадарн.

Тарен задумался. Он помнил слова Смойта, что ссора двух князьков может всколыхнуть все королевство. Он не оставлял надежды найти Корниллу, эту запропастившуюся корову, и тем самым уладить вспыхнувшую ссору. Да, сейчас он мог бы позавидовать и лежащему без сознания и уже ничем не терзающемуся Смойту.

— Хутор Аэддана ближе,— решил наконец Тарен.— Отнесем Смойта туда, и Гурджи останется с ним. А мы с тобой, Ффлевддур, должны разыскать Гаста и Гориона и сделать все, что сможем, чтобы прекратить свару. Я думаю, мы сумеем найти Корниллу и все стадо.

Они, разорвав на полосы свои плащи, принялись перевязывать раны Смойта. Веки короля дрогнули, и он громко застонал.

— Дайте мне поесть! — выдохнул Смойт.— Мой желудок наполовину заполнен водой, но вторая-то половина пуста! Умирать голодным не по мне.— Он похлопал Тарена по колену.— Молодец, парень. Ты спас мне жизнь. Еще момент — и из меня получился бы отличный пудинг. Проси любой милости, всё исполню.

— Мне ничего не надо,— быстро ответил Тарен, перебинтовывая широкую грудь Смойта.— Увы, то, чего я хочу больше всего на свете, не может мне подарить никто.

— Не болтай,— пропыхтел Смойт.— Я могу тебе дать то, что могу дать только я. А об остальном пусть позаботятся другие.

Он попытался встать, но Тарен придержал его.

— Сир,— попытался он урезонить неумного короля,— вы сейчас не можете ехать с нами. Разрешите отправиться с вашими воинами и...

— Добрый хозяин! Слушай! — возбужденно закричал Гурджи.— Рядом опаски!

Ллиан тоже, видимо, уловила какой-то звук, потому что уши ее наострились, а усы встопорщились.

— Это моя утроба зовет о мясе и вине! — захрипел Смойт.— Звук должен быть громким, потому что я пуст, как барабан!

— Нет, нет,— волновался Гурджи, ухватив за руку Тарена и пытаясь тащить его к деревьям, росшим вдоль берега.— Это не урчит и бренчит пустой живот! Гурджи слышит не стуки и бряки, не молчалки, не кричалки, а настоящие мычалки!

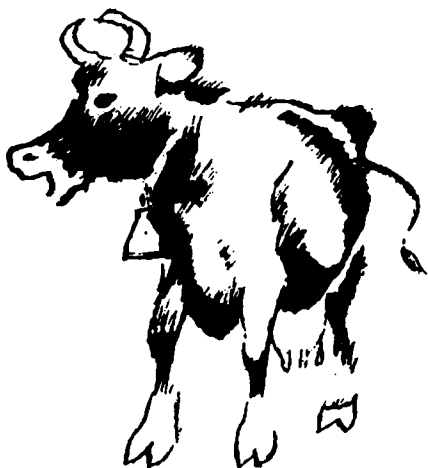
Опираясь на барда, Смойт с трудом ковылял следом за ними. Гурджи не ошибся. Необыкновенно чуткий слух не обманул его. Теперь и Тарен слышал слабую, низкую, тягучую ноту. Гурджи уверенно неся в сторону звука. За деревьями открылась лесистая долина, перерезанная ручейками. Тарен ахнул. Коровье стадо спокойно хрумкало травой, окружив Корнилла.

— Будь я трижды пуст, это они! — взревел Смойт так громко, что половина рогатого стада обернулась и в тревоге уставилась на них, будто в их мирную компанию ворвался свирепый бык.

— Клянусь Великим Белином,— подхватил Ффлевдур,— эта Корнилла мудрее любого из своих хозяев. Она увела стадо в самое укромное и тихое местечко.

Корнилла подняла голову и внимательно следила за устремившимся к ней Тареном. При этом она выка-

тила свои огромные глаза и нежно вздыхала, терпеливо и спокойно поджидая его. Смойт, не обращая внимания на свои ушибы, синяки и раны, победно рыкнул и тяжелыми прыжками понесся к стаду.

— Сир, позвольте отвести стадо на хутор Аэддана,— настаивал Тарен.— Да и вам лучше там побыть. Ваши раны требуют ухода, а нам медлить нельзя. За вашими ранами

нужно ухаживать долго и лучше, чем это сделаем мы.

— Веди куда хочешь, парень,— отмахнулся Смойт.— Главное, клянусь моими побитыми боками, мы их нашли! Теперь Гаст и Горион сами прилетят ко мне, как на крыльях! — Он подозвал двух всадников и приказал им отвезти весточку о найденных коровах их хозяевам.— Скажите этим двум петухам, где я их жду! — прокричал он вслед поспешившим ускакать посыльным.— И скажите им, пусть объявят перемирие, раз уж коровы нашлись!

— Гурджи нашел их! — дико прыгая, вопил Гурджи.— Да, да! Смелый, умный, прислушливый Гурджи находит всё, что теряется, о да! — Он сам себя обнял длинными, лохматыми своими руками и, казалось, вот-вот лопнет от гордости.— О, барды будут петь об умном Гурджи свои громкие брэнчалки-величалки!

— Наверняка будут, мой верный друг,— улыбнулся Тарен.— Ты нашел стадо. Но не забудь, что нам предстоит еще иметь дело с Гастом и Горионом, а Корнилла всего лишь одна.

Коровы поначалу ни за что не хотели покидать уютную долину, но после долгих уговоров Тарену удалось все же увлечь Корнилла на хутор Аэддана. За ней по-

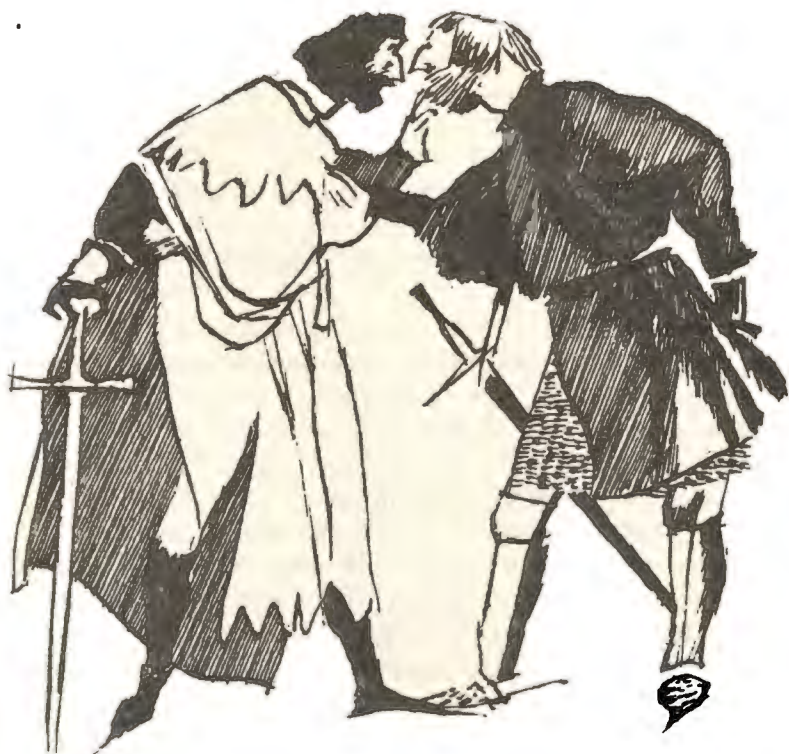
тянулось и все стадо. Коровы тянулись медленной длинной вереницей, то и дело опуская и вскидывая рога — они не упускали ни единого клочка вкусной травы по обочинам дороги. Воины Смойта и сам король ехали по обеим сторонам стада. Рыжебородый Смойт размахивал копьем, будто это был посох гуртовщика. Лиан неслышно перебирала мягкими лапами, а Гурджи гордо устроился на спине Корниллы — эдакий лихой лохматый наездник. Странная процессия брела через луга и холмы, приближаясь к крестьянскому хутору.

Когда впереди показалась хижина Аэддана, Тарен галопом помчался вперед, громко окликая хозяина. Но не успел он спешиться, как дверь резко распахнулась. На пороге стоял разъяренный Аэддан с заржавленным мечом в руке. Тарен мельком заметил, что за спиной крестьянина стояла Аларка, вытиравшая фартуком заплаканные глаза.

— Вот как ты отплатил мне за добро? — закричал Аэддан. Глаза его сверкали, ржавый, наверняка дедовский меч его устремился острием в сторону подъезжавшего отряда воинов. — Ты привел еще и этих, чтобы затоптать мою землю? Убирайся! Это уже сделано другими!

— Что сделано? — опешил Тарен, потрясенный словами того, кого считал своим другом. — Я приехал с королем Смойтом и его людьми. Мы пытались примирить Гаста и Гориона...

— Не все ли мне равно, чьи воины вытоптали мой урожай? — Аэддан расставил руки, заслоняя вход в хижину. — То, что уничтожил Гаст, другой, Горион, довершил! Они носились взад и вперед по моему полю до тех пор, пока не осталось ни одного колоска! Битва — их гордость и забава, но мое поле — моя жизнь! Они только и думают о драке, я же мечтаю о хорошем урожае. — Словно бы устав от отчаяния, Аэддан уронил голову и опустил меч.

Тарен в ужасе глядел на поле, которое так недавно поливал своим потом несчастный крестьянин. Копыта лошадей превратили вскопанную землю в грязное месиво, молодые побеги были или затоптаны, или вырваны с корнем и лежали теперь искромсанные и безжизненные. Урожай, на который Аэддан так рассчитывал, никогда теперь не собрать. Пшеница погибла до того, как успела взойти и заkolоситься. Тарен ощутил горе крестьянина как свое собственное.

Прежде чем он успел заговорить, из леса, окаймлявшего хутор, появилось войско всадников. Тарен узнал лорда Гориона, скачущего во главе своего отряда. В следующее мгновение появились лорд Гаст и его всадники. Увидев своего соперника, неистовый князек при-

шпорил коня, понесся вперед, около хижины крестьянина соскочил с седла и с яростным криком помчался навстречу Гориону.

— Вор! — орал Гаст. — Ты что же, опять решил украсть у меня Корниллу?

— Сам ворюга! — вопил Горион. — Это ты взял то, что принадлежит мне!

— Лгун! — захлебывался Гаст. — Никогда она не была твоей!

— Оскорбление! Дерзость! — брызгал слюной Горион, лицо его побагровело, рука потянулась к мечу.

— Молчать! — взревел Смойт. Он потрясал своим боевым топором. — Говорит ваш король! Как осмеливаетесь вы спорить и поносить друг друга при мне, коровьи хвосты, безмозглые боровы?

Смойт махнул рукой своим воинам, которые тут же окружили Гаста и Гориона. Всадники обоих стоящих один против другого отрядов зароптали и схватились за мечи. Несколько мгновений Тарен опасался, что начнется новая битва. Но воины Смойта были решительны, а грозный вид самого короля заставил разгоряченных всадников покорно отступить.

— Моя темница примирит вас и научит быть хорошими соседями, — продолжал Смойт. — Останетесь там, пока не образумитесь! Что касается Корниллы, то я раскроил себе череп, переломал кости, оказался на краю голодной смерти, пока гонялся за ней. И потому считаю ее своей! Это мой военный трофей! И малая плата за те хлопоты и неприятности, которые вы мне доставили. Еще день — и все королевство могло заполыхать, слепые вы быки!

При имени Корниллы Гаст и Горион оба взревели в яростном протесте. Тарен больше не мог оставаться в стороне. Он подошел к королю.

— Сир, если они проведут всю свою жизнь в вашей темнице, это не поднимет ни одного затоптанного колоска на разоренном поле. Аэддан потерял все, что надеялся приобрести своим тяжким трудом, он лишил-

ся урожая, который дал бы возможность выжить ему и его жене. Вы обещали мне свою милость.— Тарен помедлил.— Тогда я отказался. Могу ли я попросить ее сейчас?

— Проси что хочешь, мой мальчик,— ответил, успокаиваясь, Смойт.— Считай, что ты уже это получил.

Тарен помолчал, колеблясь, не решаясь выпалить то, что было у него на уме. Он поглядел в глаза Гасту и Гориону, внимательно посмотрел на Смойта и, наконец, вымолвил:

— Вот о чем прошу я вас, сир: отпустите Гаста и Гориона.

Смойт изумленно заморгал. А Горион, с удивлением глянув на Тарена, порывисто воскликнул:

— Ха, это тот скотник, который так хитро увел у меня лошадь! Я посчитал его грубияном и неотесанным мужланом, но слова его благородны, а просьба разумна! Послушай его, Смойт! Он говорит мудро!

— Освободи их,— продолжал невозмутимо Тарен,— чтобы они работали рядом с Аэдданом и постарались исправить то, что сами же и уничтожили.

— Что? — завопил Гаст.— Я принял его за героя, оказал гостеприимство, а он, выходит, всего лишь неотесанный грубиян! Как только осмелился он предлагать Гасту Великодушному рыть землю, как кроту, и вдобавок без вознаграждения?

— Дерзость! Наглость! Оскорбление! — неистовствовал Горион.— Я не позволю, чтобы Гориона Доблестного судил какой-то скотник!

— И Гаста Великодушного, не забудь, тоже! — подхватил Гаст.

— Тогда судите себя сами,— ответил Тарен, протягивая к ним две горсти, полные земли и жалких смятых и поломанных ростков пшеницы.— Вот что осталось от достояния Аэддана. Посмотри на это внимательно, лорд Горион, потому что здесь больше правды, чем во всех твоих выдумках о монстрах и великанах. Это для крестьянина дороже, достопочтенный лорд Гаст, чем

все твои владения и стада. Это его собственность, это его непосильный труд.

Гаст и Горион умолкли. Оба этих крикливых и грубых князька вдруг устали в землю, как провинившиеся мальчишки.

Аэддан и его жена наблюдали за всем этим, не двигаясь и не произнося ни звука.

— У парня голова на плечах получше, чем даже моя,— воскликнул Смойт.— Его приговор намного мудрее. И милосерднее, потому что мой выбор — темница, а его — доброе дело!

Князьки неохотно кивнули головами в знак согласия. Тарен обернулся к Смойту.

— И последняя моя просьба, сир. Большую часть добычи отдайте тому, у кого в этом большая нужда. Сир, вы хотели взять Корниллу себе? Отдайте ее Аэддану.

— Отказаться от Корниллы? — начал было Смойт, грозно поводя глазами.— От моего военного трофея?..— Вдруг он смолк и кивнул головой.— Пусть будет так, друг мой.

— Аэддан станет заботиться о ней,— продолжал Тарен,— а Гаст и Горион зато потом получат ее телят.

— А что будет с моим стадом? — всполошился Горион.

— И с моим! — вторил ему Гаст.— Они оба так перемешались, что никто не сможет их разделить!

— Пусть лорд Горион разделит стадо на две равные части,— посоветовал Тарен.

— Только не он! — вскинулся лорд Гаст.— Он отдаст мне всех тощих и больных, а себе возьмет упитанных и здоровых! Нет, я буду делить!

— Как бы не так! — вскричал Горион.— Ты подсунешь мне всех костлявых и хилых!

— Лорд Горион поделит стадо,— спокойно вставил Тарен,— но зато лорд Гаст первый выберет свою половину.

— Отлично сказано! — восторженно рявкнул Смойт, заходясь от смеха.— Клянусь моими ушами, ты поймал

их! Горион делит, а Гаст выбирает! Вот потеха! О-хо-хо!
Два вора устраивают честную сделку!

Аэздан и Аларка подошли и встали между Тареном и королем Смойтом.

— Кто ты на самом деле, я не знаю,— сказал крестьянин Тарену,— но ты помог мне больше, чем я тебе.

— О мудрость доброго хозяина! — возрадовался Гурджи, когда два угрюмых князька приступили к дележу стада, а воины Смойта собрались возвращаться в Каер Кадарн.— Гурджи находит коров, но только мудрый хозяин знает, что с ними делать!

— Если на самом деле я поступил разумно,— промолвил Тарен,— то Гасту и Гориону не придется ссориться из-за телят Корниилы. Гаст говорил, что у нее всегда рождаются близнецы. Надеюсь,— с улыбкой добавил он,— она нас не разочарует.

Лишь поздним вечером путники наконец добрались до Каер Кадарн. Ффлевддур и Гурджи были слишком вымотаны, и у них хватило сил только для того, чтобы нырнуть в постель. Тарен с удовольствием последовал бы их примеру, но Смойт взял его за руку и утянул в Большой зал.

— Будем считать, что день выдался удачный, мой мальчик,— хмыкнул он.— Ты избавил королевство от войны, а мой желудок от нескольких бочек воды. Что касается Гаста и Гориона, то сколько они вытерпят без ссоры, я не знаю. Но ты научил меня одной вещи: от моих темниц немного пользы. Ох, мои кости! Да, долго же мне придется заделывать дырки на своем теле. Но начиная с этого дня я буду стараться молотить языком прежде, чем молотить кулаками и рубить сплеча! Уговоры, оказывается, лучше тумаков.

Он еще немного покряхтел и продолжал, нахмутив брови:

— И все же, парень, моим мозгам нужны в помощь кулаки. Так уж они устроены, что лучше ворочаются, когда в этой руке клинок. Не хватает мне твоей разумной головы. Отплати милостью за милость! Оставайся в Каер Кадарн, в нашем королевстве Кадиффор!

— Сир,— ответил Тарен,— я собираюсь узнать, кто мои родичи. Я не могу...

— Родичи! — вскричал Смойт, хлопнув себя по животу.— Меня так много, что я могу стать сразу всеми твоими родичами и еще останется! Послушай,— он умерил голос и заговорил доверительно,— я вдовый, детей у меня нет. Ты тоскуешь по родителям? Я не меньше тоскую по сыну. Когда рог Гвина Охотника пропоет мне, не найдется никого, кто бы занял мое место, и никого я не хотел бы видеть на своем троне, кроме тебя. Остань-

ся, мой мальчик, и когда-нибудь ты станешь королем Каdifфора!

— Королем Каdifфора? — задохнулся Тарен.

Сердце его забилося. Король Каdifфора! Не нужно будет искать Зеркало, ведь он и так сможет предложить Эйлонви королевский трон, самый великолепный подарок, какой он мог бы положить к ее ногам! Тарен — король Каdifфора! Эти слова звучали в его ушах сладкой музыкой. Совсем не то, что Тарен — Помощник Сторожа Свины! И все же внезапно его радость померкла. Да, он вознесется высоко. Но сможет ли Эйлонви уважать того, кто постыдно оставил свои поиски, так ничего и не добившись? Сможет ли он уважать сам себя? Долгое время Тарен не отвечал, потом с благодарностью взглянул на Смойта.

— Честь, которую ты мне предлагаешь, — начал он, — высока и дорога мне. Да... мне бы очень хотелось принять твое предложение. — Он запнулся. — Хотя лучше и достойнее иметь это по праву рождения, а не в качестве дара. Может быть, — медленно продолжал он, — окажется, что я и вправду благородного рода. Если это подтвердится, я с радостью стану править Каdifфором.

— Клянусь моими побитыми костями, — воскликнул Смойт, — я бы предпочел видеть на моем троне мудрого скотника, чем принца-дурака!

— И все же, — вздохнул Тарен, — сердце мое, мой ум, моя честь требуют правды. Я должен узнать ее. Если я этого не сделаю, если не узнаю, кто я на самом деле, всю жизнь буду чувствовать, будто часть меня где-то затеряна.

При этих словах изуродованное в битвах лицо Смойта опечалилось, и он с сожалением покачал головой. Но через мгновение он сердечно хлопнул Тарена по спине, чуть не свалив его со стула.

— Клянусь моими костями, брюхом и бородой вместе! — вскричал он. — Мне нравится твое желание охотиться за дикими гусями, за всеми этими несбы-

точными мечтами, зеркалами и чем-то там еще! Я больше не стану задерживать тебя. Найди то, что ты ищешь, мой мальчик! Но найдешь ли, нет ли — возвращайся, и Кадиффор примет тебя с радостью. Однако торопись, потому что если Гаст и Горион снова поссорятся, я не смогу поручиться за целостность моего ко-

ролевства, да и вообще не уверен, останется ли от него хоть клочок.

И на следующее утро Тарен, Гурджи и Ффлевддур Пламенный выступили в путь снова. В глубине души Тарен лелеял надежду, что сможет вернуться в королевство Смойта с гордым сознанием своего высокого происхождения. Впрочем, он даже и предположить не мог, как много пройдет времени, прежде чем он опять ступит на землю королевства Кадиффор!

Глава шестая

ЛЯГУШКА

От Каер Кадарн путники, не останавливаясь, за несколько дней добрались до реки Истрад и перешли ее. Ффлевддур некоторое время вел их вдоль противоположного берега, прежде чем они повернули на северо-восток и двинулись через Княжеские холмы. В отличие от Долины Княжеств эти земли были скудными, серыми и суровыми. Тарен видел, как то, что могло быть прекрасными пастбищами, поросшими свежей и сочной травой, теперь заросло клочками рощиц, купа-ми деревьев, колючим кустарником, густой лесной порослью со сплетенными густо ветвями, не пропускающими лучей солнца и купающимися в сырой и мрачной тени.

Ффлевддур утверждал, что в своих скитаниях он редко забредал в подобные места.

— Владельцы этих княжеств так же мрачны, как и их владения. Сыграй самую свою задорную и веселую ме-

лодию — и лучшее, на что можешь надеяться, так это на кислую улыбку. Хотя, если старые предания не врут, земли эти богаты так же, как и любые другие в Прайдене. Слышал я, будто шерсть овец с Княжеских холмов была такой длинной и густой, что вы могли погрузить в нее руку до локтя. Клянусь Великим Белином!

— Аэддан говорил мне, что Аровн, лорд Земли Смерти, украл у крестьян долины не один секрет их умения и мастерства,— заметил Тарен.— Наверняка он обокрал и пастухов Княжеских холмов.

Ффлевддур серьезно кивнул.

— Но кое-какие сокровища ему украсть не удалось. Они остались у Красивого Народа, а с ним и сам Аровн поостережется шутить. Но будь здесь хоть трижды так чудесно, как толкуют предания, я бы не променял свое Северное Королевство на любое из этих. Там, дружище, скажу я тебе, мы выращиваем не овец, а великих бардов и воинов! И трон Ффлевддура Пламенного там... э-ээ... не из последних! О, мы древний род! В жилах Ффлевддура Пламенного течет кровь сыновей Доны! — Бард гордо вскинул голову.— Сам принц Гвидион мой родич! Далекий-далекий, это верно,— поспешно добавил он, поглядывая на загудевшую арфу,— но тем не менее это родство.

— Гурджи не волнуют знаменитые овцы и барды с густой шерстью,— проворчал Гурджи.— Он счастлив в Каер Даллбен с хрюшкой-поросюшкой. О да, он надеется, что скоро будет там!

— Боюсь, что тебе предстоит тяжелое и опасное путешествие,— вздохнул Ффлевддур,— прежде чем ты снова увидишь свой дом. Кто знает, сколько еще придется скитаться в поисках этого Зеркала? — Он обернулся к Тарену.— Я не оставлю тебя. Хотя рано или поздно должен буду, конечно, вернуться в свое королевство. Мои подданные всегда с нетерпением ждут моего возвращения...

Арфа просто задрожала, и две струны со звоном разорвались. Лицо Ффлевддура пошло красными пятнами.

— Гм,— смутился он,— да, вот что я имел в виду... Я с нетерпением жду встречи с ними. Правда-то состоит в том, что королевство управляется не только мною, но и без меня, и управляется с этим достаточно хорошо. И все же Ффлевддур Пламенный исполнен сознания собственного королевского долга!..

Они вынуждены были остановиться и подождать, пока Ффлевддур, соскользнув со спины Ллиан и присев на корточки, починит порванные струны. Он достал из кармана большой ключ, которым натягивал струны на деревянные колки, и принялся терпеливо настраивать инструмент.

Хриплый крик над головой привлек внимание Тарена. Он взглянул на небо.

— Это Карр! — воскликнул он, указывая на черную крылатую тень, скользнувшую из-за облака и стремительно несущуюся к ним. Гурджи радостно закричал и хлопнул в ладоши, а ворона преспокойно села на согнутую руку Тарена.

— Ага, нашла нас, старая подружка! — обрадованно воскликнул Тарен, довольный, что ворона снова с ними.— Скажи-ка мне,— быстро проговорил он,— как поживает Эйлонви? Она скучает... по всем нам?

— Пр-ринцесса! — прокаркала ворона, хлопая крыльями.— Пр-ринцесса! Эйлонви! — Она трещала клювом, подпрыгивала на руке Тарена и принялась так тархтеть, что Тарен с трудом разбирал ее быструю болтовню.

Он лишь смог понять, что Эйлонви негодует из-за того, что ее мучают всякими, как она говорит, королевскими кривляниями, учат всяким глупостям, но постепенно она привыкает, хотя очень скучает по нему... Эта новость одновременно и обрадовала Тарена, и увеличила его тоску по золотоволосой принцессе.

А Карр продолжала свою трескотню, не останавливаясь. В пещере на Моне, тараторила она, великан Глю уменьшился и смог вернуть себе с помощью зелья Даллбена свой прежний рост.

Карр была в отличном расположении духа. Громко хлопая глянцевыми черными крыльями, дергая довольно больно своим крепким клювом Тарена за ухо, подпрыгивая, взлетая и снова охватывая его запястье сухими когтистыми лапками, она никак не могла успокоиться и даже взгромоздилась на голову Ллиан, погрузив свой клюв в желтый мех громадной кошки.

— Ее глаза и крылья облегчат наши поиски,— сказал Тарен Ффлевддур, который оставил свою арфу и подошел погладить птицу.— Сверху, в полете, Карр сможет увидеть гораздо больше, чем мы здесь, на земле.

— Это она сможет,— согласился Ффлевддур.— Коли захочет. Или если ты сумеешь уговорить ее, упросить, заставить в конце концов. Иначе она будет совать свой нос, прости, клюв, всюду, куда не следует, вместо того чтобы следовать, куда следует.

Он даже задохнулся от своей витиеватой тирады, но явно был доволен собой.

— Да, да,— подхватил Гурджи, грозя пальцем вороне,— слушайся доброго хозяина! Служи ему своими летелками и гляделками и не мешай глупыми проделками!

В ответ ворона вдруг высунула свой острый черный язычок. Распушив хвост, она подлетела к арфе и принялась дергать клювом жалобно застонавшие в ответ струны. Спугнутая бардом, Карр ухватила настроечный ключ и стала весело таскать его по траве.

— Она наглая, как лесная сорока! — вскричал Ффлевддур, гоняясь за вороной.— Она воровата, как обыкновенная галка!

Но стоило ему приблизиться, как шустрая Карр метнулась в сторону и, весело посверкивая бусинками глаз, поволокла ключ по влажной траве. С громким задорным карканьем ворона носилась вдоль и поперек поляны, не даваясь барду в руки. Тарен не мог удержаться от смеха, глядя на долговязого барда, который тщетно догонял ее, в то время как Карр легко и даже грациозно танцевала на расстоянии вытянутой руки. Наконец Тарен и Гурджи присоединились к преследованию дерзкой птицы. Пальцы Тарена даже скользнули по ее хвосту, но ворона увернулась, взмыла в воздух и, дразня преследователей, понеслась к лесу. Здесь она уселась на толстом кривом суку древнего дуба и глядела на них, стоящих внизу, ясными, блестящими глазками.

— Спускайся,— приказал Тарен с напускной строгостью. Комические ужимки птицы сместили его, не давали рассердиться по-настоящему.— Старался я, старался научить ее вести себя прилично,— вздохнул Тарен,— но, чувствую, все без толку. Она отдаст ключ, когда сама пожелает, и ни секундой раньше.

— Эй! Эй! Кинь его сейчас же! — прокричал Ффлевддур, размахивая руками.— Кинь, кому я сказал!

— Кин-нь! Кин-нь! — звякнула костяным клювом ворона, качаясь вверх и вниз на ветке, треща и радостно трепеща крыльями в полном восторге от своей шутки.

Ффлевддур беззлобно фыркнул.

— Эта птица такая же невоспитанная, как дикий скворец! Ей веселье, а мне теперь придется тяжело трудиться,— ворчал он притворно сердитым голосом.

Продолжая громко сетовать на бесстыдство и беспутство наглой вороны, бард обхватил руками ствол дуба и постарался подтянуться вверх. Но уже на полпути рука его сорвалась, и он грузно рухнул на землю.

— Ффлевддур Пламенный ловок и проворен! — уныло твердил он, потирая ушибленную спину.— Клянусь Великим Белином, нет такого дерева, на которое я не мог бы влезть... э-э-э... кроме этого.— Он сморщил лоб и скользнул взглядом по высокому стволу.

— Гурджи полезет, да, да! — встрепенулся Гурджи, легко карабкаясь на дерево от ветки к ветке. Его лохматые руки и ноги работали одновременно, обдирая морщинистую кору. Через мгновение ловкое существо уже оказалось на дереве. Карр взлетела выше. Но Гурджи успел заметить, куда она сунула ключ. Он покопался длинной своей рукой в дупле.

— Здесь твой мелодичный ключ! О да! — крикнул он.— Умный Гурджи нашел его! — Внезапно он умолк. Тарен увидел, что лицо Гурджи сморщилось от удивления и растерянности. Кинув ключ на землю к ногам Ффлевддура, Гурджи снова запустил руку в дупло и даже попытался заглянуть туда одним глазком.— Но

что это? — ахнул он.— Что Гурджи нашел прищуром и прощупом? Добрый хозяин! — взвизгнул он.— Здесь что-то странное, какая-то припрятка! И, по-моему, вдобавок приятка!

Тарен видел, как возбужденный Гурджи засунул себе под мышку найденную вещь и быстро заскользил по стволу вниз.

— Нацель свою приглядку на припрятку! — закричал он подошедшему Тарену.

Шалость Карр была тут же забыта, и ворона, не опасаясь трепки, спорхнула с дерева, села на плечо Тарену, вытянула шею и протиснула голову между склонившимися над находкой, будто желала и здесь быть первой.

— Это драгоценность? — радовался Гурджи.— О, драгоценность большой ценности! И Гурджи нашел ее! — Он в нетерпении топнул ногой.— Открой ее, добрый хозяин! Открой и посмотри, какие богатки в этой припрятке?

То, что Тарен взял из рук Гурджи, оказалось маленьким квадратным железным ящичком не шире ладони Тарена. Резная крышка его была плотно притерта, окована железными полосками и заперта на большой висячий замок.

— Это драгоценные камни! — не успокаивался Гурджи.— Это сверкалки и мерцалки! — подпрыгивал он, пока Тарен озадаченно вертел в руках ящичек.

Ффлевддур тоже внимательно разглядывал непонятную вещцу.

— Ладно, друзья,— заметил бард,— в конце концов у нас есть хоть какая-то награда за ту беготню, которую нам устроила эта жуликоватая галка. Но, судя по размеру шкатулки, боюсь, награда будет невелика.

Тем временем Тарен боролся с замком, который не поддавался. Крышка будто бы прикипела. Наконец Тарену пришлось поставить ящичек на землю. Гурджи держал его обеими руками, а бард и Тарен пытались поддеть крышку остриями мечей. Но ящичек оказался необыкновенно прочным, и им пришлось здорово по-

трудиться, прежде чем крышка кракнула и с громким, режущим ухо скрипом откинулась. Внутри лежал мешочек из мягкой кожи, который Тарен осторожно развязал.

— Что это? Что это? — вопил Гурджи, скача вокруг на одной ножке. — Дайте Гурджи поглядеть на эти свергалки и мерцалки!

Тарен засмеялся и покачал головой. В мешочке не было ни золота, ни драгоценных камней, в нем лежала всего лишь тонкая, длиной с мизинец, косточка. Гурджи застонал от разочарования.

Ффлевддур фыркнул.

— Наш лохматый друг нашел очень важную вещь, — засмеялся он. — Это или маленькая шпилька, или же большая зубочистка. Но не уверен, что от нее нам будет большая польза.

Тарен продолжал внимательно разглядывать странную вещицу. Осколок кости был сухим и хрупким, словно бы отбеленный и отполированный долгими усилиями. Человеческая ли это кость или кость какого-нибудь животного, сказать было трудно.

— Какая нам от нее может быть польза? — пробормотал он, нахмурясь.

— О, немалая! — хихикнул бард. — Если кому-нибудь из нас потребуется зубочистка. Впрочем, — он пожал плечами, — сохрани ее, если хочешь. Или выкинь. Думаю, разницы никакой. Даже сундучок уже нельзя починить, так мы его искорежили.

— Но если она никчемная, — не успокаивался Тарен, вертя в руках косточку, — зачем же ее все-таки так тщательно прятали?

— Мой долгий опыт подсказывает мне, что люди могут очень странно относиться к своему имуществу, — сказал Ффлевддур. — Любимая зубочистка, семейная реликвия... Но я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь. Ффлевддур Пламенный живо соображает! Тот, кто ее спрятал, не хотел, чтобы ее нашли. А значит, здесь скрыто больше тайного смысла, чем можно увидеть простым глазом. Так?

— И все же,— продолжал размышлять вслух Тарен,— дупло не самое безопасное место, чтобы там хранить что-то.

— Напротив,— ответил бард,— есть ли лучший способ скрыть что-то? В доме ее можно отыскать без особого труда. Зарыть в землю — там бродят кроты, барсуки и всякие другие ползуны. Но дерево, похожее на этот крепкий дуб,— продолжал он, глядя на мощный ствол и выше, на могучую крону,— не уверен, чтобы кто-нибудь, кроме Гурджи, мог вскарабкаться на него без лестницы. Но странно было бы, если путешественники или странники таскали с собой лестницу. Белка или птица строят на вершине дерева гнездо, чтобы спрятать и уберечь его от случайных гостей. Нет, тот, кто положил сундучок в дупло, долго думал и приложил все усилия, чтобы сохранить... Если...

Лицо Ффлевддур побелело.

— Если...— он с трудом сглотнул, словно бы поперхнувшись собственными словами,— не поспешил избавиться от нее. Забудь, что мы когда-нибудь находили эту штуку. Я могу учуять колдовство за милю. Зубочистка, шпилька или что там еще. Нет, здесь что-то неладно! — Он перешел на шепот.— Я всегда тебе твердил: не вмешивайся не в свое дело. Ты прекрасно знаешь мое мнение на этот счет. Никогда не смешивай две вещи. Одна — это волшебство. А другая — совать туда свой нос.

Тарен ответил не сразу. Некоторое время он смотрел на отполированный кусочек кости, потом произнес:

— Что бы это ни было, но эта вещь не наша, и мы не можем взять ее. Но, с другой стороны, если здесь действительно сокрыто волшебство, хорошее или плохое, имеем ли мы право оставить эту штуку лежать на том же месте? Кого она подстерегает?

— Покончим с этим! — вышел из себя Ффлевддур.— Если это доброе волшебство, то никому никакого вреда не будет. А коли злое колдовство, никто не может знать, какие ужасные вещи могут с нами случиться. В любом случае положи это назад.

Тарен неохотно кивнул. Засунув кость в мешочек, он пихнул его в ящичек, приладил сломанную крышку и попросил Гурджи вернуть находку в дупло. Гурджи, который внимательно и с испугом слушал все рассуждения Ффлевддура о колдовстве, не желал даже дотрагиваться до ящичка и только после долгого упрашивания и даже окриков покорно полез на дерево. Вниз он соскользнул мигом.

— Счастливо отделались, — пробормотал Ффлевддур, торопливыми шагами удаляясь от дуба. Тарен и Гурджи поспешали за ним. Бедняга Гурджи бросал испуган-

ные взгляды назад, пока дуб окончательно не скрылся с глаз.

Спутники вернулись к своим лошадям и приготовились продолжить путь. Ффлевддур поднял арфу, огляделся вокруг и ахнул:

— Послушайте, а где Ллиан? Только не говорите мне, что она ушла по собственной воле!

Тарен, и сам немного встревоженный, принялся, однако, успокаивать барда. Ллиан и впрямь через минуту выскочила из зарослей. Ффлевддур радостно хлопнул в ладоши, и огромная кошка вприпрыжку понеслась к нему.

— Фью, фью,— присвистнул бард.— Вот и ты, старушка! — Он нежно улыбался, пока Ллиан резвилась около него.— Послушай, куда это ты ходила?

— Кажется, она поймала... э, да это лягушка! — воскликнул удивленный Тарен, увидев пару длинных перепончатых лапок, свисавших из пасти Ллиан.

— Да, да,— вставил Гурджи.— Лягушечка! Скакушка-квакушка!

— Быть этого не может! — воскликнул бард.— Мы не встретили ни болот, ни ручейков, ни луж. Да вообще не было никакой воды!

Гордо мурлыкая, Ллиан уронила свою добычу к ногам Ффлевддура. Это и в самом деле была лягушка. Да такая большая, каких Тарен и не видывал. Бард, хлопнув Ллиан по загривку и нежно почесав ее за ухом, опустился на колени и осторожно поднял двумя пальцами безжизненное тельце лягушки.

— Спасибо, я очень рад, старушка,— сказал он, держа лягушку на вытянутой руке между большим и указательным пальцами.— Она прехорошенькая. Не знаю, как и благодарить тебя. Ллиан часто это делает,— пояснил он Тарену.— Чаше, правда, бывают мышки. Маленькие подарки время от времени. Она воображает, что мне они нравятся. Знак любви. Я всегда шумно благодарю ее. Это уже нравится ей.

Тарен с любопытством взял лягушку из руки барда. Он увидел, что Ллиан несла зверюшку осторожно и со-

всем не повредила ее. Нет, лягушка пострадала от нехватки воды. Ее кожа, покрытая желтыми и зелеными пятнами, ужасно пересохла. Лапы беспомощно повисли. Перепончатые пальцы уже стали искривляться и ссыхаться, как черенки мертвых листочков. Большие выпуклые глаза были плотно затянуты тонкими сухими веками. Тарен уже готов был с сожалением кинутьдохлую лягушку в кусты, когда ладонь его почувствовала слабое биение крохотного сердечка.

— Ффлевддур, бедняжка жива,— сказал Тарен.— Может быть, еще не поздно спасти ее.

Бард пожал плечами.

— Не уверен. Она очень истощена. Жаль, потому что она чем-то мне симпатична.

— Дайте бедной прыгушке попить,— предложил Гурджи.— Дайте несчастной прыгульке бульки-бульки.

Лягушка в руке Тарена зашевелилась, дернулась, будто в последнем мучительном усилии. Один глаз открылся, широкий рот растянулся, в горле мелко забился пульс, словно она пыталась судорожно глотнуть.

— Пог-га! — прохрипела лягушка.

— Как-то не по-лягушачьи квакает,— изумился Ффлевддур.— Никогда не слышал, чтобы лягушки издавали подобные звуки. Совсем, должно быть, она плоха.

— Иг-ги! — снова прохрипела лягушка.— Ит-те!

Она напрягалась, пытаясь произнести что-то еще, но голос ее угас, и уже ничего, кроме хрипа и тихого поскрипывания, из лягушачьего горла не вырывалось. Но вот лягушка снова широко растянула рот и просипела:

— Агит-те! Игит-те!

— Какая странная лягушка,— продолжал удивляться Ффлевддур.

Тарен тем временем поднес ее к самому уху. Звезюшка уже открыла оба глаза и смотрела на Тарена с невыразимой тоской и страстной мольбой.

— Я знаю, что лягушки говорят «ква-ква»,— продолжал рассуждать Ффлевддур.— Иногда слышал от них «куор-рр-куор-рр». Но эта... Если лягушки могут гово-

рить, клянусь, что она пыталась сказать... пога... иги... агите... игите... Помогите! Вот что она силится крикнуть нам!

Тарен жестом попросил барда помолчать. Из глубины лягушачьего горла вылетел еще один звук, не более чем шелест, шорох, шепот, но такой отчетливый и ясный, что спутать его уже ни с чем было невозможно. Тарен разинул рот, словно он сам был лягушкой. Глаза его расширились от изумления. Он повернулся к Ффлевддуру. Едва способный выговорить хоть слово, он держал лягушку на вытянутой руке. Наконец он выдохнул:

— Это Доли!

Глава седьмая

ДРУЗЬЯ В ОПАСНОСТИ

— Доли! — эхом откликнулся изумленный бард, отшатнувшись. Глаза его выпучились, как у той лягушки. — Этого быть не может! — вскричал он. — Только не Доли из Красивого Народа! Не добрый старый Доли!

Гурджи подбежал с кожаной фляжкой и, услышав слова Ффлевддура, завопил как резаный. Тарен выхватил у него фляжку, откупорил ее и торопливо стал вливать воду в рот лягушке.

— О, страшно! О, ужасно! — стонал Гурджи. — Несчастный Доли! Мой карликовый друг! Он мошкой и мушкой проглочен лягушкой!

Под потоком льющейся воды лягушка стала оживать. Теперь она яростно дрыгала длинными ногами, словно пытаясь вырваться.

— Кожу! Кожу! — послышался голос Доли. — Лей воду на мою кожу! А не в глотку, дурень! Ты хочешь, чтобы я захлебнулся?

— Клянусь Великим Белином,— ошалело бормотал Ффлевддур,— сначала я думал, что это просто лягушка по имени Доли. Но теперь-то я узнаю его ворчливый голос!

— Доли! — закричал Тарен.— Неужели это на самом деле ты?

— А ты сомневался, длинноногий простофиля? — прохрипела лягушка голосом Доли.— То, что я снаружи похож на лягушку, не значит, будто внутри не я!

Голова у Тарена пошла кругом при мысли, что Доли явился им в таком обличье. Гурджи молчал, словно язык проглотил, глаза его округлились и чуть ли не вылезли из орбит, рот открылся, и розовый горячий язык вывалился наружу, как у любопытной собаки. Ффлевддур наконец пришел в себя и опустил на траву рядом с Тареном, поливающим лягушку.

— Странный же способ для путешествия ты выбрал,— сказал Ффлевддур.— Что, надоело быть невидимым? Могу понять, это утомительно, но... но превращаться в лягушку! Впрочем, лягушка получилась прехорошенькая. Я заметил это в тот же момент, как заметил тебя.

Лягушка выкатила глаза, тельце ее, покрытое зелеными пятнами, стало раздуваться, словно бы от злости.

— Выбрал? Ты думаешь, я выбирал? Я заколдован, дубина ты долгоногая! Не понимаешь разве?

Сердце Тарена заледенело от ужаса.

— Кто заколдовал тебя? — хрипло спросил он, с содроганием глядя на несчастного.— Это Ордду? Она и нам угрожала тем же. Ты тоже попал на Болота?

— Дурень! Ты, наверное, думаешь своими длинными ногами? — проквакал Доли.— Стану я таскаться по болотам!

— Тогда кто же сотворил это с тобой? — недоумевал Тарен.— И как мы можем помочь? У Даллбена наверняка есть способ и сила против этого колдовства. Мужайся! Мы отнесем тебя к нему.

— Нет времени! — глухо вякнул Доли.— И потом, я не уверен, сможет ли Даллбен снять заклятие. Не знаю да-

же, в силах ли это сделать сам Эйддилег, король Красивого Народа! Но сейчас это не самое важное.

Горлышко лягушки тяжело вздувалось и опадало, голос ее стал глуше.

— Если вы хотите помочь мне,— тяжело, с одышкой, продолжал звучать из лягушачьего горла голос Доли,— выroyте ямку и налейте туда воды. Я сухой, как осенний лист, а это самое худшее, что может случиться со мной, то есть я имею в виду с лягушкой! Я это понял довольно быстро.— Он вывернул свои выпуклые глаза в сторону Ффлевддур.— Если бы эта гигантская кошка не нашла меня, я был бы уже мертв, как старый высохший сучок. Где ты достал такую громадину?

— Это длинная история,— начал было Ффлевддур.

— Тогда не рассказывай,— перебил его Доли.— И что вас привело сюда, тоже расскажете позже.— Он плюхнулся в крохотный бассейн, который Тарен и Ффлевддур выкопали своими мечами и наполнили водой из фляжки.— Ах... уф-фф! Так-то лучше. Я обязан вам жизнью. О-ох... ах, какое блаженство! Спасибо, друзья, спасибо вам.

— Доли, мы не можем оставить тебя в таком виде! — настаивал Тарен.— Скажи нам, кто сотворил это мерзкое заклятие. Мы найдем его и заставим рассеять чары!

— Под угрозой меча, если понадобится! — воинственно вскричал Ффлевддур. Он умолк и вдруг с любопытством стал разглядывать барахтающуюся в мутной воде лягушку.— Послушай, старина,— осторожно спросил бард,— на что похоже быть лягушкой? Интересно мне.

— Мокро! Вот на что это похоже! — резко квакнул Доли.— Мокро! Липко! Гадко! Если мне казалось, что превращаться в невидимку неудобно, то это во сто раз хуже! Это похоже... о, не лезь ко мне со своими глупыми вопросами! Какая тебе разница? Ты не собираешься становиться лягушкой, а я уже кое-как приладился. Есть гораздо более важное дело.

Лягушка, или, вернее, Доли, запыхтела.

— Да, вы можете спасти меня,— проговорил он.— Если кто-то вообще теперь сможет сделать это. Странные вещи все-таки творятся...

— Да, и мне так кажется,— вставил Ффлевддур,— во всяком случае то, что с тобой сотворили...

— Ффлевддур, дай ему сказать,— оборвал барда Тарен.— На карту поставлена его жизнь!

— Странные вещи,— продолжал Доли,— необычные, нарушающие весь порядок и ход вещей. Во-первых, не так давно до короля Эйддилега дошла весть, что в нашем королевстве на дне Черного Озера кто-то похитил сокровища Красивого Народа. Похитил и скрылся с самыми ценными камнями. Это редко случалось за всю историю Прайдена.

Ффлевддур изумленно присвистнул.

— Зная Эйддилега, могу вообразить, как он рассвирепел.

— Но не из-за каких-то там камней,— ответил Доли.— У нас их более чем достаточно. Он рассердился, во-первых, что кто-то добрался до сокровищ, а во-вторых, посмел взять их. Смертные не рискуют обычно нарушать покой Красивого Народа.

— Мог это быть Аровн или кто-то из его слуг? — спросил Тарен.

— Я сомневаюсь,— покачал головой Ффлевддур,— насколько мне известно, даже Хозяин Аннувина очень осторожен с Красивым Народом.

— Хоть раз сказал что-то разумное! — проворчал Доли.— Нет, не Аровн. Мы уверены в этом. Но у нас только донесение от поста на Княжеских холмах. А придорожный пост Красивого Народа, поставленный в этих местах, молчит... Вот что само по себе очень странно.

Доли забавно покивал своей лягушачьей головкой.

— Эйддилег выслал вестника,— булькнул он, погружаясь в воду и выныривая,— чтобы разведать все вокруг и докопаться до причин происшедшего. Но тот не вернулся. И ни единой весточки от него. Эйддилег выслал другого. То же. Тишина. Молчание. Мертвая тишина.

Лягушка, отдуваясь и растопырив лапки, лежала на воде, словно зеленая перчатка. Лишь раздавались тяжкие вздохи и какое-то глухое ворчание Доли. Потом он недовольно пробурчал:

— Вы можете догадаться, кого выбрали третьим. Совершенно верно! Доброго старого Доли! Добряка и дурака Доли! Кому поручить самое гадкое и неприятное дело? Ему, старине Доли!

Тарен никогда и подумать не мог, что обыкновенная лягушачья морда может изобразить такое негодование.

Доли фыркнул, пуская пузыри.

— Да, да, естественно, послали за добрым Доли!

— Но тебе удалось выяснить, кто это сделал? — с терпением спросил Тарен.

— Конечно, да, — важно квакнул Доли. — Но вот чего мне это стоило! Взгляни на меня! Теперь я самая ничтожная тварь. О, если бы у меня был топор!

Было забавно смотреть на воинственную лягушку, но никто даже не улыбнулся.

— Красивый Народ в опасности! — волновался Доли. — В ужасной опасности! Да, я выяснил, кто отыскал наш подземный тайник и украл сокровища. Тот же, кто заколдовал меня. Мордант Костлявый!

— Мордант? — повторил Тарен, нахмурившись. — Кто он, этот Мордант? И как ему удалось сделать это? Почему он осмелился вызвать гнев Эйддилега?

— Почему! Почему! — Глаза Доли яростно выпучились, и он начал раздуваться. — Разве не понятно? Мордант Костлявый, этот ядовитый шип, скверный разбойник-чародей! О, он хитер, как змея! Посмотри на меня! Он сумел заколдовать подземного жителя, подданного короля Эйддилега из Красивого Народа. Никто еще не мог сотворить этого над нами! Неслыханно! Не поверил бы, не произойди этого со мной!

Доли, бешено плюхая длинными лапками по воде, закружился в своем крохотном водоеме.

— И если он может превращать нас в рыб, лягушек, червяков или во что там еще, не знаю, — выкрикивал Доли, — мы в его власти! Он может уничтожить нас, если захочет. Что он и сделал наверняка со стражником

на придорожном посту и с вестниками. Со мной, наконец! И это может случиться с любым из нас. Даже с самим Эйддилегом! Никто из Красивого Народа не может теперь чувствовать себя в безопасности. Мордант Костлявый — самая страшная угроза, которая когда-либо нависала над нашим королевством.

Доли, изнуренный таким взрывом страстей, булькнул и на мгновение исчез под водой. Спутники испуганно глядели друг на друга.

— Но планов его я разгадать так и не смог, — квакнул Доли, выныривая. — О, я проследил за ним до самого его тайного убежища! Он живет в непроходимом месте недалеко отсюда. Не стоит и упоминать, что я крался за ним, превратившись в невидимого. Мне это далось нелегко. В ушах гудело так, будто туда набилась сотня шершней! Наступила темнота, и я решил, что могу снова стать видимым. Очень уж болели уши! Всего лишь на секунду, чтобы передохнуть от этого ужасного жужжания! А в следующую секунду я стал тем, чем стал! Видите?

Он, словно бы в подтверждение своих слов, выкарабкался на берег своего бассейна.

— Этот ядовитый шип, отвратительный Мордант Костлявый мог бы сразу меня уничтожить. Но он посмеялся надо мной и превратил в... бр-р! Ему, видите ли, забавно было посмотреть на беспомощную лягушку! А потом он швырнул меня в камни, в сушь, где ни капли воды. Он потешался над моей затянувшейся агонией. Он не убил меня сразу, потому что был уверен, что я погибну в этих засушливых холмах. Высохну мало-помалу и превращусь в сухую тряпочку. А если по случайности не умру, то разве может лягушка причинить вред колдуну? Я скакал, потом полз и полз в поисках воды. У меня уже не оставалось сил, когда твоя кошка наткнулась на меня. Если бы не она, мне уже наступил бы конец.

Все молчали, а Доли никак не мог успокоиться.

— Одну вещь забыл Мордант Костлявый, — продолжал он, — одну крошечную ошибку он совершил: не лишил меня речи! Я могу говорить! Я и сам до поры

до времени не знал этого. Потрясение оттого, что я стал лягушкой, в первый момент лишило меня дара речи!

— Клянусь Великим Белином,— прошептал Ффлевддур,— я слышал, что у людей в горле застревает ком, но чтобы у такого комочка... О, прости меня, Доли, я не хотел обидеть тебя, старина,— спохватился он под взглядом вытаращенных глаз лягушки.

— Доли, скажи, что мы должны теперь делать? — воскликнул Тарен, ужаснувшийся рассказом карлика-лягушки. Он просто холодел при мысли, какая беда крадется в подземные владения Красивого Народа.— Отведи нас к Морданту Костлявому. Мы постараемся захватить его или убить, если сможем.

— Так мы и сделаем! — воинственно вскричал Ффлевддур, размахивая мечом.— Я не позволю, чтобы моих друзей превращали в лягушек!

— Да, да,— храбро пискнул Гурджи,— друг — это не квакуша-прыгуша! Верный Гурджи спасет друга от злючки-колючки!

— Напасть на Морданта? — возразил Доли.— Вы что, рехнулись? С вами покончат так же, как со мной! Нет, вам нельзя так рисковать. Нужно предупредить Эйддילהа. Но до этого я должен выполнить данное мне поручение. Надо узнать все о силах Морданта и о том, что он собирается делать. Красивый Народ не выстоит против него, если мы не выясним, с кем имеем дело. Отнесите меня назад в логовище Морданта Костлявого. Я как-нибудь дознаюсь о его планах. А потом отнесете меня на наш придорожный пост. Оттуда я смогу послать весточку Эйддилегу.

Неожиданно он задохнулся, весь затрясся, изнутри по его зыбкому телу поплыл словно бы воздушный пузырь. Доли разразился таким взрывом кашля и чихания, что его буквально выбросило из лужицы.

— Будь проклята эта сырость! — забулькал он.— Будь проклят этот Мордант с его черным сердцем! Этот ядовитый шип! — Доли громко чихнул и вдруг заговорил так, будто ему зажали нос: — Дал бде вместе с лябушачьей кожей все лябушачьи берзости и беды! Неужели

я и болос тедяю? Скодее! Спешиде! Поднибиде беня, я покажу дорогу!... У нас бало вребеди!

Кое-как его еще понять было можно, и Тарен не замедлил исполнить желание Доли.

Друзья поспешно оседлали коней. Доли уцепился за луку седла Тарена, и все они галопом поскакали в ту

сторону, куда указал им несчастный карлик. Но лес постепенно сгустился и сильно замедлил их продвижение вперед. Зачастую ветви так плотно сплетались, что им приходилось спешиваться и продираться, орудуя мечами. Доли, обычно легко и просто ориентирующийся в любых зарослях и на любых переплетениях дорог, теперь никак не мог сообразить, где они находятся. Дважды путники останавливались и шли по своему следу назад, чтобы двинуться вперед заново. Доли при этом бормотал что-то невнятное.

— Де пдокдидайте бедя! — слабо квакал он. — Я полз да брюхе, а это не то, что шагадь и бидеть додогу сведху!

Его снова затрясло, из горла вырвался отрывистый кашель. Глаза его затуманились. Жалкая лягушонка распростерлась на седле лошади Тарена. Голос его уже совсем угас, и совершенно нельзя было ничего разобрать. Лишь хрипкое «ква-ква-ква» вырывалось из его распухшей глотки.

До сих пор за всеми ужасными и неожиданными событиями они ни разу не вспомнили о Карр. Теперь, вместо того чтобы притихнуть, ворона, наоборот, стала вдруг страшно непокорной. Она упорхнула в лес и на все оклики и уговоры Тарена отвечала строптивым карканьем. Наконец Тарен, уверенный, что она не потеряется, оставил ее в покое. Но когда путники углубились в самую чащу леса, Тарен забеспокоился и стал не на шутку тревожиться за дерзкую птицу. Но тут Доли попросил положить его на землю, где он лучше вспомнит дорогу. Тарен присел рядом с лягушкой на корточки и стал внимательно приглядываться к движениям ее лапок и прислушиваться к неясным хрипам, несущимся из пересохшего ее горла. Тут-то и появилась Карр. Она, кажется, все еще не успокоилась и продолжала свои озорные шутки. Тарен увидел в ее клюве какую-то блестящую вещьцу.

Пронзительно каркая, ворона уронила свою ношу прямо в руки удивленного Тарена. Это был кусочек отполированной кости. Карр гордо спланировала на нижнюю ветку дерева.

— Что ты наделала? — в бессильном гневе набросился на нее Тарен, глядя, как ворона спокойненько, как ни в чем не бывало покачивается на ветке.

— Глупая галка! — взорвался Ффлевддур. — Она вернулась назад и ограбила ящичек! Я думал, что мы отделались от этой заколдованной зубочистки, а теперь она снова у нас! Плохая шутка, милашка сорока! — вскричал он, отгоняя плащом игриво кружащуюся над ним ворону. — Ффлевддур Пламенный и сам любит пошутить. Но сейчас я не вижу ничего смешного. Выбрось это, — попросил он Тарена, — выкинь в кусты.

— Выкинуть? Если эта вещь действительно заколдована, так просто от нее не отделаешься, — ответил Та-

рен, хотя и сам бы желал, чтобы Карр оставила ящичек нетронутым. Но странная, неясная мысль зашевелилась у него в голове. Он опустился на колени и протянул кусочек кости Доли.

— Что это может быть? — спросил он, коротко рассказав Доли об их находке в дупле дуба.— Не сам ли Мордант спрятал его?

— Кто здаед? — просипел Доли.— Я никогда не бидед ничего подобнобо. Но он заколдобан, можеде быть увереддыми! Сохраниде его!

— Сохранить его? — всполошился бард.— В таком случае не ждите ничего, кроме беды, от этой находки, от этой дурной удачи! Зарой эту проклятую штуку!

Соглашаясь в душе с опасениями Ффлевддур и не желая пренебрегать советами Доли, Тарен колебался. Наконец он решительно сунул обломок кости в карман куртки.

Ффлевддур заворчал:

— Опять суешь свой нос не в свое дело! Это принесет нам одни неприятности. Запомни мои слова! Ффлевддур Пламенный бесстрашен, но только не тогда, когда неизвестная заколдованная вещь покоится неподалеку, в кармане друга!

Слова Ффлевддур как будто стали сбываться чуть ли не тотчас. Стоило им снова двинуться в путь и начать продираться сквозь заросли, как Доли стало совсем плохо. Время от времени он вздрагивал и трясся от мучительного озноба. С трудом мог он неразборчиво произнести одно или два слова. Тарен был уверен, что Доли потерял силы и заболел, когда полз посуху на брюхе. Чтобы кожа его совсем не пересохла и не потрескалась, Тарен регулярно смачивал ему спину и живот. Вода спасала его от смерти, но и добавляла страданий: он чихал и кашлял все сильнее с каждой влажной примочкой. Вскоре он совершенно изнемог, обмяк и повис на луке седла, не имея сил даже ворчать, выказывая, как это он обычно делал, свой дурной нрав.

День быстро убывал, и путники остановились на поляне, потому что Доли дал им понять, чтобы с этого момента они двигались с предельной осторожностью.

Упрятав лягушку в складках специально намоченного плаща и положив сверток у корней дерева, Тарен склонился к Ффлевддур и зашептал:

— У него не осталось больше сил. Нельзя тащить его дальше.

Ффлевддур согласно кивал.

— Верно, при всем его желании самому справиться с заданием короля Эйддилега он долго не протянет.

Лицо барда выражало тревогу.

Тарен помолчал, размышляя. Он ясно представлял себе, что нужно делать, но не хотел сейчас решать за других. Обычно твердый и смелый в своих поступках и решениях, сейчас он колебался. Он с радостью бы пожертвовал жизнью ради спасения друга. Но риск не просто погибнуть, а превратиться в какую-нибудь отвратительную беспомощную тварь пугал Тарена. Он не только потеряет свой облик, но и не сможет тогда достичь той цели, ради которой отправился в этот трудный и опасный путь. И все же...

Он опустил на колено рядом с Доли.

— Ты должен остаться здесь. Ффлевддур и Гурджи позаботятся о тебе. Скажи мне, как найти Морданта?

Глава восьмая

КОЛЮЧАЯ СТЕНА

Услышав это, Доли устало лягнул бессильно вытянутой лапкой и что-то протестующе проквашал. Впрочем, что он мог возразить? Карр взлетела на плечо Тарену, и он двинулся пешком через лес. Следом вприпрыжку бежал Гурджи, который все же увязался за Тареном.

Спустя некоторое время Тарен замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, чтобы оглядеться. Лес сплошь зарос кустами куманики и стал почти непроходимым. Высокие колючие кусты вырастали между деревьями, сплетали гибкие ветки и превращались в непреодолимую преграду. Тарен понял — он нашел то, что искал. Высокие кусты стояли так плотно не случайно, они были искусно свиты и превращены в густой барьер. Это была живая стена почти в два человеческих роста, остинившаяся острыми загнутыми колючками и шипами, хищными, словно когти гвитантов. Тарен вытащил меч

и попытался прорубить проход в непроходимых зарослях.

Ветви куманики были крепкими, как сталь, и Тарен чуть ли не притупил свой меч и совершенно выбился из сил. И в результате тяжких трудов всего-то и добился, что вырубил узкую щель, к которой приник лицом, но не увидел ничего, кроме неряшливой постройки, похожей скорее на груды валунов посреди лужайки с почерневшей травой, окаймленной сухим тростником и репейником. То, что поначалу представлялось хорошо укрытым логовом зверя, оказалось грубо сложенной из неровных камней хижинкой с кривыми и низкими стенами, покрытой усыхающим дерном. Никакого движения, никаких признаков жизни не было заметно. Тарен даже подумал: не оставил ли колдун свое убежище и не опоздали ли они? Эта мысль его обеспокоила.

— Доли каким-то образом сумел проникнуть сюда,— пробормотал Тарен, покачивая головой.— Но у него несравненно больше ловкости, чем у меня. Он, должно быть, нашел другую лазейку. Если мы попытаемся перелезть здесь, то нас сразу заметят.

— Или схватят злые колючки-закорючки,— испуганно прошептал Гурджи.— О, смелый Гурджи не любит когтистых лапок и царапок. Он не любит перелезать через стены, когда не знает, что его поджидает за ними.

Тарен снял ворону с плеча.

— У Морданта наверняка есть свой проход, брешь в колючках или даже тоннель. Попытайся найти его,— сказал он, подбрасывая Карр в воздух.— Найди его для нас, верная подружка.

— И поспеши,— вставил Гурджи.— Но только оставь свои шутки и глупки!

Бесшумная, как ночная сова, ворона перелетела через колючий барьер и исчезла из виду. Тарен и Гурджи, притаившись в тени, остались ждать ее возвращения. Время шло. Солнце опустилось за деревья. Тихий закат расцветил темнеющее небо. Карр все еще не было, и Тарен стал опасаться за судьбу птицы. Хоть она и лю-

била поразвлечься и пошутить, но все же понимала серьезность поручения. Тарен был уверен, что не беспечный каприз задержал ее.

Наконец Тарен решил не ждать больше. Он поднялся, подошел к колючему забору и стал осторожно продираться сквозь заросли. Ветки корчились, словно змеи, злобно рвали одежду, расцарапывали в кровь лицо и руки. Колючки не просто цеплялись, они, казалось, сами нападали, ветки протягивались к нему, обвивали ноги, старались опутать и спеленать Тарена. Где-то сбоку он слышал пыхтение Гурджи, который пытался освободить густую шапку своих спутанных волос из цепких колючих лап. Тарен карабкался на ошестинившуюся стену, не останавливаясь и не переводя дыхания. Гурджи не отставал. Вот уже и верхушка живой изгороди почти под рукой.

Вдруг неожиданно из самой гущи колючек взвилась тонкая веревочная петля и молниеносно затянулась вокруг руки Тарена. Он вскрикнул и в тот же момент услышал визг Гурджи, который тоже был опутан по рукам и ногам. Склоненное над ними молодое упругое деревце распрямилось, утягивая на веревках обоих пленников. Тарен почувствовал, как его силой вырвали из цепких лап куманики и на тонком крепком канате подняли над колючей изгородью. Теперь он понял те непонятные слова, которые обрывками вылетали из пересохших губ Доли: добушди и забадди. Ловушки и западни! — вот о чем пытался предупредить карлик. Тарен упал, и тьма накрыла его.

Костлявая рука схватила Тарена за горло. В его ушах задребезжал металлический голос, будто лезвием кинжала скребли по камню.

— Кто ты? — пронзительно повизгивал голос. — Кто ты?

Тарен попытался вырваться, но тут же обнаружил, что руки у него скручены за спиной. Рядом жалостливо хныкал Гурджи. Голова у Тарена кружилась и гудела. Свет оплившей свечи вонзался в глаза. Когда зрение

его немного прояснилось, он увидел перед собой костистое лицо цвета сухой, потрескавшейся глины, глаза, сверкающие, как две бесцветные льдинки, и глядящие на него из-под нависшего лба, будто из глубины темного колодца. Голый, без единого волоска, череп незна-

комца слабо поблескивал в мерцающем свете свечи. На этом застывшем лице жил только рот — узкий, словно шрам, густо прошитый морщинами.

— Как ты прошел сюда? — вопрошал Мордант. — Что ты ищешь здесь у меня?

В полутьме Тарен мог разглядеть немного. Он окинул быстрым взглядом комнату с низким потолком, заметил остывший очаг, забитый золой и потухшими угольями. Сам он лежал в углу, притиснутый к низкой стене. Гурджи корчился на каменной плите пола рядом с ним. Тарен увидел и Карр, запертую в плетеной ивово-й корзине на широкой дубовой плахе. Он окликнул птицу.

— Ага, — встрепнулся колдун, — значит, эта ворона твоя? Она попалась в одну из моих ловушек, как и ты. Никто не может войти сюда, чтобы я не узнал об этом тут же. Впрочем, это ты уже узнал. А теперь я хочу узнать немного больше о тебе.

— Да, птица моя, — твердо произнес Тарен. Он понимал, что отпираться глупо, но и всю правду выкладывать не стоит. — Она полетела в чашу и не вернулась к нам. Мы испугались, что она попала в беду, и пошли искать ее. Мы путешественники, идем в горы Ллавгадарн. Зачем тебе мешать нам?

— Вы сами себе помешали, — ответил Мордант, — глупые вы существа! В горы Ллавгадарн, ты сказал? Возможно, да, а возможно, и нет. В человеческих существах много жадности и зависти, но мало правды. Твое лицо выдает тебя и называет лжецом. Что ты надеешься скрыть? Впрочем, это неважно. Жалкие остатки твоих дней, которые вы, люди, называете жизнью, истаяли. Ты в моих руках и не покинешь это место. И все же... ха-ха-ха! У тебя еще есть надежда. Может случиться так, что ты будешь служить мне. Я должен все тщательно обдумать. На самом-то деле от ваших жизней мне никакой пользы, как, впрочем, и вам. Зачем они вам?

Что-то неуловимое в лице колдуна испугало Тарена больше, чем его слова. Пока он глядел в это неподвиж-

ное лицо, не в силах отвести взгляда, глаза Морданта, не мигая, вонзались в него. Даже от пламени свечи тяжелые веки ни разу не дрогнули. Холодный, пристальный взгляд Морданта цепенил Тарена.

Колдун выпрямился, и его мрачная, потертая одежда туго обтянула костлявое тело. Тарен вздрогнул, потому что увидел на иссохшей шее Морданта серебряную цепь с полумесяцем. Только один еще человек носил такое украшение — принцесса Эйлонви, дочь Ангарад! В отличие от украшения Эйлонви на рогах этого полумесяца, словно бы зажатый между ними, сверкал странной формы драгоценный камень, чистый и прозрачный, как вода, грани его переливались и пылали, будто внутри него полыхало пламя.

— Эмблема Дома Ллиров! — вырвалось у Тарена.

Мордант вздрогнул и отпрянул. Пальцами, худыми и сухими, как лапы паука, он непроизвольно ухватился за камень.

— Яс-сно! — прошипел он. — Глупец, ты думаешь забрать это у меня? Именно за этим тебя послали? Да, да, — пробормотал он, — так оно и есть. — Его бескровные губы слабо задергались, когда он снова уставился на Тарена ледяными глазами. — Слыш-шшжом поздно! Принцесса Ангарад давно мертва, и все ее секреты теперь мои.

Тарен растерялся, сбитый с толку услышанным именем.

— Ангарад, дочь Регаты? — прошептал он. — Эйлонви никогда так и не знала судьбы своей матери. А это был ты... в твоих руках, — вдруг взорвался он, — от твоих рук она приняла смерть!

Мордант некоторое время ничего не говорил, казалось, он впал в забытие, окунулся в черную пустоту. Когда он снова заговорил, голос его сочился ненавистью.

— Ты думаешь, жизнь или смерть одного из таких ничтожных и слабых существ, как вы, их судьба может заботить меня? Я достаточно видел людей и понял, кто они есть! Ниже зверей, слепее и глупее их! Вздорные, захваченные своими мелкими заботами муравьи! Их

снедает гордость и безумная надежда ухватить удачу. Они лгут, жульничают и предают друг друга. Да, я был рожден среди рода человеческого. Человек! — Он словно презрительно выплюнул это слово. — Но я давно понял, что это не моя судьба — быть одним из них. И я давно живу вдали от их перебранок и зависти, их малых потерь и маленьких приобретений.

Глубоко запавшие глаза колдуна засверкали.

— Не собирался я унижать себя, разделяя их жизнь. Не собираюсь и делить с ними смерть. Я в одиночестве изучал искусство чародейства и постиг его. Из древних книг узнал я тайну Красивого Народа. У них в недрах земли, в сокровенных сокровищницах спрятаны драгоценные камни, обладающие колдовской силой. Тот, кто обладает хотя бы одним из них, получает жизнь гораздо более долгую, чем у любого смертного. Что их жизнь? Мгновение, равное комариному веку. Лишь некоторые отваживались на поиски этих камней, но никто не мог отыскать их. А я был уверен, что найду дорогу к подземным тайнам.

Колдун уже говорил, казалось, сам с собой. Взор его затуманился. Но вот он опять вперился своими льдинками в Тарена.

— А что касается той, которая звалась Ангарад из Дома Ллиров, — понизил голос Мордант, — как-то зимней ночью она появилась здесь и умоляла об убежище в моем жилище. Она утверждала, что ее маленькую дочь украли и будто она уже давно скитается в поисках ее. — Губы колдуна дернулись. — Как будто ее судьба или судьба ее маленькой девочки имели для меня значение. За еду и кров она предложила мне безделушку, которую носила на шее. Мне не нужна была эта глупая сделка. Я и сам мог взять то, что пожелаю. Женщина была слишком слаба, ее лихорадило. Она не пережила ту ночь.

Тарена охватило отвращение к этому костистому, ледяному существу.

— Так или иначе, но ты взял ее жизнь! — воскликнул он. — Это так же верно, как если бы ты проткнул ее сердце кинжалом.

Резкий, скрипучий смех Морданта был похож на звук ломающейся сухой ветки.

— Я не просил ее приходить сюда. Жизнь ее стоила для меня не больше той книги с пустыми страницами, которую я нашел в ее вещах. Хотя книга эта оказалась не совсем бесполезной. В свое время маленький хныкающий слизняк тоже забрел ко мне. Имя ему было Глю, и он страстно желал стать чародеем. Маленький болван! Он умолял меня продать ему волшебное заклинание, амулет или тайное слово власти. Хныкающий слюнтяй! Мне доставило удовольствие преподать ему урок. Я продал ему пустую книгу и предупредил, чтобы он не открывал ее или не заглядывал в нее, пока не окажется далеко отсюда, а не то заклинания исчезнут. Ха-ха-ха!

— Глю, — прошептал Тарен. — Значит, это ты обманул его.

— Как и всех вас, отпрысков рода человеческого! — ответил Мордант. — Собственные его жадность и тщеславие обманули его, а не я. Я не знаю его судьбы, да и знать не хочу. За свою ничтожную плату он получил достаточное знание: искусство волшебства не покупается золотом!

— Но и не крадется, не добывается с помощью зла, ценой безжалостной и холодной беспощадности! — вскричал Тарен. — Того зла, какое ты сотворил над принцессой Ангарад, обокрав ее.

— Беспощадность? Безжалостность? Зло? — усмехнулся Мордант. — Эти слова — игрушки для таких существ, как я. Для меня они не значат ничего. Моя колдовская сила вынесла меня за пределы ваших понятий. А книга послужила дураку. Она показала ему всю бездну его глупости! Но драгоценный камень, о, этот камень служит мне, как и все вещи, в конце концов. Женщина Ангарад сказала мне, что камень облегчит любовь

ношу и поможет достичь самой заветной цели. И она не обманула меня, хотя мне пришлось потратить годы, прежде чем я постиг его тайну. По моему приказу он уменьшает вес самой тяжелой вязанки хвороста до веса крохотной веточки. При помощи камня я поднимаю за-весу колючек. Но когда мое мастерство достигло вершин, я нашел и воды скрытых под землей целебных источников.

Немигающие глаза колдуна засветились.

— Наконец,— прошептал он,— наконец камень привел меня к тому, что я искал всегда: к спрятанным в недрах земли сокровищницам Красивого Народа.

Мордант так разгорячился, что уже не мог остановиться, ему надо было поделиться торжеством своей победы хотя бы со связанными, находящимися в его полной власти пленниками.

— В той сокровищнице, куда я проник, не нашлось ни одного камня, который бы давал вечную жизнь,— продолжал Мордант,— но какая разница! Если не здесь, то в другой сокровищнице найдется то, что я ищу. Теперь все сокровища Красивого Народа, копи, тайные тропинки, норы, щели и щелочки — все открыты для меня!

Мордант вдруг склонился над Тареном, хрустнув и заскрипев сразу всеми костями.

— Один из наблюдателей Красивого Народа натолкнулся на меня. Я не позволил ему поднять тревогу. И хоть никто и никогда не мог справиться с ними, я сделал это! Я! — вскричал Мордант.— Мой драгоценный камень оказался больше, чем просто безделушкой, превращающей хворост в пушинку. Я постиг сердцевину его мощи! По моему приказу этот соглядатай Красивого Народа превратился в слепого ползуна крота! Да,— прошипел колдун,— я обрел даже большую силу, чем искал! Кто теперь посмеет не подчиниться мне, когда я могу превращать людей в пресмыкающиеся, ползающие, жалкие существа, каковыми они на самом деле и являются! Разве мне нужен был только вечный камень?

Э, нет! Целое королевство Красивого Народа теперь в моей власти! И весь Прайден! Я понял свое предназначение! Род человеческий обрел, наконец, своего властителя!

— Властителя? — бесстрашно выкрикнул Тарен, пораженный ужасом от слов Морданта. — Ты отвратительнее тех, кого презираешь. Как ты можешь говорить о человеческой жадности и зависти? Сила камня Ангарад предназначена служению людям, а не порабощению их! Но рано или поздно твоя жизнь станет расплатой за все твоё зло.

Ледяная вспышка в глазах Морданта мелькнула мелкой змейкой.

— Ты так думаешь? — зловеще спросил он.

За стеной раздались крик, шуршание колючек и грохот упавшего тела. Мордант удовлетворенно кивнул.

— Еще одна муха попалась в мою паутину!

— Ффлевддур! — выдохнул Тарен, когда Мордант вышел наружу. Он подтянулся поближе к Гурджи, и тот попытался зубами разорвать путы, стягивающие руки Тарена. Но в этот момент колдун вернулся, волоча за собой связанное тело, которое он швырнул рядом с пленниками. Это был, как и опасался Тарен, несчастный бард.

— Клянусь Великим Белином, я не понимаю, что с вами случилось! И что случилось со мной? — простонал ошеломленный Ффлевддур. — Вы долго не возвращались... Я пошел посмотреть... Я опасался, что вы каким-то образом застряли в этих зарослях куманики. — Бард болезненно поморщился. — Ну и встряска! Моя шея свернута на сторону и, кажется, навечно!

— Тебе не следовало идти за нами, — прошептал Тарен. — Я не мог предупредить тебя. Что с Доли?

— Он в безопасности, — ответил Ффлевддур. — Думаю, он в большей безопасности, чем мы.

Мордант пристально разглядывал их, прислушивался к разговору.

— Ага,— догадался он,— это Красивый Народ послал вас шпионить за мной! Вы заодно с презренным карликом! Но он слишком глуп, чтобы убежать от меня. Что ж, пусть будет так. Думаете, теперь я пожалею вас? Вы разделите его судьбу.

— Да, Доли из Красивого Народа наш друг! — вскричал Тарен.— Сними с него свое заклятие. Я предупреждаю тебя: поостерегись вредить кому-либо из нас. У тебя ничего не выйдет, Мордант! Я — Тарен из Каер Даллбен, и мы под защитой самого волшебника Даллбена.

— Даллбен,— хмыкнул Мордант.— Сивобородый, выживший из ума старик! Он бессилен сейчас против меня. Даже Даллбен склонится передо мной и станет выполнять мои приказания. Что касается вас,— добавил он,— я вас не убью. Это было бы слишком пустяковым наказанием. Вы будете жить столько, сколько вам уготовано прозябать в том обличье, которое я вам подарю. Будете жить, и каждый злосчастный день вашей жизни будет напоминать вам о цене, заплаченной за неповиновение мне.

Мордант приблизил к глазам драгоценный камень, снял с шеи цепь и повернулся к Ффлевддуру.

— Пусть смелость, пославшая тебя на поиски твоих приятелей, теперь станет трусостью. Убегай при лае собачьей своры, таись при звуке шагов охотников. Распластывайся в страхе при шорохе листьев и дрожи от колыхания бесшумной тени.

Драгоценный камень ослепительно сверкнул. Костлявая рука Морданта вытянулась над лежащим бардом. Тарен услышал вскрик Ффлевддура, но голос барда заклокотал и умер в его горле. Гурджи пронзительно завизжал, и застывший от ужаса Тарен увидел, что барда больше нет рядом с ним. В руке Морданта, яростно дергая лапками, бился серовато-коричневый заяц.

С резким смехом Мордант поднял зверька над головой и презрительно скривился, потом небрежно швырнул зайца в плетеную корзину рядом с клеткой Карр.

Колдун сделал шаг и склонился над Гурджи, у которого от страха выкатились глаза и безмолвно, словно у рыбы, открывался и закрывался рот.

Тарен попытался разорвать веревки. Мордант поднял сверкающий камень.

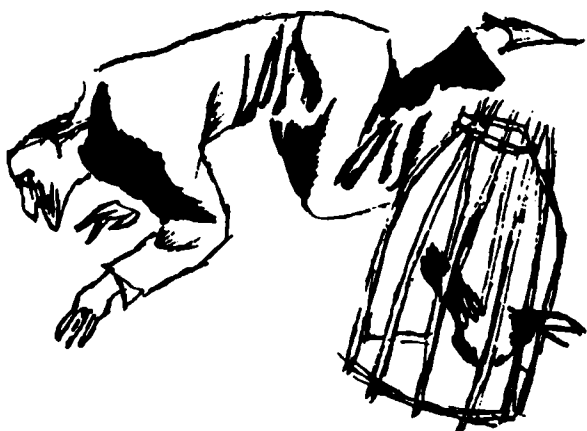
— Это существо, — медленно прокрипел он, — это полуживотное совершенно бесполезно. Слабый раболепствующий зверь, будь всегда слабым и стань добычей сов и змей!

Тарен изо всех сил пытался разорвать свои путы.

— Ты погубил нас, Мордант! — вскричал он. — Но твоё собственное зло погубит и тебя!

Драгоценный камень сверкнул вновь. Там, где лежал Гурджи, на задних лапках стояла серая полевая мышка. Она вдруг встрепелулась и юркнула в темный угол комнаты с пронзительным писком.

Мордант устремил свой ледяной взгляд на Тарена.

Глава девятая

РУКА МОРДАНТА

— Твоя судьба, — сказал Мордант, — твой удел будет иным. Нет, ты не затеряешься в лесных зарослях, в грязной луже или в темной норе. Ты надеешься, что мои планы рухнут? Что ж, ты останешься моим пленником и сам своими глазами увидишь мой триумф. Но в кого же превратить тебя? В собаку, униженно кланчающую объедки с моего стола? В орла, сидящего в клетке и изнывающего от тоски по свободному простору небес?

Драгоценный камень Ангарад сверкал в пальцах Морданта. Отчаяние сковало Тарена. Он напряженно, не отрывая глаз, смотрел на украшение, как птичка, замороженная змеей. Сейчас он завидовал несчастным Гурджи и Ффлевддуру. Когти ястреба или челюсти лисицы все же положат рано или поздно конец их жалкому существованию. А его собственные дни будут тянуться бесконечно в медленной агонии плена, в униже-

нии и рабстве, пока жестокая рука Морданта не захочет прервать их тягучую череду.

Усмешка колдуна каплей яда стекла с его тонких губ. Когда Мордант снова заговорил, Тарен вдруг почувствовал, что крохотное теплое тельце прижалось к его запястьям, стянутым за спиной веревками. Пораженный, он едва не вскрикнул. Сердце его громко забилося. Гурджи, превращенный в мышь, тихонько возился позади него.

Преданный друг, теперь почти беспомощный, перебирая крохотными лапками, пробежал крохотными шажками через комнату из угла в угол туда, где лежал Тарен. Колдун не заметил юркую мышку, и она, добравшись до пут Тарена, острыми зубками принялась перетирать веревки.

Мордант между тем словно бы в нерешительности продолжал поигрывать драгоценным камнем. Тарен чувствовал, как мышь отчаянно грызет неподатливые узлы. Утекали секунды, а веревки по-прежнему туго стягивали его руки. Тарен напрягся, чтобы натянуть веревки и облегчить работу безумной мышке, но пока у нее ничего не получалось. А колдун поднял уже над ним мерцающий камень.

— Подожди! — вскричал Тарен. — Если судьба моя быть зверем, то позволь мне хотя бы выбрать, кем стать!

Мордант замер.

— Выбрать? — Его бескровные губы раздвинулись в презрительной усмешке. — Что могут значить для меня твои желания? И все же, может быть, мне понравится, если ты сам выберешь свою тюрьму. Говори, — приказал он. — Быстро!

— В Каер Даллбен, — медленно начал Тарен, — я был Помощником Сторожа Свины. На моем попечении была свинья... — Тут одна веревка на запястье лопнула. Но силы Гурджи стали ослабевать.

— Что же, — грубо смеясь, перебил его Мордант, — ты умоляешь сделать тебя свиньей? Чтобы валяться в грязи и рыть землю в поисках желудей? Да, скотник, твой выбор мне на самом деле нравится.

— Это мое единственное желание,— сказал Тарен,— потому что это будет хотя бы напоминать мне о более счастливых временах.

Мордант кивнул.

— Да. Именно поэтому желание твое...— он на секунду умолк и выпалил: — ...и не будет исполнено! Умный скотник,— насмехался он,— ты открыл мне то, чего больше всего желаешь. Теперь я уж наверняка буду уверен, что не подарю тебе ни малейшей радости!

— Ты не дашь мне даже той малости, какой я прошу? — спросил Тарен.— Не подаришь того облика, который был бы мне мил? — Следующая веревка развязалась. Гурджи, преодолевая усталость, удвоил свои усилия. И внезапно веревки поддались. Руки Тарена освободились.— Тогда,— вскричал Тарен,— я сохраню свой собственный облик!

В мгновение ока вскочил Тарен на ноги. Он выхватил из ножен меч и устремился к колдуну, который ошеломленно отступил назад. До того как Мордант успел поднять драгоценный камень, Тарен с победным криком вонзил свой меч в костлявую узкую грудь колдуна. И тут же его победный клич превратился в крик ужаса. Шатаясь, он прислонился к стене.

Мордант стоял невредимым. Взгляд его не дрогнул. Язвительный смех колдуна оглушил Тарена.

— Глупый скотник! Если бы я боялся твоего меча, то давно отобрал бы его!

Колдун поднял над головой волшебный камень Анград. По телу Тарена пробежала дрожь противного страха. Камень в руке Морданта холодно мерцал. Глаза Тарена не отрывались от сверкающих острых граней кристалла и когтистых пальцев, которые держали камень. Тут он впервые заметил, что на руке Морданта не было мизинца. На его месте торчал отвратительный сморщенный обрубок.

— Ты хочешь взять мою жизнь, скотник? — прошипел Мордант.— Но сначала отыщи ее. Моя жизнь не в моем теле. Нет, она далеко отсюда. Сама смерть не найдет ее!

Он грозно выпрямился.

— Это одна из самых важных тайн, над которой я обрел власть! — гремел колдун. — Мой драгоценный камень не только может возвращать жизни мертвым, он способен защитить и мою собственную. Я вынул из моего тела свою жизнь и спрятал в безопасном месте, где никто и никогда не найдет ее. Ты надеешься убить меня, скотник? Твоя надежда бесполезна, как и меч в твоих руках! Теперь же, скотник, пришел твой черед! Охотничья собака или орел — это слишком хорошо для тебя. Ползай же во тьме земли самым последним из всех существ, бесхребетным слепым червем!

Свет зажегся в глубине волшебного камня. Меч Тарена выпал из его рук, и он закрыл лицо ладонями. Будто удар молнии поразил его. Он зашатался. И все же не упал. Его тело, он чувствовал это, не изменилось. Он все еще оставался самим собой.

— Что могло остановить мое заклинание? — взревел Мордант страшным голосом. Тень страха пробежала по его неподвижному лицу. — Мне показалось, что я боролся сам с собой. — Его ледяные глаза вперились в Тарена, и беспалая рука снова вознесла над ним камень.

В голове Тарена вдруг мелькнула странная мысль. Жизнь колдуна спрятана в безопасном месте? Тарен не мог оторвать глаз от руки Морданта. Мизинец. Ящичек в дупле дуба. Медленно, все еще не веря в свою удачу, боясь, что последняя надежда рухнет, Тарен сунул руку в карман и вытащил осколок отполированной кости.

При виде ее лицо Морданта, казалось, рассыпалось. У него отпала челюсть, губы задрожали и поползли в стороны, голос превратился в дребезжащий шепот.

— Что ты держишь, скотник? Дай-ка мне. Дай, я приказываю!

— Эту маленькую вещицу я нашел с друзьями, — спокойно ответил Тарен. — Разве она так ценна для тебя, Мордант? Ты обладаешь такой силой, что вряд ли тебе нужен этот пустяк.

Крупные капли пота выступили на голом черепе Морданта. Черты его лица окончательно исказились, но голос, который он старался умирить и сделать мягким и

кротким, все равно был страшным, скрипучим, когда слова срывались с его губ.

— Ты смелый парень и не боишься противостоять мне,— проскрипел колдун.— Я всего лишь проверял твоё мужество, чтобы понять, достоин ли ты служить мне, достоин ли богатых наград. У тебя будет золото, много золота в доказательство моей дружбы. А в доказательство твоей... ты отдашь мне... маленькую вещь, пустяк, который ты держишь сейчас в руке...

— Этот ничего не стоящий обломок? — улынулся Тарен. — Ты хочешь его взять на память? Тогда давай разделим его поровну — половину тебе, а половину мне.

— Нет, нет, нет, не ломай его! — завопил Мордант, и лицо его из мертвенно-белого стало серым.

Он протянул костлявую руку и шагнул к Тарену. Тот быстро отскочил и поднял обломок кости над головой.

— Эта ничего не стоящая вещь, — вскричал Тарен, — этот пустяк — твоя жизнь, Мордант! Твою жизнь я держу в своей руке!

Глаза Морданта буквально вертелись в запавших глазницах, безумная дрожь била его, и тело содрогалось, будто его гнул и крутил сильный ветер.

— Да, да, — верещал он полным страха голосом, — моя жизнь! Заключенная в моем пальце жизнь! Я сам ножом отрезал его! Отдай! Верни мне этот осколок жизни!

— Ты вознес себя над людьми, — ответил Тарен. — Ты презираешь их слабость, смеешься над их страхом перед смертью, ты не хочешь считать себя человеческим существом? Что ж, ты и будешь отвергнут людьми! Даже я, не знающий тайны своего рождения, своего длинного имени, все же знаю, что я часть этого прекрасного племени!

— Не убивай меня! — молил Мордант, корчась в безумном ужасе. — Моя жизнь в твоей власти, не забирай ее у меня! — Колдун упал на колени и протягивал вперед трясущиеся руки. Его бескровные губы дрожали, слова с трудом протискивались сквозь узкую щель рта. — Послушай меня! Выслушай! Многие тайны ведомы мне! Черные чары подвластны! Я научу тебя всему! Всему! Всему!

Руки Морданта скручивались, скрючивались, будто колючие ветви куманики. Его пальцы заплетались один за другой и потрескивали, словно ломкие сухие сучки. Он качался из стороны в сторону у самых ног Тарена. Голос его стал льстивым и хныкающим.

— Я буду служить тебе! Верно служить! О, хозяин мой Скотник! Все мои знания, все умение и возможности в твоей власти. — Драгоценный камень Анград сви-

сал на серебряной цепи с запястья колдуна. Он схватил его и протянул Тарену.— Это! Даже это!

— Драгоценный камень не твой, ты не можешь дарить его,— ответил Тарен.

— Не мой? И я не могу дарить его, хозяин Скотник? — Голос колдуна стал вдруг тихим и коварным.— Я не могу его дарить, ты прав. Но ты можешь взять. Ты хочешь знать тайну его? Я один могу рассказать тебе об этом. Ты ведь хочешь узнать тайну владения им? Разве ты никогда не мечтал о такой власти? Вот она, ждет тебя. Род людской падет пред тобой ниц. Кто посмеет не подчиниться малейшему твоему желанию? Кто не задрожит в страхе от твоих нахмуренных бровей? Обещаю мне мою жизнь, хозяин Скотник, а я обещаю тебе...

— Ты торгуешь волшебством, которое украл и заставил служить злу? — гневно сказал Тарен.— Пусть его секреты умрут вместе с тобой!

При этих словах Мордант дико завыл и почти распластался у ног Тарена.

— Моя жизнь! Пощади ее! Пощади! Не отдавай меня смерти! Возьми драгоценный камень. Преврати меня в самое низшее ползучее существо, в самого гадкого паразита, только позволь мне жить!

Вид испуганного мерзкого колдуна стал отвратителен Тарену, даже говорить с ним было противно. Наконец он произнес:

— Я не стану убивать тебя, Мордант.

Рыдания колдуна мгновенно прекратились. Он поднял голову.

— Не станешь, хозяин Скотник? — Он пополз вперед и сделал движение, будто хотел обнять колени Тарена.

— Я не стану убивать тебя,— повторил Тарен, с отвращением отстраняясь,— хотя в глубине души желаю тебе смерти. Твое зло слишком велико, чтобы только я судил тебя. Возврати моим друзьям их прежний облик,— приказал он.— Затем ты отправишься со мной пленником к Даллбену. Он единственный может решить твою судьбу. Встань, колдун. Отдай драгоценный камень Ангарад.

Мордант, все еще распростертый на полу, медленно и неохотно стащил цепь, обмотанную вокруг запястья. Бледные щеки его дрожали, когда он поглаживал мерцающий камень, что-то бормоча и прищептывая про себя. Внезапно колдун подскочил и прыгнул вперед. Из всех сил он хлестнул камнем на конце цепи, словно кнутом, Тарена по лицу.

Острые грани камня располосовали Тарену лоб. Вскрикнув от боли, он зашатался и отступил. Кровь заливала глаза, ослепляя его. Обломок кости выпал из руки и завертелся на полу. От удара камень оторвался от цепи и улетел в угол.

В следующее мгновение колдун уже взвился над юношей и набросился на него со звериным рычанием. Его желтые кривые зубы обнажились в хищной ухмылке. Пальцы Морданта сжали горло Тарена. Из всех сил старался он вырваться из цепких объятий колдуна. Но натиск Морданта был таким яростным, что Тарен потерял равновесие и упал. Тщетно пытался он разжать мертвую хватку костлявых пальцев. Голова у него кружилась, перед глазами вертелись радужные круги. Сквозь кровавый туман проступало искажившееся от ненависти лицо колдуна.

— Твоя сила не спасет тебя, — прошипел Мордант, — она не сравнится с моей. Ты так же слаб, как все люди. Разве я не предупреждал тебя? Моя жизнь не в моем теле. Я так же неодолим, как смерть! Поэтому ты умрешь, Скотник!

С ужасом Тарен осознал, что Мордант говорит правду. Костистые руки колдуна были тверды и упруги, как лианы, и хотя Тарен отчаянно сопротивлялся, неумолимая хватка Морданта становилась все крепче. Тарену не хватало воздуха, и ему казалось, что он погружается в темные пучины моря. Черты лица Морданта затуманились. Только проникающий в самую душу, сверлящий, пронзающий взгляд колдуна не угасал.

Грохот и треск ломающегося дерева возвратил Тарена к жизни. Хватка Морданта неожиданно ослабла. С криком боли и ярости колдун оторвался от Тарена, вскочил на ноги и завертелся как бешеный. Обессилен-

ный, придерживаясь руками за стену, Тарен попытался подняться. Тут он понял, что произошло.

В хижину ворвалась Ллиан. Яростно завывая, с горящими зеленым пламенем глазами, огромная кошка прыгнула вперед. Под мощным ударом этой громадины Мордант упал на колени, но продолжал бороться с разъяренным зверем.

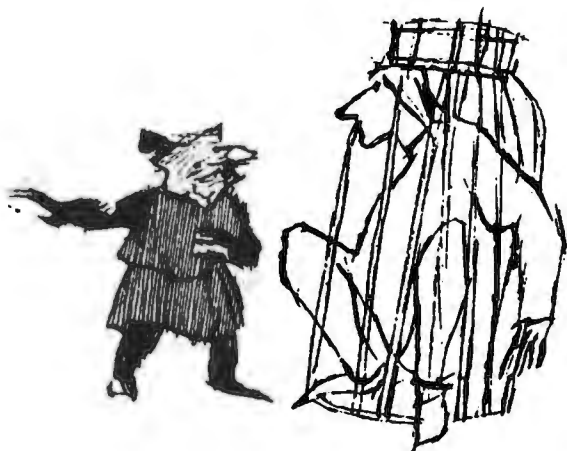
— Ллиан! Берегись! Он опасен! — вскричал Тарен.

Золотисто-коричневое тело Ллиан металось в тесном пространстве хижины. Ее мощные задние лапы с выпущенными страшными когтями тщетно рвали тело колдуна, который уворачивался от ее лап и теперь вдруг вцепился в круто выгнутую спину кошки. Воя и шипя, Ллиан яростно мотала головой, ее острые зубы сверкали жутким оскалом. И все же, вертясь и встряхиваясь что было силы, она не могла вырваться из цепких рук колдуна. Тарен знал, что даже невероятная сила Ллиан должна в конце концов иссякнуть. Она подарила ему еще одно мгновение жизни, но теперь и сама была обречена.

Кость! Тарен бросился на четвереньки и стал шарить в полутьме, ища обломок. Но нигде не мог найти его. Он метался между деревянных стульев, переворачивал глиняные сосуды, рылся в пепле очага. Кость пропала.

Позади него послышался тоненький писк. Тарен повернулся и увидел мышь, словно бы пляшущую на задних лапках. В зубах она зажала обломок кости.

Тарен мгновенно схватил полированный кусочек и принялся ломать, гнуть его пальцами. Отчаяние снова нахлынуло на него. Кость не ломалась.

Глава десятая

РАЗРУШЕННОЕ ЗАКЛЯТИЕ

Отполированный обломок был нестигаем, как железо. Сжав зубы, с дрожащими от напряжения мускулами Тарен словно бы замер в нечеловеческом усилии. Он чувствовал, что сейчас борется с самим колдуном, с его волей. Ллиан вдруг обмякла и осела на задние лапы. Мордант высвободился из объятий гигантской кошки и ринулся на Тарена. Он снова вцепился в осколок кости. Пальцы колдуна словно бы вросли в крохотный обломок. Но и Тарен изо всех сил сжимал свой конец скользкой косточки. Вдруг он почувствовал, как обломок согнулся, когда Мордант попытался выкрутить его из пальцев Тарена.

Внезапно кость разломилась. Удар грома обрушился на Тарена и почти оглушил его. С ужасающим криком, который словно бы пронзил стены хижины, Мордант опрокинулся на спину. Он одеревенел, и лишь скрюченные пальцы когтили воздух. Неожиданно костистое те-

ло колдуна рассыпалось по полу горстью мелких сухих веточек.

В этот же самый момент мышь исчезла. Гурджи стоял рядом с Тареном.

— Добрый хозяин спас нас! — завопил он, обнимая Тарена. — Да, да! Гурджи снова Гурджи! Он больше не малявка писклявка!

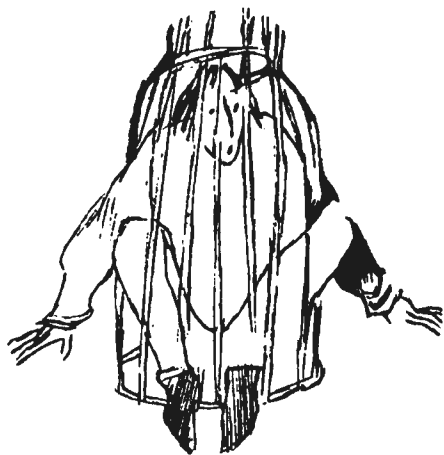
Остаток кости в руке Тарена превратился в горсточку серой пыли, которую он отряхнул с ладони. Слишком возбужденный и обессиленный, он мог лишь безмолвно и нежно гладить Гурджи по его лохматой голове. Ллиан, тяжело и шумно дыша, поднялась и встала рядом с остатками тела колдуна, обняв эти безжизненные веточки. Ее золотисто-коричневый мех все еще стоял дыбом, а длинный хвост беспомощно волочился по полу. Пока Гурджи поспешно высвобождал Карр из клетки, золотые глаза Ллиан шарили по комнате. Из ее горла вырвался тревожный, призывный вой.

— Клянусь Великим Белином, — слышался голос Ффлевддура, — я пока еще в ловушке и не знаю, как отсюда выбраться!

Ллиан неуклюже развернулась в тесноте комнаты, а Тарен ринулся в угол, где стояла корзина. Именно сюда швырнул Мордант несчастного зайца. Теперь здесь, скрючившись, вместе с арфой, с упертыми в подбородок коленями и просунутыми сквозь прутья, свисающими по обе стороны корзины длинными руками, втиснутый, как цыпленок в яйцо, сидел бард собственной персоной.

С трудом Тарен и Гурджи высвободили руки, ноги и все нескладное тело барда из тесной корзины. Лицо Ффлевддура было мертвенно-бледным от испуга, он шурился, мотал своей желтой лохматой головой и чуть заикался, словно отвык от человеческой речи.

— Какое унижение! — взорвался он. — Ффлевддур Пламенный! И заяц! Мне казалось, что меня запихнули в шерстяной мешок! Клянусь Великим Белином, у меня до сих пор нос дергается! Ни за что на свете! Никогда больше! Я говорил вам, ничего хорошего не бывает,

когда съешь нос не в свое дело. Хотя, Тарен, дружище, очень кстати мы сунули нос в тот ящик! Ах, и намяла же мне бока эта проклятая корзина! Но в зайца!.. Если бы я мог... я бы собственными лапами... я имел в виду руками... этого отвратительного костлявого...

Выбравшись окончательно из корзины, Ффлевддур обнял Ллиан за мощную шею.

— Спасибо, старушка! Если бы ты не нашла нас...— Он передернулся и с опаской пощупал свои уши.— А, ладно! Забудем об этом!

В дверном проеме возникла приземистая, плотная фигура в тяжелых ботинках и в накинутом на плечи красновато-коричневом кожаном плаще. На лоб была надвинута круглая кожаная шляпа. Крепкие пальцы коротких ручек продеты за широкий кожаный пояс. Темно-красные яркие глазки перебегали с одного стоящего в хижине на другого. На круглом лице вместо обычной его хмурости сияла широкая улыбка.

— Доли! — обрадовался Тарен, первым заметивший карлика.— Это опять ты!

— Опять? — проворчал Доли, безуспешно стараясь говорить как можно мрачнее.— Я всегда был! — Он вошел в комнату. Секунду рассматривал горстку сухих веточек, оставшихся от Морданта, потом коротко кивнул.— Значит, так все кончилось. Именно это я и предполагал. Минуту назад я был лягушкой, завернутой в плащ. Минуту назад я был уверен, что все погибли, а в следующее мгновение... стал таким, каким вы меня видите! Прежним!

Он подошел к Ллиан и поглядел на нее снизу вверх.

— Недолго эта твоя кошка была спокойной,— сказал он, поворачиваясь к Ффлевддур.— Только ты ушел, она

подхватила плащ, в который вы меня положили, и побежала по твоему следу.

— Она не любит, когда я исчезаю из виду,— усмехнулся Ффлевддур.— За это,— добавил он, нежно почесывая Ллиан за ухом,— мы все должны быть ей благодарны.

— Но как она продралась сквозь колючки? — удивился Тарен.— Мордант ловил всех...

— Сквозь? — воскликнул Доли.— Она не продиралась вовсе, а просто-напросто перепрыгнула. Перелетела! — Он восторженно покачал головой.— Одним прыжком. Со мной в пасти, между прочим. Я никогда не видел, чтобы живое существо прыгало так высоко. Впрочем, я никогда не видел и такого существа! Но что все-таки произошло?

— Если вы ничего не имеете против,— остановил Ффлевддур Тарена, приготовившегося начать рассказ,— я предлагаю покинуть это проклятое место немедленно. Ффлевддур Пламенный неустрашим, но есть в этом доме, даже разрушенном, что-то колдовское, что как-то... э-э-э... беспокоит меня.

— Пойдите! — остановил их Тарен.— Драгоценный камень! Где он?

Доли, озадаченный, наблюдал, как все вдруг опустились на четвереньки и поползли, шаря по полу руками. Но камня нигде не было. Тарен расстроился. Он во что бы то ни стало хотел найти амулет Ангарад. Когда он уж совсем отчаялся, над головой у него раздалось похожее на хриплый смех громкое карканье.

Карр, усевшаяся на дубовую балку под самым потолком, покачивалась и хлопала крыльями, очень довольная собой. Драгоценный камень мерцал у нее в клюве.

— Эй, эй! — закричал встревоженный Ффлевддур.— Отдай его! Клянусь Великим Белином, ты, чего доброго, натворишь такое, что мы снова окажемся с лапами и хвостами!

После долгих упрашиваний и увещеваний, угроз и ласковых, лстивых словечек, на которые не поспешили бард и Тарен, ворона слетела с балки и уселась на плечо Тарена, уронив ему на ладонь камень.

— Теперь он в руках у мудрого, доброго хозяина! — воскликнул Гурджи. — Осторожный Гурджи боится мерцалок и превращалок, но не тогда, когда их держит добрый хозяин!

Доли внимательно разглядывал драгоценный камень.

— Значит, вот как Мордант хотел поработить нас! Мне надо было раньше догадаться. Это взято из подземной сокровищницы Красивого Народа,— пояснил он.— Мы всегда почитали Дом Ллира и дали камень принцессе Регате. Это был наш свадебный подарок. Она должна была передать его своей дочери. Но, когда Ангарад исчезла, вместе с ней пропал и камень.

— А теперь он попал в мои руки,— подхватил Тарен. Он сложил ладонь лодочкой и, покачивая в ней камень, любовался игрой света в глубине кристалла.— Мордант превратил чудесное украшение в орудие зла. Чему должен был он служить вначале? Не знаю. По правде говоря, он влечет и завораживает меня. И пугает. Его сила огромна... слишком огромна, чтобы его хранил обычный человек. Если бы я и мог узнать его тайну, то все равно не стал бы этого делать.— Он улыбнулся Гурджи.— Ты называешь меня мудрым? Да, я достаточно мудр, чтобы знать, что у меня никогда не достанет мудрости постичь тайну камня и суметь воспользоваться ею.

Вдруг лицо Тарена осветилось надеждой.

— И все же он может послужить мне,— продолжал Тарен.— Этой штукой можно купить у Ордду ответ на мой вопрос, кто я? Да! — вскричал он.— От этой драгоценности она наверняка не откажется! — Вдруг он осекся и долгое время молчал. В руке его сейчас лежит то, что поможет ему узнать самое важное, чего он жаждет больше всего на свете. Но... Сердце его сжалось. Но, хотя он и добыл этот камень честно, рискуя жизнью, все же никогда не сможет он считать себя настоящим, подлинным его владельцем. Не имеет он права уподобляться Морданту, торгуя чужой вещью. Если даже Ордду возьмет камень, если и вправду окажется, что он, Тарен, благородного происхождения... разве королевское платье прикроет дурной поступок?

Он взглянул на Доли.

— Драгоценный камень достался мне,— тихо сказал Тарен,— но принадлежит он не мне.— Трепетной рукой он протянул камень Доли.— Возьми его. Он когда-то принадлежал Красивому Народу. Он ваш.

Обычно хмурое лицо карлика расправилось и по-светлело.

— Ты оказал нам услугу,— торжественно произнес он.— Думаю, самую большую услугу, какую когда-либо оказывал смертный нашему народу. Без твоей помощи Мордант мог уничтожить всех нас. Да, драгоценный камень должен быть возвращен в королевство Красивого Народа. Слишком он опасен в других руках. Ты сделал хороший выбор. Король Эйддилег всегда будет помнить о тебе. Ты получишь его благодарность... а пока прими мою.— Доли важно кивнул и осторожно опустил камень в карман.— Талисман этот совершил длинное путешествие и, наконец, вернулся к нам.

— Да, да,— заволновался Гурджи,— спрячь его! В самую темную потемку, в самую дальнюю укромку! Если добрый хозяин не хочет его, то и Гурджи не желает видеть этот злой камень! Иначе он опять превратит верного Гурджи в мышку-малышку!

Тарен засмеялся и обнял Гурджи.

— Мордант обладал большой силой, и все же самое главное было не под силу даже его колдовству. Доли всегда оставался самим собой, хоть и в облике лягушки. А ты, Гурджи, хоть и казался мышью, но никто не сумел бы отнять у тебя твое верное сердце. А что было бы со мной? — Он вздрогнул, вспомнив ледяной взгляд Морданта.— Если бы я превратился в слепого червя, сумел бы остаться самим собой? Был бы я тем Тареном, который, увы, не знает даже, кто он?

Солнце медленно поднималось над лесом, обещая ясный, голубой и свежий день. Путники покинули хижину колдуна. Непрístupная стена колючих кустов разрушилась, рассыпалась, развеялась, как и та злая сила, что возвела ее. Они без труда миновали опавшие, мертвые кусты, отвязали Мелинласа и пони Гурджи и верхом двинулись дальше. Лишь после того, как они отъехали достаточно далеко, Ффлевддур согласился остановиться на привал. И даже тогда он чувствовал себя неудобно. Пока Гурджи развязывал сумку с едой, бард сидел в сторонке, задумчивый и рассеянный, и без конца трогал

свои уши, словно хотел удостовериться, что они не торчат высоко над макушкой.

— Зайцы,— бормотал он,— больше никогда не стану охотиться на этих бедняг!

Тарен уединился с Доли, потому что ему о многом хотелось узнать и порасспросить. Доли по привычке напускал на себя суровый и хмурый вид, но вдруг непроизвольная улыбка освещала его лицо и выдавала непомерную радость от того, что он снова с друзьями, жив и сбросил липкую лягушачью кожу. Однако, узнав о цели странствования Тарена, Доли посерьезнел.

— Свободные Коммоты? — переспросил карлик.— Мы в самых лучших отношениях с Народом Коммотов. Они уважают нас, мы уважаем их. Немногие в Прайде-не могут сравниться с ними отвагой и добротой. Все равны в стране Свободных Коммотов, будь ты рожден в

королевском дворце или в хижине бедняка. Не то важно для них, какая кровь течет в твоих жилах, а какое таится мастерство в твоих руках. Вот и все, что я могу сказать тебе о них. Мы редко навещаемся в ту страну. О, мы, конечно, держим там свой придорожный пост. Просто на случай, если понадобится наша помощь. Но это редко случается. Коммоты больше рассчитывают на себя и хорошо с этим справляются, скажу я тебе. А мы и довольны. И за них, и за себя. Забот у нас и так хватает. По всему Прайдену.

Доли вздохнул, будто всю ношу забот он сейчас взвалил на себя.

— Что касается Зеркала, о котором ты спрашиваешь,— начал он снова,— то я о нем и слыхом не слыхивал. Есть озеро Ллюнет в горах Ллавгадарн, это верно. А больше я тебе ничего рассказать не могу. Но что это у тебя? — внезапно воскликнул карлик, впервые заметив боевой рог Тарена.— Где ты взял это?

— Его дала мне Эйлонви, когда я покидал Мону,— ответил Тарен.— Это был дар, который...— Он печально улыбнулся.— Кажется, это было вечность тому назад.— Он снял с плеча рог и протянул его Доли.

— Это работа мастера из Красивого Народа,— задумчиво сказал карлик, вертя в руках рог.— Таковую работу ни с чем не спутаешь.— К изумлению Тарена, Доли приложил к глазу один конец, повернул и заглянул внутрь, потом поднял рог и подставил его солнечным лучам, словно надеялся пронзить его взглядом насквозь. Пока Тарен удивленно следил за его непонятными действиями, Доли вдруг ударил рогом по колену, будто хотел вытряхнуть из него что-нибудь, потом постучал по нему костяшками пальцев.

— Пуст! — проворчал карлик.— Все израсходовано! Хотя постой! Подожди секунду.— Он прислонил ружье рога к своему уху и прислушался.— Пожалуй, остался один, не больше.

— Один — что? — недоуменно спросил Тарен, совершенно сбитый с толку словами Доли.

— Один вызов, а ты что думал? — фыркнул Доли.

Ффлевддур и Гурджи подошли к ним, привлеченные странными ужимками Доли. Карлик повернулся к ним.

— Он был сделан очень давно, когда еще люди жили в тесной дружбе с Красивым Народом и каждый был рад помочь другому. Рог когда-то был полон призывами к нам.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Тарен.

— Если бы слушал внимательно, то понял бы, — проворчал Доли, возвращая ему боевой рог. — Напряги слух. Навостри уши. — Он собрал губы дудочкой и просвистел несколько странных протяжных нот. — Слышал это? Попробуй извлечь такие же звуки из рога... Именно так и такие же. Это важно. Они будут услышаны под землей Красивым Народом, к тебе придут на помощь и сделают все, что смогут. Запомнил мелодию? — Доли просвистел снова.

Тарен кивнул и немедленно поднес рог к губам.

— Не сейчас, длинноногая цапля! — остановил его Доли. — Запомни эти звуки. Я же сказал тебе, что остался всего лишь один зов. Храни его, не растрать по пустякам. Когда-нибудь он спасет тебе жизнь.

Тарен с удивлением вертел в руках необычный, как оказалось, рог.

— Эйлонви тоже ничего не знала об этом. Ты открыл мне важную тайну, Доли, и тем оказал бесценную услугу.

— Услугу? — хмыкнул Доли. — Никакой услуги! Рог служит тому, кто им владеет... то есть теперь тебе. Я ничего не сделал, только показал, как пользоваться тем, что принадлежит тебе. Услуга! Хм! Обычная любезность. Но, повторяю, не истрать этот зов, как дурак, при первой же опасности, иначе пожалеешь, когда придет настоящая беда!

— Гм,— недоверчиво пробормотал Ффлевддур.— Мой тебе совет, Тарен: доверяй лишь собственной голове, своему мечу и своим ногам. Волшебство есть волшебство. Я уже распробовал, что это за штука. Не хотелось бы снова,— он потрогал свои уши,— я имею в виду, что не желал бы попасться еще раз, как заяц в тенета.— Он с беспокойством оглядел рог и отвернулся.— Я никогда уже не стану прежним беспечным бардом.— Он снова потрогал свои уши.— Клянусь Великим Белином, мне кажется, что они все же намного длиннее, чем были прежде.

Глава одиннадцатая

ДОРАТ

Перекусив, путники растянулись на траве и крепко проспали остаток дня и всю ночь. Утром Доли покинул их. Карр, по просьбе Доли, уже полетела в королевство Красивого Народа сообщить о том, что все кончилось благополучно. Потом ворона должна была вернуться к Тарену.

— Я бы пошел с тобой, но должен непременно вернуться и обо всем рассказать королю Эйддилегу,— извинялся карлик.— Но мысль о том, что Помощник Сторожа Свињи отправится в опасный путь к горам Ллавгадарн без меня и моей поддержки, тревожит меня. И все же я не могу. Эйддилег должен получить драгоценный камень в целости и сохранности. А кто его принесет ему? Конечно же, как всегда, всё на добром старом Доли! Гм, так-то вот.

— Мне жаль расставаться с тобой,— вздохнул Тарен,— но ты и так уже здорово помог. Надеюсь не за-

блудиться и не пропасть. У озера Ллюнет такое же название, как и у Зеркала. Возможно, там я его и отыщу.

— Тогда прощай,— сказал Доли.— Ты спас меня от лягушачьей гибели и ты же вернул нам сокровище. Ты не пожалеешь об этом. У нас, у Красивого Народа, долгая память.

Карлик с чувством пожал руки путешественникам и плотнее надвинул на голову свою кожаную шапку. Он в последний раз помахал им, и Тарен долго смотрел, как коренастая фигурка карлика пересекала широкий луг. Она становилась все меньше и меньше, пока не исчезла на опушке леса.

Весь день путники опять шли на северо-восток. Тарен был благодарен Доли, что тот указал им это направление. Он все еще сильно скучал по грубоватому и ворчливому карлику, но был бодр и исполнен надежды, как никогда. Он ехал вперед с легким сердцем. Боевой рог раскачивался и легонько постукивал по плечу, прибавляя мужества и уверенности.

— Подарок Эйлонви оказался более ценным, чем я думал,— сказал он Ффлевддур.— Спасибо Доли. Он открыл нам силу рога. А еще больше я ему благодарен, что он указал нам дорогу к озеру Ллюнет. Странно это, Ффлевддур,— улыбнулся Тарен,— но я почему-то чувствую, что поиски наши близятся к концу. Я верю больше, чем когда-либо: мне суждено найти то, что ищу.

— А? Что? — встряхнулся Ффлевддур, моргая, будто только что проснулся. Бард казался все еще ошеломленным свалившимся на него приключением и часто впадал в глубокую задумчивость, опасливо трогая свои уши, как будто проверял, не выросли ли они снова.— Отвратительный опыт! — проворчал он.— Ффлевддура Пламенного — в зайца! Что ты говорил? Ах да, поиск! Да, да, конечно.

— Принюхайтесь к дымку! — перебил их Гурджи.— Кто-то готовит вкусные чавки и хрумтявки!

— Верно,— согласился Ффлевддур, втягивая воздух.— О, проклятье! Мой нос опять дергается!

Тарен натянул поводья, и Мелинлас сдержал шаг. Ллиан тоже уловила запах еды. Уши ее насторожились, она алчно облизнула усы.

— Глянем, кто это? — спросил Ффлевддур. — Я не откажусь от миски горячей еды, если, конечно, это не... заячье жаркое!

Тарен согласно кивнул, и путники осторожно двинулись к поляне. Они полагали первыми увидеть незнакомцев, сами оставаясь до поры до времени незамеченными. Но не тут-то было! Не сделали они и нескольких шагов, как прямо перед ними из кустов выросли два человека, заросшие бородами по самые глаза. Тарен остановился. Эти двое, очевидно, стоящие в карауле, быстро выхватили мечи. Один из них просвистел по-птичьи и настороженно оглядел путников, но не сделал никакой попытки остановить их.

На поляне Тарен увидел около дюжины мужчин, которые небрежно развалились вокруг костра, где на вертеле, шипя, жарились куски мяса. Незнакомцы были вооружены до зубов. Однако ни по цвету одежды, ни по каким-либо другим символам Тарен не смог определить в них слуг знакомых ему князей или лордов. Одни из этих людей ели, другие затачивали лезвия кинжалов или натирали воском тетиву луков. Ближе всех к костру на мягкой траве удобно разлегся человек с тяжелым лицом. Он опирался на локоть и свободной рукой поигрывал кинжалом, подбрасывая его в воздух и ловил то за рукоятку, то прямо за лезвие. На нем была безрукавка из лошадиной шкуры, такие же штаны и облепленные глиной башмаки на толстой подошве и подбитые железными гвоздями. Его светлые волосы падали ниже плеч. Холодные голубые глаза неспешно оглядывали путников.

— Добро пожаловать, лорды,— медленно проговорил он, когда Тарен спешился.— Каким счастливым ветром занесло вас в лагерь Дората?

— Я не лорд,— ответил Тарен.— Я — Тарен, Помощник Сторожа Свины...

— Не лорд? — перебил Дорат с насмешливым удивлением, полуулыбаясь.— Если бы ты не сказал мне, я бы ни за что не догадался.

— А это мои друзья,— продолжал Тарен, раздосадованный тем, что позволил Дорату высмеять себя.— Гурджи и Ффлевддур Пламенный — он странствует как бард, играющий на арфе, но в своей стране он король.

— А Дорат король там, где он окажется, — ответил светловолосый человек, расхохотавшись. — Теперь, лорд Свинопас, не разделите ли с нами нашу скромную трапезу? — Он ткнул кинжалом в сторону шипящего над огнем мяса. — Ешьте до отвала. Дорат и его друзья ни-

когда не гнушались компанией простых людей. К тому же мы хотели бы побольше узнать о вас.

— У арфиста странная лошадка, Дорат,— заметил человек с лицом, изуродованным шрамами.— Бьюсь об заклад, что моя кобыла сможет выстоять против этого зверя, пусть он даже и дикий и наверняка кровожадный убийца. Разве это не повеселит нас? Что скажешь, Дорат? Не хочешь ли, чтобы кошка поразвлекала нас?

— Попридержи язык, Глофф,— оборвал его Дорат, внимательно разглядывая Ллиан.— Ты дурак и всегда был таким.

Он снял с вертела кусок мяса и протянул его путникам. Ффлевддур, уверившись, что это не зайчатина, с жадностью набросился на еду. Гурджи, как всегда, не требовалось повторять дважды, когда дело касалось чавки и хрумтявки. Да и Тарен был не прочь отведать вкусного мяса, выдержанного в крепком уксусе, и запить его вином из кожаной фляжки, которую достал Дорат. Солнце быстро опускалось. Один из незнакомцев подкинул в костер охапку хвороста. Дорат воткнул кинжал в землю перед собой и строго посмотрел на Тарена.

— Итак, лорд Свинопас,— сказал он,— нет ли у тебя в запасе занятных историй о вашем путешествии, чтобы я со своими друзьями смог скоротать этот вечерок? Откуда ты пришел? Куда путь держишь? И зачем? Случайная встреча в Княжеских холмах опасна, и лучше узнать о человеке побольше.

Тарен ответил не сразу. Тон Дората и вид его людей не располагали к откровенности, и следовало поостеречься и внимательнее выбирать слова.

— Мой путь лежит на север... через горы Ллавгадарн. Дорат усмехнулся.

— А куда потом? — спросил он.— Или мое любопытство можно назвать назойливостью?

— На озеро Ллюнет,— с некоторой неохотой ответил Тарен.

— Я слышал о сокровищах тех мест,— вставил человек по имени Глофф.— Не их ли ты ищешь?

— В самом деле? — обратился Дорат к Тарену. — Сокровища? — Он громко рассмеялся. — Неудивительно, что ты скуп на слова.

Тарен покачал головой.

— Если я найду то, что ищу, для меня это будет ценнее золота.

— Неужели? — Дорат склонился к нему. — Но что же это за немыслимое сокровище, лорд Свинопас? Драгоценные камни? Древние украшения?

— Ни то ни другое, — признался Тарен. Он колебался мгновение, потом выпалил: — Я ищу своих родителей.

Дорат помолчал. Ухмылка не покинула его лица, но, когда он заговорил, голос его был ледяным:

— Когда Дорат задает вопрос, он хочет получить правдивый ответ, лорд Свинопас!

Тарен внезапно вспыхнул.

— Я дал тебе ответ. Другого у меня нет. Что ж, попробуй назвать меня лжецом.

Между ними двумя внезапно воцарилась словно бы предгрозовая тишина. Дорат приподнялся, его тяжелое лицо потемнело. Рука Тарена потянулась к рукояти меча. Но в этот момент арфа Ффлевддура взорвалась веселым каскадом музыки, и бард прокричал:

— Спокойней, друзья! Послушайте веселую мелодию, чтобы ужин плотнее улегся в желудках!

Он прислонил красиво изогнутую арфу к плечу, и когда его пальцы затанцевали по струнам, люди вокруг костра забили в ладоши и потребовали, чтобы он играл еще и еще. Дорат снова опустил на траву, но поглядел на барда, сузив глаза, и раздраженно сплюнул в костер.

— Достаточно, арфист, — сказал Дорат через некоторое время. — Твой кривой горшок слишком дребезжит. Нам пора отдохнуть. Вы останетесь с нами, а утром наше Братство проводит вас до озера Ллунет.

Тарен взглянул на Ффлевддура, заметил, что бард нахмурился и поднялся. Он встал на ноги.

— Мы благодарим вас за гостеприимство, — сказал он Дорату. — Но время поджидает, и мы собирались продолжать путь и ночью.

— А, да... именно так,— подтвердил Ффлевддур, подмигивая Гурджи, который тут же согласно закивал головой.— Что же касается озера... да ладно. Мы не станем беспокоить вас. Это длинное путешествие, далеко за пределы вашего княжества.

— Весь Прайден — мое княжество,— коротко бросил Дорат.— Вы не слышали о Братстве Дората? Мы служим любому, кто платит нам за службу: слабому лорду, который хочет иметь сильный военный отряд, или трем странникам, которым нужна защита в их опасном путешествии. А опасностей будет немало, арфист,— мрачно добавил он.— Ллюнет для моих людей не дальше, чем прыжок для вашей кошки. А я знаю ту землю хорошо. Разве одни вы будете в большей безопасности? Я прошу только небольшую часть сокровищ, которые вы ищете, маленькую награду для ваших скромных слуг.

— Мы благодарим тебя,— вновь сказал Тарен.— Но уже наступила ночь, и нам пора в дорогу.

— Ах так! — негодуя вскричал Дорат.— Ты презираешь мое гостеприимство? Ты оскорбил меня в лучших чувствах, лорд Свинопас! Значит, спать рядом с такими, как мы, ниже вашего достоинства? Эй, эй, Свинопас, осторожнее, не унижай моих людей. Они могут здорово обидеться!

И в самом деле, пока Дорат говорил, недовольный ропот поднялся среди сидящих у костра, и Тарен заметил, что некоторые из этих воинов тянутся к мечам. Он стоял в нерешительности, хотя полностью разделял опасения барда. Дорат внимательно следил за ним. Двое из его людей тихо подошли к лошадиной привязи, и Тарен был почти уверен, что там, невидимые в темноте, они вытаскивали свое оружие из ножен.

— Пусть будет по-твоему,— сказал Тарен, не спуская глаз с Дората.— Мы принимаем ваше гостеприимство на ночь. Но завтра уедем от вас.

Дорат усмехнулся.

— Будет время обо всем поговорить снова. Спите спокойно.

— Спокойно? — пробормотал Ффлевддур, когда они закутывались в плащи и устраивались на земле.— Кля-

нусь Великим Белином, я не засну ни на минуту. Никогда мне не нравились Княжеские холмы, а теперь есть повод любить их еще меньше.— Он украдкой огляделся вокруг. Дорат растянулся на земле около костра. Человек по имени Глофф, как видно выполняя приказ своего вожака, лег рядом с путниками.— Я слышал о таких бродячих отрядах,— продолжал Ффлевддур шепотом,— все они злодеи и грабители. Князек, который нанимает их, чтобы драться с соседом, вскоре обнаруживает, что они ему самому сдавили горло. Дорат защитит нас от опасности? Как бы не так! Самая большая опасность — и есть сам Дорат!

— Он уверен, что мы ищем сокровища,— шепнул в ответ Тарен.— Он вбил себе это в голову и ничему другому не поверит. Хорошо еще, что мы не поссорились с ним,— печально добавил он.— Но пока он будет думать, что мы сможем привести его к золоту или драгоценным камням, он не станет нас убивать.

— Может, да, а может, и нет,— ответил Ффлевддур.— Горло он нам, конечно, не перережет, но может просто решить... э-э-э... скажем, попытаться развязать нам языки, чтобы узнать, где эти сокровища. И я боюсь, он будет не только пятки нам щекотать, а измыслит что-нибудь похлеще.

— Не думаю,— возразил Тарен.— Если бы он собирался мучить и пытаться нас, то сделал бы это гораздо раньше. А теперь он загнал нас в угол. Надо каким-то образом ускользнуть, не дать ему увязаться за нами. И все же Дорат мне не кажется просто самоуверенным наглецом. Конечно, нас всего трое, но не забывай о Лиан. Если дело дойдет до драки, Дорату так просто с нами не справиться. Победа достанется ему недешево, и он это прекрасно понимает. Думаю, он достаточно проницателен, чтобы увидеть, что может лишиться большей части своего отряда, да и сам рискует быть убитым. Не уверен, что он пойдет на это. Во всяком случае до поры до времени.

— Надеюсь, ты прав,— вздохнул бард.— Но я бы предпочел не дожидаться той поры и того времени. Мне спо-

койнее, кажется, было бы в гнезде змей, чем в стане этих злодеев. Как бы нам от них отделаться? Как?

Тарен нахмурился и закусил губу.

— Рог Эйлонви...— начал он.

— Да, да,— пропищал Гурджи,— о да, волшебный рог, наша дуделка и свистелка, наша кричалка и выручалка! Дунь в него, мудрый хозяин!

— Рог Эйлонви,— медленно проговорил Тарен.— Да, это первое, что пришло мне в голову. Но должен ли я его использовать сейчас? Это драгоценный дар, слишком дорогой, чтобы тратить его не раздумывая. Если только не будет другого выхода...— Он покачал головой.— Прежде чем дунуть в него, попробуем справиться своими силами. А теперь спите,— приказал он спутникам.— Отдохните как можно лучше. До того как станет светать, Гурджи прокрадется к лошадям и перережет привязи всех лошадей Дората, а Ффлевддур и я попытаемся оглушить караульных. Ты, Гурджи, испугай лошадей, чтобы они разбежались во все стороны. Затем...

— Мы поскачем изо всех сил,— вставил Ффлевддур.— Правильно, здорово придумано! Лучше, чем дуть в твой

рог.— Он вдруг встрепенулся.— Ну, Дорат! Моя арфа для тебя всего лишь кривой горшок? Мои мелодии для тебя не больше чем скрип телеги? — Он нежно погладил арфу.— У этого негодяя нет ни глаз, ни ушей! Ффлевддур Пламенный терпелив, но когда оскорбляют его арфу!.. Дорат зашел слишком далеко. Хотя, увы,— сник он,— о моей музыке мне иногда говорили то же самое и вполне достойные люди...

Голос его постепенно затихал. Вскоре послышался мерный храп барда. Пока Гурджи и Ффлевддур спали, Тарен не сомкнул глаз. Беспокойные мысли не давали ему уснуть. Костер догорел дотла. Он слышал тяжелое дыхание людей Дората. Глофф неподвижно растянулся у их ног, сотрясая воздух ужасным храпом. На короткое время Тарен прикрыл глаза. Правильно ли он решил не трогать пока боевой рог? Он мучительно осознавал, что их жизни висели на волоске. Доли предупреждал его не растрачивать силу дара, если не наступит крайняя нужда. Пришел ли этот час? Не слишком ли велик риск? Сейчас или позже? Эти мысли давили тяжелее душной и темной безлунной ночи.

Когда черное небо стало сереть, Тарен молча разбудил Гурджи и барда. Они осторожно прокрались к привязанным лошадям. Двое стражников крепко спали, их мечи покоились у них на коленях. Тарен повернулся, чтобы помочь Гурджи перерезать веревки. Рядом маячил темный ствол дуба, и он решил схорониться в его безопасной тени. Из-за дуба высунулась нога в тяжелом башмаке и преградила Тарену путь. Дорат прислонился к дереву с кинжалом в руке.

Глава двенадцатая

ПАРИ

— Неужели ты так нетерпелив, что хочешь уже отправиться в путь, лорд Свинопас? — спросил насмешливо Дорат. Он поигрывал кинжалом и негромко поцокивал зубом. — Уйти не попрощавшись? Без слов благодарности? — Он укоризненно покачал головой. — Это большая обида для меня и моих людей. У них нежные сердца. Боюсь, вы глубоко ранили их.

Люди из Братства Дората зашевелились. Тарен в растерянности поглядел на Ффлевддура и Гурджи. Глофф поднялся на ноги и легко, почти беззаботно, покачивал в руке свой длинный меч. Тарен понимал, что этот человек успеет нанести удар прежде, чем ты успеешь выхватить меч из ножен. Глаза Тарена метнулись к конской привязи. Другой сотоварищ Дората подошел близко к лошадям и стоял, лениво чистя ногти кончиком своего охотничьего кинжала. Тарен жестом приказал друзьям не двигаться.

Дорат выпрямился. Глаза его холодно блеснули.

— Вы на самом деле хотели уйти от нас? Даже предупрежденные об опасностях, поджидающих вас на холмах? — Он пожал плечами. — Никогда не говорите, что Дорат принуждает принять свое гостеприимство. Идите. Ищите свои сокровища, и удачного вам путешествия.

— Мы не хотели быть нелюбезными, — ответил как можно вежливее Тарен. — Не приписывай нам дурных намерений, потому что у нас их нет. Прощайте и ты, и вся твоя команда.

Вздыхнув с облегчением, он подал знак Гурджи и барду собираться в путь и сам двинулся к лошадям.

Рука Дората схватила его за плечо.

— Как так! — вскричал Дорат. — Неужели ты пойдешь своей дорогой и не захочешь уладить небольшое дельце, что возникло у нас с тобой?

Тарен, удивленный, остановился, а Дорат продолжал:

— Ты должен расплатиться по счетам, лорд Свинопас. Мы бедные люди, лорд, слишком бедные, чтобы позволить себе отдавать, не получая обратно.

Воины вызывающе рассмеялись. А Дорат соорудил гримасу, изображающую скромное смирение. Это откровенно фальшивое выражение так не вязалось с его разбойничьей физиономией, что насторожило и даже немного напугало Тарена. А Дорат издевательским, сиротским голосом просительно протянул:

— Вы съели наше мясо и выпили наше вино. Всю ночь вы спали спокойно под нашей защитой. Неужели это ничего не стоит?

Тарен уставился на него в тревоге, ожидая самого худшего. Люди Дората приблизились и сгрудились вокруг своего вожака. Гурджи прижался к Тарену.

— Беда, — еле слышно прошептал Ффлевддур. — Где защита от этого Дората? Клянусь Великим Белином, я бы назвал это обыкновенным грабежом на большой дороге!

— И больше, лорд Свинопас, — быстро продолжал Дорат. — Надо договориться о плате за то, что мы проведем вас на озеро Ллюнет. Это нелегкое путешествие для моих ребят. Дорога длинная и суровая...

Тарен открыто разглядывал этого наглого человека.

— Ты дал нам еду, питье и убежище,— спокойно сказал он, пытаясь найти выход из ловушки Дората.— Мы заплатим за это. Что же касается вашей защиты в пути, то мы не просили и не хотим этого.

— Но мои люди хотят, ждут и готовы проводить вас,— ответил Дорат.— Это ты нарушаешь сделку.

— Я не заключал никакой сделки с тобой, Дорат,— ответил Тарен.

Глаза Дората сузились.

— Разве нет? Э, брат, ты не держишь своего слова!

Секунду двое молча разглядывали друг друга. Воины беспокойно зашевелились. По выражению лица Дората Тарен так и не мог понять, серьезно ли тот готов драться. Если он пойдет на это, у Тарена и его спутников мало шансов уйти целыми и невредимыми. Наконец Тарен вымолвил:

— Что ты хочешь от нас?

Дорат усмехнулся.

— Теперь ты говоришь мудро. Наше дельце уладить нетрудно. Мы скромные люди, лорд. Просим мало, гораздо меньше, чем должен нам ты. Ради нашей дружбы Дорат будет великодушен. Что ты мне должен? — Глаза Дората обратились к поясу Тарена.— Ты носишь прекрасный меч,— сказал он,— отныне он будет моим.

Рука Тарена сжала рукоять.

— Этого ты не получишь,— быстро ответил он.— Я предлагаю тебе сбрую наших лошадей, хотя даже это для нас большая потеря. Этот меч дал мне мой хозяин Даллбен. И это первый в моей взрослой жизни меч. Та, которую я люблю, прикрепила его к моему поясу своими руками. Нет, Дорат, не стану я совершать такой сделки.

Дорат откинул назад голову и расхохотался.

— Ты устраиваешь слишком много суеты вокруг куска железа. Твоя любимая прикрепила его тебе на боку? Твой первый клинок! Это не прибавляет ему ценности в моих глазах. Просто я вижу прекрасное оружие. Я выбрасывал и лучше, чем это. Но по виду меч этот мне подходит. Отдай его мне, и расстанемся.

Лицо Дората расплылось в довольной улыбке, когда он протянул руку к поясу Тарена. Порыв внезапного гнева охватил юношу. Забыв об осторожности, он выхватил меч из ножен и отскочил на шаг.

— Поберегись, Дорат! — закричал Тарен. — Хочешь взять мой меч? Это будет дорогая для тебя сделка! Как бы она не стоила тебе жизни!

— Стоит ли эта железяка жизни? — спокойно ответил Дорат. — Разве я дурак, чтобы рисковать жизнью за безделку? Да и ты, свинопас, думаю, не так глуп, чтобы спорить со мной.

Тарен молчал. Дорат усмехнулся.

— Что ж, — сказал он жестко, — хочешь испытать меня? И себя? Это легко сделать. Мое Братство против твоей компании, не так ли? — Тарен стоял недвижно, сжав губы. Дорат продолжал: — Мое ремесло — проливать чужую кровь. Я не люблю отдавать свою. Хочешь решить наш спор дракой? Хорошо. Выставь одного из своих против моего парня. Дружеское пари, свинопас! Ха-ха-ха! Осмелишься? Ставка — твой меч.

Глофф, внимательно слушавший весь разговор, ухмыльнулся и хлопнул кулаком по ладони.

— Отлично сказано, Дорат! Вот мы и развлечемся!

— Выбор твой, свинопас, — сказал Дорат Тарену. — Кто у тебя лучший боец? Может, выставишь эту волосатую образину, которую ты называешь другом, против Глоффа? Или арфиста...

— Спор ведь между мной и тобой, Дорат, — спокойно ответил Тарен, — и никого больше не касается.

— Тем лучше, — усмехнулся Дорат. — Тогда ты принимаешь пари? Один на один без оружия. Чья победа, тому и меч. Слово Дората.

— Если твое слово такое же, как твои слова, — отступил на шаг Тарен, — то я поостерегусь заключать с тобой пари.

Дорат пожал плечами.

— Мои люди отойдут за деревья и не будут помогать мне, если ты этого боишься. То же сделают и твои. Что скажешь теперь? Да или нет?

— Нет, нет! — закричал Гурджи. — Добрый хозяин, остерегайся!

Тарен долго глядел на свой меч. Клинок был ровным, гладким, без вырезанных на нем надписей, рукоять без украшений, и все же Дорат разглядел его ценность, вложенное в него мастерство неведомого оружейника. День, когда Даллбен вложил меч в руку Тарена, сиял в его памяти, как этот не потускневший за века металл клинка. И Эйлонви хоть и подшучивала, как всегда, над Тареном, но покраснела от гордости за него. И все же, несмотря ни на что, он попытался сейчас взглянуть на меч холодным, отстраненным взглядом, как на простую полоску металла. Победит он или проиграет, но главное сейчас не меч, а жизни его друзей. Сдержит ли слово Дорат, отпустит ли их, не заставив ввязываться в неравный бой? Тарен на секунду закрыл глаза, потом посмотрел прямо в лицо Дорату и коротко кивнул.

— Пусть будет так.

Дорат дал знак своему отряду, и Тарен внимательно наблюдал за ними, пока все до одного не отошли на приличное расстояние в лес. По приказу Тарена Ффледдур и Гурджи отвязали Ллиан и двух своих лошадей и неохотно отошли подальше. Тарен сбросил плащ и кинул рог Эйлонви рядом с ним. Дорат ждал с хитрым блеском в глазах, наблюдая, как Тарен медленно отвязывает ножны и бросает меч на землю.

Тарен попятился назад. В следующее мгновение Дорат прыгнул на него без предупреждения. Плотное тело воина ударило с такой силой, что Тарен задохнулся и чуть не упал. Дорат цепко охватил его руками, и Тарен понял, что тот пытается ухватить его за пояс и швырнуть на землю. Тарен вскинул руки вверх и выскользнул из тугих объятий Дората. Злобно выругавшись, Дорат ударил его тяжелым кулаком, и, хотя Тарен успел отшатнуться, кулак скользнул по голове. В ушах зазвенело. Тарен пытался прочно упереться ногами в землю, сохранить равновесие, но Дорат не давал опомниться и без передышки усиливал натиск.

Тарен понял, что нельзя давать противнику приблизиться, потому что мощные руки Дората могли сжать и переломать Тарену все кости. И когда тот снова кинулся на него, Тарен ловко увернулся и, ухватив нападавшего за руку, перекинул его через себя, грохнув оземь.

Но упругим прыжком Дорат вновь оказался на ногах. Тарен согнулся и набычился, чтобы встретить новую атаку здоровяка. Несмотря на свой вес, Дорат двигался быстро и проворно, как кошка. Он клонился на бок, вертелся, пригибался, нападал снизу, вспрыгивал и старался пригнуть Тарена, упав на него всем телом. Внезапно Тарен почувствовал, как толстые пальцы Дората вцепились ему в лицо и тянутся к глазам, пытаясь выдавить их. Тарен отшатнулся, но Дорат успел схватить его за волосы и сильно оттянул голову назад. Кулак его уже был занесен для удара, готового расплющить Тарену лицо. Тарен, с трудом переводя дыхание, в отчаянии стал молотить по ухмыляющемуся лицу Дората. Тот ослабил хватку, и Тарен рванулся назад. На мгновение показалось, что Дорат сбит с толку градом ударов, и Тарен увеличил напор, колошматя обеими руками и не давая Дорату возможности прийти в себя.

Неожиданно Дорат припал на одно колено и схватил Тарена вытянутой рукой. Пытаясь вырваться, Тарен вдруг почувствовал резкий жалающий удар в бок. Он отпрянул, схватившись за опалившую огнем рану. Дорат распрямился. В руке он держал выхваченный из ботинка нож с коротким широким лезвием.

— Брось нож! — крикнул Тарен. — Мы деремся безоружными! Ты обманул меня, Дорат!

Разбойник поглядел на Тарена сверху вниз.

— Теперь ты понял, кто из нас глупец, лорд Свинопас?

Рог Эйлонви лежал совсем близко, и Тарен мог дотянуться до него, пальцы уже дотронулись до холодного устья рога. Сколько пройдет времени, быстро размышлял он, сколько времени пройдет, прежде чем воины из Красивого Народа ответят на призыв? Сможет ли он до того момента держать Дората на расстоянии? Или лучше просто рвануться и убежать? В голове его уже пели звуки условного сигнала, но он с гневным вскриком от-

бросил рог в сторону, схватил плащ и, загоразиваясь им, как щитом, пошел на Дората.

Нож разбойника тут же запутался в складках плаща. С силой гнева и отчаяния Тарен кинулся на Дората, выхватил у него нож. Не ожидая такого яростного напора, Дорат пошатнулся и упал. Тарен навалился на него, схватил за плечи и уперся в грудь коленом.

— Уничтожу! — прошипел Тарен сквозь сжатые зубы. — Ты хотел отнять у меня жизнь ради куска железа? Так отдашь свою!

Пальцы Дората скребли землю. Вдруг рука его взмыла в воздух. Полная

пригоршня пыли и грязи полетела Тарену в лицо.

— Теперь возьми меня! — вскричал Дорат, вскакивая.

Тарен закрыл лицо руками, стараясь протереть сразу наполнившиеся слепящими слезами глаза. Он пытался нащупать противника, который в ту же секунду отскочил.

Тарен упал на колени. Тяжелый башмак Дората буквально смял ему ребра. Тарен вскрикнул, потом повалился на бок и скрючился, задыхаясь. Он отчаянно пытался подняться на ноги, но даже сила гнева не могла поднять его. Он бессильно обмяк и упал, уткнувшись лицом в землю.

Дорат подошел к мечу, выдернул его из мягкой земли, повернулся к лежащему Тарену.

— Я пощажу тебя, свинопас, — презрительно бросил он. — Жизнь твоя ничего не значит для меня, и я не желаю брать ее. Если же ты опять попадешься на моем пути, для тебя добром это не кончится.

Тарен с усилием поднял голову. В глазах Дората он увидел лишь холодную ненависть, которая, казалось, разъедала и убивала всё, на чем останавливался этот источающий злобу взгляд.

— Ты ничего не выиграл,— прошептал Тарен.— Ценность этого меча велика только для меня.

— Я получил удовольствие от того, что отнял его, свинопас. Больше всего меня радует сама добыча, а не ее ценность.— Дорат подбросил меч в воздух, ловко поймал его, откинул голову назад и дико расхохотался. Потом повернулся к лесу и ушел.

Даже после того, как силы постепенно вернулись к нему, а жгучая боль в боку понемногу утихла, Тарен продолжал обреченно лежать на земле, раскинув руки. Затем медленно поднялся, собрал свои разбросанные вещи — плащ, боевой рог, пустые ножны — и поплелся к Ффлевддуру и Гурджи. Дорат и его люди исчезли. Их нигде не было видно, но презрительный и наглый смех разбойника все еще звучал у Тарена в ушах.

Глава тринадцатая

ПОТЕРЯННЫЙ ЯГНЕНОК

Под светлыми небесами, сопровождаемые мягкой и тихой погодой, путники углубились в Княжеские холмы. Гурджи перевязал рану Тарена, и юноша страдал от нее гораздо меньше, чем от потери меча. После схватки Тарена с Доратом бард все реже вспоминал о своих ушах и слово «заяц» уже не так часто срывалось с его уст. Вопреки всему он стал разделять неистребимую веру Тарена в счастливое завершение их путешествия. Гурджи все еще горько сетовал на лесные опаски и ужаски и часто оборачивался, чтобы сердито потрясти кулаком вслед давно растворившимся в чаще врагам. К счастью, никто из людей Дората больше не попался им по дороге, хотя, как серьезно твердил Ффлевддур, ни один злодей не решится к ним приблизиться, увидев грозные гримасы Гурджи.

— О, добрый хозяин,— причитал Гурджи,— почему ты не подул в полезный рог и не избавил себя от разбойных побоек?

— Меч много значил для меня,— ответил Тарен.— Но я добуду другой, который так же верно станет служить мне. А рог Эйлонви можно использовать только один раз, и потом его сила будет безвозвратно потеряна.

— О, правда! — закричал Гурджи, изумленно помаргивая, будто такая мысль и не приходила в его кудлатую голову.— О, мудрость доброго хозяина! А слабые мозги скромного Гурджи полны только глупками и хрумками!

— Не стнай. Твоих мозгов вполне хватает, чтобы понять, что Тарен выбрал верное решение,— вставил Ффлевддур.— На его месте я сделал бы то же самое... э-э-э... я имел в виду...— добавил он, бросив быстрый взгляд на арфу,— если быть честным, то я, наверное, дул бы в этот рог, пока бы глаза из орбит не повылезали. Хо, эй! Уймись, старушка! — закричал он, когда Ллиан вдруг понеслась вперед.— Послушай, куда это ты?

В тот же момент Тарен услышал жалкое бление, несущееся из зарослей куманики. Ллиан уже была там, она игриво изгибалась, хвост ее бил по воздуху, одна лапа была поднята, готовая метнуться в глубь колючих кустов.

В самой середине куста, среди переплетения ошетиившихся шипами веток, жался белый ягненок. Увидев огромную кошку, он заблеял еще громче и испуганно задрожал. Пока Ффлевддур, бренча на арфе, отвлекал Ллиан, Тарен быстро спешил. При помощи Гурджи, который отгибал и оттягивал колючие ветки, Тарен нагнулся и вытащил ягненка наружу.

— Бедняжка заблудился. Откуда он здесь? — оглядывался Тарен.— Я не вижу поблизости никакого хутора.

— Ну, я думаю, он знает свой дом лучше, чем мы,— вставил Ффлевддур, глядя, как Гурджи ласково треплет ягненка по шелковистой спинке.— Всё, что мы можем сделать, так это позволить ему самому искать свою дорожку.

— Ягненок мой,— послышался строгий голос.

Удивленный, Тарен обернулся. Вниз по каменистому склону с трудом спускался высокий широкоплечий человек. Всклобоченные седые волосы и густая борода обрамляли суровое лицо, иссеченное шрамами. Пока он

приближался, перебираясь через зазубренные обломки камней, темные глаза его внимательно и неотрывно разглядывали путников. Он был без оружия, и только длинный охотничий нож торчал из-за кожаного пояса. На незнакомце была простая и грубая одежда пастуха. Плащ его был скатан и перекинут через плечо. Куртка обтрепана по краям, покрыта сажей от костра и сильно потерта. То, что Тарен поначалу принял за палку или

пастуший посох, оказалось грубо сделанным костылем. Правая нога человека была сильно изувечена.

— Ягненок мой,— опять сказал пастух.

— Бери,— протянул ему кудрявого малыша Тарен.

Ягненок перестал испуганно блеять, оказавшись на плече пастуха, на суровом лице которого появилось выражение крайнего удивления, будто он ожидал, что ему придется драться за отбившегося от стада малыша.

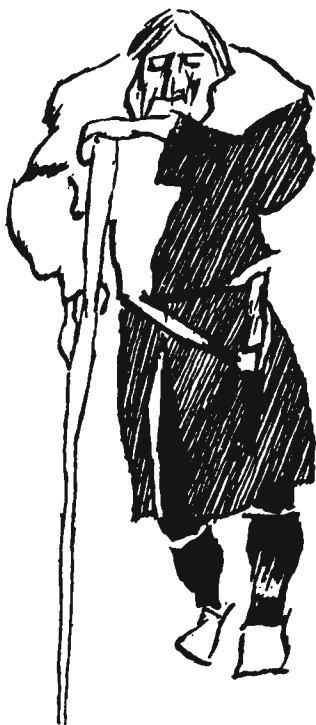
— Благодарю вас,— сказал он и добавил гордо: — Я Краддок, сын Кустеннин.

— Рады встрече,— поклонился в ответ Тарен.— А теперь прощай. Твой ягненок в безопасности, а нам еще далеко идти.

Краддок, тяжело опершись на свой костыль, повернулся, чтобы карабкаться обратно вверх по склону, и уже даже проковылял немного, когда Тарен вдруг увидел, как хромой пастух споткнулся. Увлекаемый своей ношей, Краддок потерял равновесие и припал на одно колено. Тарен кинулся к нему и протянул руку.

— Если путь к твоей овчарне такой же тернистый и трудный, как наш,— улыбнулся Тарен,— то позволь нам помочь тебе на твоём пути.

— Нет надобности! — грубо парировал пастух.— Неужели ты думаешь, что я так искалечен, что завишу от других? — Но когда он увидел протянутую руку Тарена, выражение лица его смягчилось.— Прости меня,— смущенно сказал пастух.— Твоя помощь идет, вижу я, от доброго сердца. А то я уловил в твоих словах насмешку. В этих холмах я давно уже отвык от людей и учтивых слов. Ты уже оказал мне одну услугу,— продолжал он,

когда Тарен помог ему подняться,— теперь окажи мне еще одну: раздели со мной мой кров и мою пищу.— Он усмехнулся.— Хотя это будет не такая уж большая плата за спасенного ягненка.

Пока Ффлевддур вел лошадей, а Гурджи нес на руках ягненка, Тарен шел рядом с пастухом, который теперь с благодарностью опирался о его плечо. Дорога становилась круче и вилась над самым обрывом, глубокой пропастью, где дымились в густых облаках зажатая горными скалами узкая равнина.

Тарен увидел жалкую усадьбу со службами и полуразрушенным домиком, чьи сложенные из необработанных камней стены осели и покосились. Полдюжины плохо стриженных овец щипали траву на скудном пастбище. Ржавый плуг, мотыга со сломанной рукояткой, кое-какие другие явно непригодные для работы инструменты лежали под открытым навесом. Дом и все остальные постройки сгрудились на самой вершине горы, окруженные колючими кустами. Осиротелый и запущенный вид имела эта бедная усадьба, которая крепко уцепилась за кусок бесплодной земли, словно единственный уцелевший воин, насмерть стоящий перед смыкающимся кольцом врагов.

Краддок в некотором смущении и замешательстве жестом пригласил путников войти. Внутри хижина была едва ли приглядней, чем снаружи. Видно было, что Краддок тщетно пытался починить разваливающийся очаг, кое-как склеить глиной расколотую плиту перед очагом, починить крышу, замазать трещины в стенах. Но все это осталось незаконченным, и старания пастуха ни к чему не привели: дом постепенно приходил в полный упадок. В углу стояла прялка, напоминающая о женских руках. Но если здесь и жили женщины, то руки их, видно, давно уже перестали делать какую-либо работу.

— Ну, друг пастух,— сердечно сказал Ффлевддур, присаживаясь на деревянную скамью около узкого стола на грубых козлах,— ты смелый человек, если живешь в этом заброшенном месте. Очень уютно, правда,— заметил он поспешно,— уютно, но... э-э-э... далеко от дороги.

— Зато это мое,— ответил Краддок, и глаза его зажглись гордостью. Казалось, слова Ффлевддура взволновали его, он склонился вперед, одной рукой оперся о костыль, а другой ухватился за край стола.— Я дрался с теми, кто хотел отнять у меня эту землю. И если смогу, то сделаю это снова!

— Я в этом совсем не сомневался,— воскликнул Ффлевддур.— Не обижайся, друг, но должен сказать, я

немного удивлен, услышав, что кто-то хотел отнять у тебя этот... э-э-э... скромный клочок земли.

Краддок некоторое время молчал, потом проговорил:

— Земля была намного прекраснее, чем вы видите сейчас. Мы жили здесь спокойно, в мире и трудах, пока некоторые лорды не пришли требовать наши участки земли себе. Но те из нас, кто ценил свободу, собрались и решили биться до конца. Сражение оказалось нелегким, жарким, и многое было разрушено. И все же мы отбросили их и обратили в бегство.— Лицо Краддока стало печальным.— Дорого же досталась нам победа. Многие из наших погибли, и среди них самые близкие мои друзья. А я,— он с грустью глянул на свой костыль,— приобрел вот это.

— Что случилось с остальными? — с волнением спросил Тарен.

— Со временем, один за другим, они покинули свои дома,— ответил Краддок.— Не было больше того, что стоило бы охранять или отнимать. Они ушли в другие княжества. С отчаяния они, проглотив свою гордость, нанялись воинами к тем же лордам или стали работать на любого, кто даст им ночлег и пищу.

— А ты все же остался,— сказал Тарен.— На бесплодной земле, в разрушенном доме. Почему?

Краддок поднял голову.

— Чтобы оставаться свободным,— коротко ответил он.— Свобода — это то, к чему я стремился всю жизнь. Я нашел ее здесь, значит, я победил.

— Ты счастливее, чем я, пастух,— понурился Тарен.— Я все еще не нашел того, что ищу.

Краддок вопросительно поглядел на него, и Тарен вдруг рассказал этому бедняку о своих поисках, о надеждах и невзгодах. Пастух слушал внимательно, не произнося ни слова. Но пока Тарен говорил, странное выражение появилось на лице Краддока, как будто пастух боролся с сомнениями и в то же время пытался скрыть растущее удивление и беспокойство.

Когда Тарен окончил свой рассказ, пастух собрался было что-то сказать, но, поколебавшись, вдруг приладил костыль под мышкой и резко поднялся, бормоча, что

должен глянуть на своих овец. Он, хромая, вышел из хижины, а Гурджи рысью устремился следом, чтобы поглядеть на нежных, как он смущенно сказал, кудрявок и красавок.

День клонился к закату. В хижине стало совсем темно. Тарен и Ффлевддур молча сидели за столом.

— Жаль мне пастуха, потому что он нравится мне,— сказал Тарен.— Он сражался, чтобы выиграть одну битву, но проиграл другую. Его собственная земля теперь худший его враг, и ее победить ему не под силу.

— Да, ты прав,— согласился бард.— Если сорняки и колючая куманика подступят еще немного,— криво усмехнулся Ффлевддур,— ему придется кормить своих овец соломой со своей крыши.

— Я с радостью помог бы ему,— ответил Тарен.— Увы, ему требуется больше, чем я могу дать.

Когда пастух вернулся, Тарен уже готов был отправляться в дорогу. Но Краддок стал упрашивать путников остаться на ночь. Тарен колебался. Ему не терпелось продолжить свой путь, но он хорошо знал, как не любит Ффлевддур путешествовать ночью. Что касается пастуха, то его глаза просто умоляли, и у Тарена не хватило духу отказаться.

Еды у Краддока было мало, и путники разделили поровну запасы из сумки Гурджи. Пастух ел молча. Закончив с едой, он подбросил в огонь несколько сухих колючих веток, долго смотрел, как они корчились в пламени очага, потом обратил взгляд на Тарена.

— Ягненок из моей отары заблудился и вновь нашелся,— медленно заговорил Краддок.— Но другой когда-то был потерян и пропал.— Пастух говорил словно бы с трудом, мучительно выдавливая из себя слово за словом.— Много прошло времени с тех пор. Когда все покидали долину, моя жена упрашивала меня сделать то же самое. Она должна была родить нашего ребенка. В этом месте нас не ждало ничего, кроме нужды. И она хотела уйти из этого заброшенного места ради нашего будущего ребенка.

Краддок опустил голову.

— Но я не собирался делать этого. Сколько раз она просила меня, столько же раз я отказывал ей в ее просьбе. И вот родился ребенок. Наш сын. Ребенок выжил. Мать его умерла. Сердце мое разбилось, потому что мне казалось, будто я убил ее своим упрямством.

Он глубоко и тяжело вздохнул.

— Ее последним желанием,— тихо продолжал Краддок голосом, полным невыразимой печали,— было, чтобы я забрал ребенка и ушел отсюда.— Его морщинистое, иссеченное шрамами лицо ожесточилось.— Даже эту последнюю ее просьбу я не исполнил. Нет,— вдруг твердо сказал он,— я заплатил кровью, и больше, чем кровью, за эту свою свободу. Я никому ее не отдам!

Некоторое время пастух молчал. Потом заговорил еще глуше.

— Я один пытался воспитывать ребенка. Но не моими грубыми руками и не с моим суровым нравом было делать это. Он рос крепким мальчиком, но не прошло и года, как болезни одна за другой навалились на него. Тогда-то я и понял, что моя жена говорила мудро, а я, дурак, не хотел слушать ее. Наконец я решил покинуть это гибельное место.

И пастух вдруг внимательно поглядел на Тарена.

— Но выбор мой сделан был слишком поздно,— покачал он головой.— Я понимал, что младенец не переживет трудного пути. Но зиму здесь ему тоже не вытянуть. Этот ягненок моего сердца был словно бы уже отдан смерти.

Тарен слушал его, затаив дыхание и почему-то наполняясь печалью.

— Но однажды,— продолжал Краддок,— к моей двери подошел случайный путник. Был он человеком глубоких знаний и ведал многие секреты врачевания. Только в его руках ребенок мог выжить. Это сказал мне он, и я увидел правду в его словах. Он пожалел ребенка и обещал воспитать его. И я с благодарностью за его доброту передал ребенка в его руки.

Пастух умолк, и никто не решался нарушить тишину, воцарившуюся в хижине.

— Он пошел своей дорогой, и мой сын вместе с ним. Никогда больше я их не видел и ни о ком из них не слышал,— еле слышно продолжал Краддок.— Проходили годы, и мне часто приходила в голову мысль, что оба они могли погибнуть в горах. И все же я надеялся, что мой сын когда-нибудь вернется ко мне.

Пастух снова внимательным, долгим взглядом посмотрел на Тарена.

— Имя странника было Даллбен,— выговорил он, словно поставил точку в длинном своем повествовании.

Последняя колючая ветка в очаге затрещала и рассыпалась мелкими угольками. Краддок не говорил больше ничего, но глаза его буквально впились в Тарена. Ффлевддур и Гурджи безмолвствовали. Тарен медленно встал из-за стола. Он чувствовал дрожь во всем теле и опасался, что ноги под ним подогнутся. Двумя руками он оперся о край стола. Он не мог ни о чем думать сейчас, не в силах был произнести ни единого слова. Он видел только глаза Краддока, внимательно и с робким ожиданием глядящие на него. Этот человек, который за минуту до того был просто незнакомцем, казался ему теперь еще более чужим. Губы Тарена двигались беззвучно, пока, наконец, слова не слетели с них, и он услышал свой голос как бы со стороны.

— Значит, ты утверждаешь,— прошептал Тарен,— ты утверждаешь, что ты мой отец?

— Даллбен сдержал обещание,— тихо ответил Краддок.— Мой сын вернулся.

Глава четырнадцатая

КОНЕЦ ЛЕТА

Серые лучи слабого рассвета проникли в хижину. Огонь в очаге давно уже угас. Сон медленно уплывал от Тарена. В эту ночь он спал урывками и сейчас, просыпаясь, никак не мог прийти в себя. Целый вихрь мыслей, слов, восклицаний проносился в его голове. Изумленные возгласы Ффлевддура, радостные вопли Гурджи, слезы радости на глазах сурового Краддока и его крепкие объятия, да и собственные ощущения Тарена, когда он ответно обнимал отца, которого никогда до сих пор не видел. Были еще песни Ффлевддура и звучание его арфы, такое прекрасное, какого Тарен прежде не слышал. И бедная хижина пастуха осветилась улыбками, весельем, хотя сам Тарен и Краддок были скорее тихими, смущенными, как будто пытались проникнуть в мысли и сердце другого. Дальше Тарен уже ничего не помнил. Все, усталые и какие-то отрешенные, некоторое время еще сидели у затухающего очага, а потом разом уснули.

Тарен стряхнул с себя остатки сна, шагнул к двери. Тихо стояли и лежали овцы в своих загонах. Горный воздух оведал свежестью и прохладой. Под ногами на каждой травинке сверкали капельки росы. Над скудным пастбищем серебристыми нитями медленно летели длинные паутинки. Омытые росой камни мерцали, как звезды, упавшие на землю. Тарен зябко поежился и плотнее укутался в свой широкий плащ. Некоторое время он недвижно стоял на пороге, как вдруг почувствовал, что он не один. К нему подошел Ффлевддур.

— Не спится? — весело спросил он. — У меня тоже что-то не получается. Слишком взволнован. На три минутки глаз не сомкнул... э-э-э, ну предположим, немножко больше поспал, но все равно мало. Подумать только! Целых полтора дня у тебя уже есть отец! Не каждому так повезет, чтобы найти родного отца чуть ли не под облаками. Тарен, друг мой, твои скитания окончились, и окончились так удачно! Нам не надо теперь тащиться куда-то на озеро Ллюнет, и, сознаюсь тебе, меня это радует. Теперь наши планы резко меняются, верно? По-моему, нам следует отправиться на север, в королевство Красивого Народа, и забрать с собой старину Доли. Оттуда мы махнем ко мне, в мое королевство, и попируем там на славу. Мне кажется, ты не прочь будешь потом поплыть на Мону и порадовать Эйлонви хорошими новостями. Неплохо задумано, согласен? Твой поиск окончен, и ты теперь свободен, как птица!

— Свободен, как орел в клетке, каким меня хотел сделать Мордант! — вскричал Тарен. — Эта бесплодная гора уничтожит Краддока, если он останется здесь один хоть ненадолго. Ноша, которую он взвалил на свои плечи, слишком велика и непосильна для него теперь, в его возрасте. Я уважаю его за невероятное упорство, но не уверен, что могу признать его правоту. Его упрямство стоило жизни моей матери и чуть не погубило меня в младенческом возрасте. Может ли сын любить такого отца, понять и принять дело его жизни? И все же, пока Краддок жив, я связан с ним узами крови... если в моих жилах действительно течет его кровь...

— Если? — запнулся Ффлевддур. Он нахмурился и внимательно посмотрел на Тарена.— Ты сказал «если» так, будто еще сомневаешься...

— Краддок не врет, когда говорит, что он мой отец,— проговорил Тарен,— он не обманывает, но я не верю ему. Вот как.

— То есть как это? — опешил Ффлевддур.— Ты знаешь, что он твой отец, и в то же время сомневаешься в этом? Ничего не понимаю.

— Ффлевддур, неужто ты не видишь? — Тарен говорил медленно и с болью.— Я не верю ему, потому что не хочу верить! Тайно, в самой глубине души, я всегда мечтал, даже ребенком, что... что я, может быть, благородного происхождения.

Ффлевддур сочувственно кивнул.

— Да, я понимаю тебя.— Он вздохнул.— Но, увы, родных не выбирают.

— Теперь,— грустно сказал Тарен,— моя мечта развеялась, и я должен забыть об этом.

— Его история звучит правдоподобно,— ответил бард,— но если в твоём сердце есть хоть малейшее сомнение... Что же ты собираешься делать?.. Ах, эта легкомысленная птица! Эта мошенница Карр! Будь она сейчас здесь, ты мог бы послать ее с этой вестью к Даллбену и всё выяснить. Но я не уверен, что она отыщет нас в этом унылом и заброшенном месте, в этой пустыне.

— В пустыне? — прозвучал голос Краддока.

Пастух стоял в дверном проеме. Тарен быстро обернулся, устыдившись своих слов и гадая, что из его речей мог услышать Краддок. Но если даже пастух и стоял здесь давно, виду он не подал. Лицо его было освещено добродушной и радостной улыбкой. Прихрамывая, он подошел к ним. Гурджи плелся за ним следом.

— Это место сейчас пустынное,— сказал Краддок,— но вскоре оно станет таким же прекрасным, как было прежде.— Он положил руку на плечо Тарену и с гордостью поглядел на его спутников.— Мой сын и я, мы сделаем его таким!

— Я думал,— неуверенно начал Тарен,— я надеялся, что ты отправишься с нами в Каер Даллбен. Колл и

Даллбен с радостью примут тебя. Хозяйство там богатое и станет еще богаче, если ты поможешь нам своим трудом и своим умением. Здесь земля совсем истощилась.

— Как же так? — Краддок насупился. — Оставить мою землю? Стать чьим-то слугой? Теперь? Теперь, когда у нас наконец появилась надежда? — Его глаза наполнились болью. — Сын мой, — сказал он тихо, — ты открыл не всё, что у тебя на сердце. А я не сказал того, что томит меня. Счастье ослепило меня, и я не увидел, не захотел видеть правды. Слишком долго ты жил без меня и вдали от меня. Каер Даллбен — твой настоящий дом, и вряд ли эта пустыня заменит тебе его. Что я могу предложить тебе? Эту мертвую землю и ее хозяина, старого калеку...

Пастух говорил еле слышно, но слова его оглушили Тарена. Лицо Краддока окаменело, негибкая воля и гордость светились в его глазах.

— Я не могу просить разделить со мной мою участь и требовать исполнить сыновний долг тебя, моего сына, но чужого мне. Мы встретились случайно. Мы расстаемся, если таково твое желание. Иди своей дорогой. Я не стану задерживать тебя.

Прежде чем Тарен успел ответить, Краддок резко повернулся и зашагал к овечьему загону.

— Что мне делать? — вскричал Тарен, с мольбой глядя на барда.

Ффлевддур развел руками:

— Он не уйдет отсюда, это ясно. Теперь понятно, от кого у тебя это упорство, переходящее иногда в настоящее упрямство. Нет, он не сдвинется с места. Но если ты хорошенько поразмыслишь, то поймешь, что тебе надо вернуться в Каер Даллбен. Выяснишь всё у Даллбена. Он единственный знает правду.

— Я смогу вернуться сюда лишь к зиме, — ответил Тарен. Он окинул взглядом иссушенную землю, посмотрел на покосившуюся хижину. — Мой... мой отец стар, и у него осталось немного сил. А забот много. За дело надо браться сейчас, чтобы успеть закончить до первого снегопада.

Он умолк и понуро молчал. Ффлевддур ждал. Гурджи затаил и сжался в комочек, лоб его собрался беспокойными морщинами. Тарен поглядел на двоих своих друзей, и сердце его сжалось.

— Послушайте меня внимательно, друзья,— медленно выговорил он.— Ты, Ффлевддур, если хочешь, поезжай в Каер Даллбен. Скажи, что поиск мой окончен, и объясни, как все вышло. Что касается меня, то мое место должно быть здесь.

— Клянусь Великим Белином, ты, кажется, собираешься остаться в этом диком месте! — вскричал Ффлевддур.— Даже сомневаясь?..

Тарен кивнул.

— Мои сомнения могут оказаться всего лишь плодом моего воображения. И все же я молю как можно скорее прислать мне весточку. Но Эйлонви не следует ничего говорить обо всем, что произошло. Только то, что я нашел своего отца. И всё.— Голос его дрогнул.— Краддок нуждается в моей помощи, его жизнь сейчас зависит от этого, и я не могу отказать ему. Но чтобы Эйлонви узнала, что я сын пастуха?.. Нет! — в сердцах воскликнул он.— Этого я не смогу вынести! Попрошайся с ней от моего имени. Мы не должны с ней больше встречаться. Будет лучше, если принцесса забудет сына пастуха. Будет лучше, если вы все забудете обо мне.

Он повернулся к Гурджи.

— А ты, лучший из друзей, поезжай с Ффлевддуром. Мое место здесь, но тебе необязательно хоронить себя в этой глуши.

— Добрый хозяин! — отчаянно вскричал Гурджи, обнимая колени Тарена.— Гурджи остается! Он обещал, он поклялся!

— Не называй меня больше хозяином! — отпрянул Тарен.— Я не хозяин, а простой пастух. Ты хотел стать мудрым? Здесь тебе не удастся набраться мудрости. Ты свободен. Живи. Эта заброшенная долина не начало, а конец. Конец всему, к чему я и ты тоже стремились.

— Нет, нет! Гурджи не слушает! — зарыдал Гурджи, зажимая уши. Он рухнул на землю и скрючился неподвижной лесной корягой.— Гурджи не покинет доброго

хозяина! Нет, нет! Он не уйдет, даже если его будут прогонять толкалками и пихалками! Никакие кричалки и прогонялки его не заставят уйти!

— Пусть будет так,— сказал наконец Тарен, поняв, что ничто не сможет поколебать решимости этого преданного друга.

Когда Краддок вернулся, Тарен только и сказал ему, что он и его друг Гурджи остаются, а Ффлевддур, к сожалению, не может дольше задерживаться.

Лиан нетерпеливо перебирала лапами и готова была немедленно пуститься в путь. Тарен обнял ее могучую голову и зарылся лицом в густой пушистый мех. Гигантская кошка лишь жалобно мяукала. Молча пожали они с Ффлевддуром руки друг другу. Тарен долго смотрел вслед медленно удалявшемуся барду, который то и дело оборачивался и махал на прощание рукой.

Оставив Мелинласа и пони привязанными под навесом, Тарен и Гурджи принесли свои седельные сумки, где лежал весь их скarb, и положили в углу хижины. Тарен постоял мгновение, оглядывая потрескавшиеся стены тесной комнаты, расколотую плиту перед очагом и сам очаг с покрытыми серой золой угасшими угольями. Послышался голос Краддока, звавшего его на пастбище.

— Итак,— прошептал Тарен,— итак, мы пришли домой.

Через неделю-другую житья в этом безлюдном месте Тарен вдруг понял, что он жил бы не хуже, исполнись тогда угроза Морданта. Высокие серые скалы поднимались со всех сторон, окружая его, словно неодолимые стены гигантской клетки. Череду длинных однообразных дней, заполненных бесконечным тяжелым трудом, выстраивалась равнодушным частоколом, а сам он постепенно превращался в узника, теряющего даже свои воспоминания. Сделать надо было много, вернее, сделать надо было всё. Землю приходилось заново очищать от камней, коряг и сорняков, хижина требовала серьезной починки, а еще нельзя было забывать и об овцах, выгонять их на пастбище, стричь, охранять.

Сначала он боялся рассветов, которые, словно бы плетью первых лучей, поднимали его, усталого, не успевшего отдохнуть, сгоняли с соломенного тюфяка, брошенного на пол у очага, и возвращали к непосильной работе, которой, казалось, не будет конца. Но вскоре он обнаружил, что, как и говорил ему Колл, он может нырнуть в работу, словно в ледяной поток, мертвящий, лишаящий мыслей и воспоминаний, но и освежающий, придающий силы даже в моменты полного изнурения.

Вместе с Гурджи и Краддоком он расчищал поле, выворачивал, обливаясь потом, громадные валуны и тащил их к хижине, где позже они должны были послужить при починке развалившихся стен. Ручей, из которого пили овцы, пересох и тек еле заметной струйкой. Тарен расчистил и расширил русло, прорыл канал, обложил стенки его камнями и укрепил крепкими кольями. Когда высвобожденный пенистый поток понесся с горы, Тарен, забыв обо всем, стал на колени, сложил руки лодочкой и пил, пил стылую, холодящую зубы воду. Первый же холодный глоток наполнил его душу изумлением, будто никогда прежде он не пробовал свежей ледяной воды.

Работы не убывало. Как-то раз они втроем сжигали наступавшие на крохотное поле колючие кусты, которые не удавалось ни вырубить, ни вырвать с корнем. Медленный огонь охватывал неподдающиеся заросли. Тарен попытался сунуть свой факел в глубь кустарников. Внезапный порыв ветра бросил язык пламени прямо ему в лицо. Тарен быстро отпрянул, но колючки вдруг крепко ухватили его за куртку. Он рванулся, не удержался на ногах и упал. Пламя алой волной захлестнуло его. Тарен закричал.

Гурджи, возившийся неподалеку, услышал крик и кинулся на помощь. Но Краддок, подпрыгивая на своем костыле, опередил Гурджи. Пастух упал на землю, прикрыв Тарена своим телом, ухватил его за пояс и вытащил из огня. На том месте, где только что лежал Тарен, уже ревел и полыхал огонь, с треском пожиравший корчащиеся колючие ветки.

Пастух, тяжело дыша, с трудом поднялся на ноги.

Тарен остался невредим, но огонь сильно опалил лоб и руки Краддока. И все же пастух улыбался. Он хлопнул Тарена по спине и с грубоватым добродушием прохрипел:

— Я нашел сына не для того, чтобы снова его потерять.

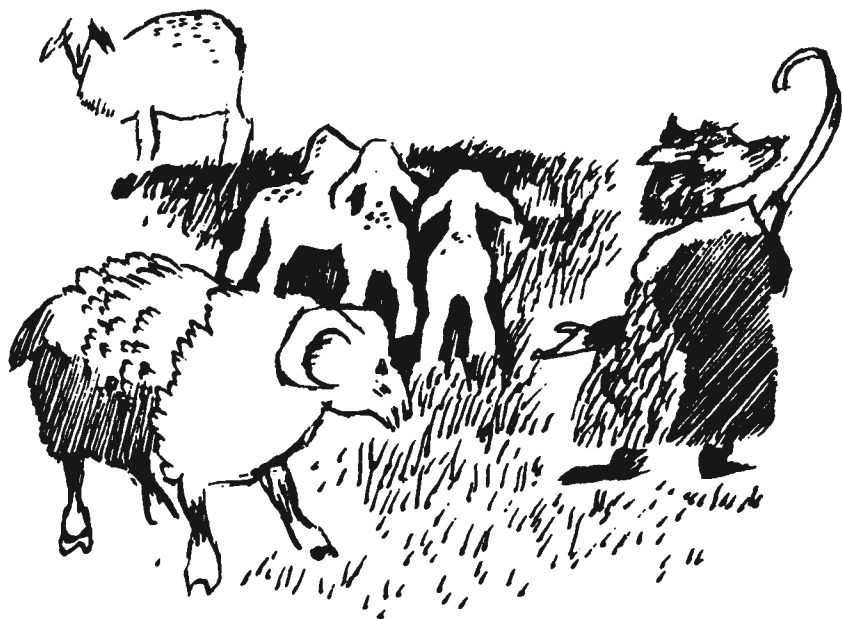
И без лишних слов вернулся к работе.

— Благодарю тебя! — прокричал вслед ему Тарен, но в голосе его проскользнула чуть заметная горечь — ведь человек, спасший сейчас его жизнь, эту жизнь и разрушил.

День за днем протекали в неустанном труде. Когда заболела овца, Краддок ухаживал за ней с такой трогательной заботой и нежностью, что Тарен удивлялся, сколько в этом человеке нерастроченной любви. И все же каждую минуту он помнил, что именно этот человек разрушил его мечту и уничтожил надежду на будущую встречу с Эйлонви, которой, конечно, Тарен, сын пастуха, не осмелится теперь показаться на глаза. Краддок становился неукротимым и неистовым, стоило малейшей опасности нависнуть над его стадом, и в то же время именно этот человек превратил Тарена в узника своей бескорыстной любовью. По праву крови он опутал Тарена по рукам и ногам. Краддок не дотрагивался до еды, пока Тарен и Гурджи не насытятся, но скудной пищи редко хватало на троих, и пастух вставал из-за стола голодным. Однако каждый раз отговаривался тем, что у него, старика, совсем нет аппетита. Кусок застревал в горле Тарена, и ему претило это великодушие, хотя в другое время и в любом другом человеке он только уважал бы этот порыв.

— Неужели в этом пастухе сразу два человека? — шептал сам себе Тарен. — Один, которым я только могу восхищаться, и другой, которого я способен ненавидеть?

Так прошло лето. Чтобы только заглушить боль своего разбитого сердца, Тарен работал за двоих, за троих, не зная усталости. А работы не убывало. Особо надо было следить за отарой. Краддок денно и ночью сторожил новорожденных ягнят, боясь, что они отобьются от матерей, разбредутся в поисках травы, заблудятся или попадут в лапы хищникам. По вечерам он, хромя, обегал пастбище, собирая отару. Гурджи попросил пастуха разрешить ему самому обихаживать отару. Теперь он радостно скакал вместе с ягнятами, ворчал, ворковал и

суетился над овцами. Даже старый баран, славившийся дурным характером, рядом с Гурджи становился послушным и спокойным. Кажется, овцы были не менее довольны таким пастухом, чем сам Гурджи. Когда дни стали прохладнее, Краддок подарил Гурджи куртку, сшитую из неостриженной овечьей шкуры. И теперь, когда Гурджи возился со своими подопечными, Тарен с трудом мог отличить забавное лохматое существо от остального стада. Тарен частенько заставлял Гурджи сидеть на пне в окружении ласкающих к нему овец. Они следовали за ним повсюду и к ночи, когда Гурджи отправлялся спать, даже пытались вслед за ним протолкаться в хижину. Маршируя во главе отары, Гурджи выглядел по меньшей мере шагающим во главе войска военачальником.

— Посмотри! — кричал Гурджи Тарену. — Каждая овчушка — моя пастушья послушка! Добрый хозяин — Помощник Сторожа Свины? Тогда смелый, умный Гурджи — Помощник Сторожа Овец!

Но глаза Тарена нет-нет да устремлялись иногда против его воли за гребень холмов, туда, где в последний раз мелькнул плащ Ффлевддура. Взгляд его скользил по гряде облаков, бегущих над дальними вершинами, в надежде заметить черную точку — летящую к нему Карр. Он боялся, что ворона направилась к озеру Ллюнет и, не найдя их там, все еще поджидает или мечется в поисках путников в каких-нибудь других местах. И все же Тарен ожидал чего-то. Он был почему-то уверен, что бард вернется, и с каждым днем, приближающим осеннюю непогоду, он все напряженнее и нетерпеливее озирал дальние холмы и холодное, укрытое серыми облаками небо.

Глава пятнадцатая

ОТКРЫТАЯ КЛЕТКА

Все последние дни лета и осень они работали не покладая рук, чтобы успеть починить хижину, их единственное убежище от наступающих зимних холодов. Теперь, когда первый снег шатром навис над холмами, закружил сухой, белой метелью и запорошил морщины утесов, хижина была готова. Поднялись прочные стены, сложенные из крупных камней, заблестела новой соломой крыша, тщательно были затерты сырой глиной все щели. Внутри весело полыхал в заново сложенном очаге огонь. Дверь на новых смазанных петлях надежно охраняла от сквозняков и закрывалась плотно, без скрипа. Деревянные скамьи прочно стояли на дубовых ногах у приземистого широкого стола. Хотя Краддок не отдыхал ни минуты и трудился без устали, все же хижина была возведена в основном сильными и умелыми руками Тарена. Он наточил и почистил ржавые молотки и пилы, сделал кое-какие новые инструменты и приспособления. Подолгу стоял он во двореике, прикидывая,

как лучше и надежнее навесить дверь, какую солому пустить на крышу, как приладить один камень к другому, чтобы стена была ровной и прочной. И теперь, усталый, откинув со лба давно не стриженные пряди похожих на солому волос, он не без гордости следил за тоненьким дымком, поднимающимся над крышей.

Краддок подошел и стал рядом. Некоторое время они молчали, потом пастух промолвил:

— Все эти годы я старался сохранить то, что было моим. Теперь это не только мое,— его бородатое лицо осветилось улыбкой,— это наше!

Тарен кивнул, но ничего не ответил. Он молча ушел в дом.

С наступлением зимы работы становилось все меньше, и короткие дни казались нескончаемо длинными. По вечерам у огня, чтобы скоротать время, Краддок рассказывал о своей жизни, о юности. Когда пастух говорил о лишениях и неугасающих надеждах, Тарена охватывало искреннее восхищение человеком, так непохожим на него самого, упорным, терпеливым и ни на что не жалующимся.

Постепенно и Тарен разговорился. По просьбе Краддока он рассказал о Каер Даллбен, обо всем том, что с ним произошло за эти годы. Лицо Краддока светилось отцовской гордостью, когда он слушал историю приключений Тарена. Но частенько Тарен замолкал, вспоминая Эйлонви и те счастливые дни, что они провели вместе. Воспоминания эти волной захлестывали юношу и тут же, словно бы о камни, разбивались о реальную жизнь, которая окружала его теперь. Он резко отворачивался и подолгу смотрел на огонь. В такие моменты Краддок отходил и больше не просил рассказывать.

Общий тяжелый труд и жизнь в неласковых, суровых горах постепенно укрепляла узы привязанности всех троих друг к другу. Краддок обращался с Гурджи с непременной ласковой нежностью и уважением, и тот отвечал ему преданной услужливостью. Гурджи был счастлив своими пастушьими делами и обязанностями и подолгу пропадал в загонах среди овец. Мирная и тихая

их жизнь, казалось, наладилась и текла уже совсем привычно.

Однако как-то Краддок, выждав, когда они с Тареном остались наедине, грустно сказал:

— С того дня, как ты живешь здесь, я зову тебя сыном. Ты же никогда не называл меня отцом.

Тарен сжался. Первым его порывом было выкрикнуть в лицо пастуху всю свою горечь, выплеснуть весь гнев и отчаяние. Но теперь он не мог, не имел права ранить в самое сердце того, кого он, может быть, и винил как отца, но уважал и любил как человека.

Увидев смятение Тарена, Краддок коротко кивнул и отвел глаза.

— Возможно, — тихо сказал он, — возможно, когда-нибудь это и случится.

Снег украсил серые, когда-то безжизненные вершины холмов белым сверкающим покровом. Высокие скалы, которые казались Тарену частоколом, отгородившим его от всего остального мира, теперь превратились для него в надежную стену, охраняющую их долину от безжалостных холодных ветров. А штормовые ветры волками завывали за стенами прочно стоящей хижины, безуспешно пытаясь отыскать хоть щелочку в ее каменных стенах. Однажды на исходе дня, когда ветер особенно бушевал, Краддок и Гурджи отправились проверить загоны и посмотреть, все ли благополучно с отарой. Тарен навешивал тяжелую овечью шкуру на позванивающее от ветра узкое окно.

Только он принялся за дело, как дверь рывком распахнулась, будто сорванная с петель, и в хижину с пронзительным воплем ввалился Гурджи.

— Помоги, о, помоги! Добрый хозяин, скорее! Со спешками и побежками! — Он был бледен, руки его дрожали. — Хозяин, хозяин, пойдем с Гурджи! Быстро, о, быстро!

Тарен уронил овечью шкуру, поспешно натянул меховую куртку, схватил плащ и помчался за стонущим и причитающим Гурджи.

Снаружи его будто бы поджидал ураганный ветер — набросился, перехватил дыхание, чуть не повалил на спину. Гурджи продвигался вперед, согнувшись в три погибели и дико размахивая руками. Тарен тоже наклонился вперед и, проваливаясь по колени в снег, поспешал за своим лохматым другом. На краю пастбища, которое они за лето расчистили и освободили от кустов и камней, земля резко обрывалась отвесным каменистым склоном. Они осторожно карабкались по самой кромке, по узкой, петляющей над пропастью тропинке. Неожиданно Гурджи остановился и замер.

Тарен похолодел, когда Гурджи, вереща от страха, указал на дно пропасти. На узком выступе скалы лежал, раскинув руки, человек. Он чудом держался на этой наклонной площадке. Нога его была неестественно повернута, тело почти погребено под упавшими камнями. Это был Краддок.

— Нечаянной оступкой упал с уступа! — стонал Гурджи. — О, несчастный Гурджи не спас его! — Он хлопнул руками по голове. — Слишком поздно!

Постигшее их несчастье поразило Тарена, как неожиданный удар меча. Голова его кружилась. И вдруг, независимо от его воли, нахлынуло внезапное чувство свободы. Тарен испугался этого чувства, но оно волной поднималось из самых глубин его существа. С гибелью Краддока рухнула каменная стена, отделяющая его от мира, распахнулась клетка, окончилось его заточение в этих безмолвных горах.

Неподвижная фигура на выступе шевельнулась.

— Он жив! — вскричал Тарен.

— О, хозяин! Как же мы спасем его? — завыл Гурджи. — Крутые скалы! Даже смелый Гурджи боится спуститься вниз!

— Неужели ничего нельзя придумать? — отчаивался Тарен. — Он сильно ранен. Может быть, умирает. — Он обхватил голову руками. — Даже если мы сможем спуститься к нему, как его поднять наверх? Мы не только не спасем его, но и сами погибнем!

Он с ужасом и стыдом ловил себя на одной упорно донимающей его мысли. Есть ли хоть малейшая надеж-

да спасти пастуха? Если он не сможет сделать этого, даже принц Гвидион не упрекнет его. Да и кто посмел бы упрекнуть Тарена за его отказ от смертельного риска? Ему только сочувствовали бы и горевали о безвозвратной потере. А он? Свободен от тяжелой ноши долга, свободен от этой мрачной долины, дверь клетки широко распахнута, и вся его жизнь ждет его, Эйлонви, Каер Даллбен... Ему казалось, что он все это произнес вслух. Все его существо возмутилось от страха и ужаса перед этими гнусными мыслями.

— Что я за человек? — вскричал он с болью и яростью.

Ослепленный гневом на самого себя, он, не раздумывая, прыгнул вниз, на ближайший выступ, и стал лихорадочно шарить руками по каменной льдистой стене, нащупывая малейшую впадину. Ноги Тарена скользили, онемевшие пальцы тщетно хватались за выступающие, покрытые льдом камни. Он примерился, зажмурился и прыгнул. Черная боль пронзила тело. Теперь Тарен был прижат к острому выступу на расстоянии вытянутой руки от стонущего Краддока. Сверху, в снежной завесе и под градом мелких камешков, сползал Гурджи.

Тарен осторожно скользнул на наклонную каменную плиту и склонился над Краддоком. Кровь заливала лицо пастуха. Он попытался поднять голову.

— Сын, сын, — выдохнул он, — ты погиб, спасая меня.

— Пока еще нет, — ответил Тарен. — Только не двигайся. Мы найдем способ вытащить тебя отсюда. — Он стал на колени. Краддок был ранен даже серьезнее, чем опасался Тарен.

Со всей возможной осторожностью он скинул с груди пастуха камни и куски сланца, оттащил беспомощное тело подальше от края площадки.

Гурджи упал на выступ и подполз к Тарену.

— Хозяин, хозяин, — кричал он. — Гурджи видит тропинку наверху. Но она крутая, о, совсем крутая.

Тарен глянул в ту сторону, куда указывал Гурджи. Среди громадных камней и заснеженных трещин в скалах он разглядел узкий проход, свободный ото льда. Однако, как и предупреждал Гурджи, он поднимался почти отвесно вверх. Один человек с трудом, но мог бы взо-

браться по нему. Но сразу вдвоем и с третьим, раненным и беспомощным? Тарен сжал зубы. Сейчас он почувствовал боль от удара о скалу. В груди саднило, и каждый вздох наполнял легкие огнем. Жестом он велел Гурджи лечь и ухватить Краддока за ноги. А сам осторожно подполз и просунул руки под плечи пастуха. Они попытались поднять безвольное тяжелое тело. Краддок закричал от боли, и им пришлось остановиться.

Поднялся ветер. Он завывал в ущелье, хлестал вдоль каменных стен и почти срывал их со скользкого выступа. Они еще раз попытались подтащить Краддока к врезанной в скалы тропинке, но снова должны были отступить: ветер сносил с ног. Ранние сумерки начали сгущаться. Сумрак заливал ущелье. Голова Тарена кружилась, наклонная каменная площадка уходила из-под ног. Колени его подгибались, когда он вновь и вновь пытался приподнять пастуха.

— Оставь меня,— хрипло пробормотал Краддок.— Оставь. Ты только зря растратишь свои силы.

— Оставить тебя? — выкрикнул Тарен.— Какой сын может оставить отца на погибель?

Услышав эти слова, Краддок через силу улыбнулся, но мгновение спустя лицо его снова исказилось от боли.

— Спасайся сам,— еле слышно прошептал он.

— Ты мой отец,— ответил Тарен.— Я остаюсь.

— Нет! — вскричал пастух из последних сил.— Делай, как я прошу тебя! Уходи отсюда! Покинь меня, или будет слишком поздно. Сыновний долг? Ты ничего мне не должен. Никакие узы крови не связывают нас!

— Как это? — опешил Тарен. Туман поплыл перед его глазами, и он вынужден был ухватиться за выступ скалы.— Как же это? Ты говоришь, что я не твой сын?

Краддок мгновение смотрел на него остановившимся взглядом.

— Никогда я не кривил душой,— прохрипел он.— Кроме одного-единственного раза. Я лгал тебе.

— Лгал? — Тарен в ужасе смотрел на умирающего.— Ты лгал мне тогда... или ты лжешь мне теперь, спасая меня?

— Полуправда хуже, чем ложь,— прошептал пастух, прерывисто дыша.— Послушай меня. Выслушай вторую половину правды. Да, давно это было, когда Даллбен появился у меня. Я не знаю, зачем он путешествовал по Прайдену и что искал.

— Но ребенок? — нетерпеливо воскликнул Тарен.— Его не было вовсе?

— Он был,— ответил Краддок.— Сын. Наш первенец, как я тебе и говорил. Но он не прожил и дня после своего рождения. Его мать умерла вместе с ним...— Он напряг последние силы.— А ты... мне нужна была твоя сила, твоя молодая сила, чтобы сохранить то, что осталось. Я не знал иного пути продолжить свое дело. Когда я лгал, мне было стыдно, но потом оказалось еще более стыдным и невозможным сказать правду. Когда твой друг уехал, я мог только надеяться, что ты последуешь за ним, и дал тебе возможность сделать это. Ты решил остаться.

Краддок умолк. Казалось, он уже не дышит. Но глаза его снова открылись.

— Вот она, правда,— поспешно говорил Краддок, словно боялся не успеть досказать всё.— Сначала я опирался на тебя, как на мой костыль, потому что ты служил моей цели. Но потом... ни один отец не любил своего сына так же нежно и сильно, как я полюбил тебя.

Слезы ослепляли Тарена. Ком горечи застрял в горле.

Краддок, попытавшийся подняться, снова рухнул на камни.

— Уходи отсюда,— твердил он.

Рука Тарена произвольно скользнула под куртку. Пальцы нащупали круглое устье боевого рога. С криком радости он вскочил на ноги. Рог Эйлонви! Выбегая из хижины вслед за Гурджи, он не думая подхватил его и прицепил к поясу. Пospешно вытащил он из-под полы плаща спасительный рог. Зов, которым он так дорожил, теперь долетит к Красивому Народу! Он один мог спасти Краддока. Покачиваясь, он прислонился спиной к выступу скалы. Мелодия, которой научил его Доли, медленно, словно в тумане, всплывала в памяти. Внезапно звуки эти явственно прозвучали в его голове.

Он поднял рог и поднес его к губам. Голос рога был чистым и ясным. Ветер подхватил громкие протяжные звуки и, будто послушный гонец, понес их вдоль ущелья, где они множились бесконечным эхом. В глазах Тарена потемнело, и он без сил опустился на край скалы.

Как долго они оставались здесь, буквально цепляясь за острые камни, он не знал. Были ли это мгновения

или долгие часы? Он пришел в себя от прикосновения сильных рук, которые несли его, словно бы по воздуху. Туго обвязанная вокруг талии веревка врезалась в тело. Почти в беспамятстве он видел широкие лица карликов, этих подземных жителей, во множестве окружавших его.

И Тарен снова впал в забытие.

Когда он в следующий раз открыл глаза, то обнаружил, что лежит в хижине у ярко пылающего очага. Гурджи сидел рядом. Тарен вскочил. Боль опалила грудь. С удивлением он увидел на груди свежую повязку.

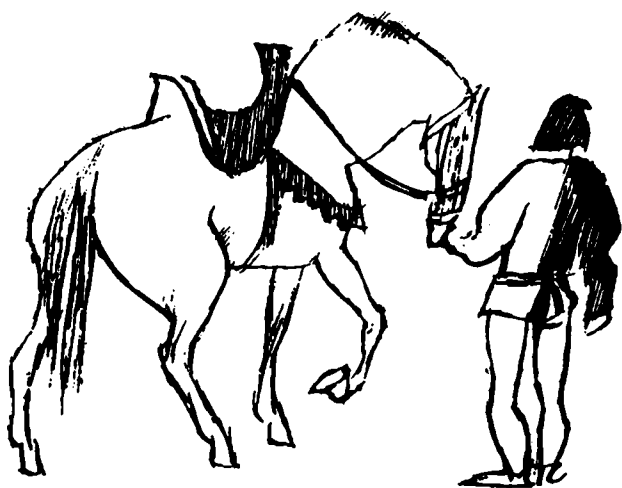
— Сигнал,— слабо пробормотал он,— на него ответили...

— Да, да! — закричал Гурджи.— Красивый Народ спас слабого Гурджи и доброго хозяина! Они смазали раны хозяина лечебными смазками и перевязали крепкими повязками.

— Они пришли на наш зов,— повторил Тарен.— Добрый старый Доли предупреждал меня не тратить последний сигнал. Я рад, что сохранил его и спас Краддока. Как он себя чувствует? — Он внезапно умолк, увидев наполненные слезами глаза Гурджи.

Бедняга съежился и опустил свою лохматую голову.

Тарен почувствовал, как безмолвный крик боли резанул горло. Он откинулся назад, и тревожная тьма застила веселый свет очага.

Глава шестнадцатая

ТАРЕН СТРАННИК

Его трясла лихорадка. Он весь пылал. Ему казалось, что он с трудом продирается сквозь горящий лес, пламя проникает внутрь, раскаляет голову, готовую разорваться от безумной боли. Он метался на соломенной подстилке, не различая ни дня ни ночи. Часто в его видениях возникали полужнакомые расплывающиеся лица. Эйлонви, друзья, все, кого он любил, появлялись и тут же ускользали от него, уплывали и менялись, как несомые ветром облака. А то наплывали кошмарные видения, от которых он вскрикивал и в ужасе скатывался с подстилки на пол. Однажды ему показалось, что над ним склонился Ффлевддур. Бард был изнурен, глаза его ввалились, желтые волосы спутались и прилипли ко лбу, рот скорбно сжат, а длинный нос на обостренном лице похож был на острый клинок. Одежда его была рваной и грязной. На плече у Ффлевддура сидела Карр и повторяла:

— Тар-рен! Тар-рен!

Видение это было таким четким, что Тарен даже услышал голос барда.

— Отлично! На самом деле хватит валяться! — говорил Ффлевддур.

Тарен открыл глаза. Рядом с бардом сидел Гурджи, с тревогой глядевший на него.

Тарен протер глаза. Он не понимал, спит ли или бодрствует. На этот раз лица не исчезли. Он сощурился. Овечью шкуру сняли с окна, и солнечный свет проник в хижину.

— Гурджи? И ты, Карр? — хрипло сказал Тарен. — Ффлевддур? Что с тобой случилось? От тебя осталась половина!

— Не тебе говорить о внешнем виде, старина, — усмехнулся бард. — Если бы ты мог видеть себя сейчас, уверен, ты не стал бы спорить со мной, кто из нас лучше выглядит.

Все еще не совсем пришедший в себя, Тарен обернулся к Гурджи, который радостно подпрыгнул и забил в ладоши.

— Добрый хозяин опять здоров! — закричал Гурджи. — С ним все в порядке! Нет ни стоналок, ни дрожалок, ни плясучих трясучек! И это верный, умный Гурджи, тот, кто заботился о нем!

— Это правда, — согласился Ффлевддур, — последние две недели он суетился и квохтал над тобой, как наседка, и заботился так, будто ты один из его любимых ягнят.

Гурджи радостно и гордо заулыбался.

— Из Каер Даллбен я летел стрелой, — продолжал бард, — э-э-э... ладно, почти как стрела. Правда, я немного заблудился, а затем повалил снег. Ллиан проваливалась в сугробы по самые уши, и в конце концов даже она вынуждена была остановиться. Некоторое время мы укрывались в пещере... Клянусь Великим Белином, я думал, что уже никогда не увижу солнечного света! — Ффлевддур потряс своим обтрепанным, в дырах и пятнах грязи, плащом. — В таком путешествии не-

трудно и обноситься. Не говоря уж о том, что три четверти пути я не имел и крохи во рту. Просто умирал с голоду. К счастью, Карр нашла нас и повела кратчайшей дорогой.

Тут и Карр довольно пощелкала клювом.

— Что касается Даллбена,— не умолкал Ффлевддур,— то он был расстроен намного сильнее, чем хотел показать. Однако он сказал мне на прощание: «Тарен не сын пастуха, но останется он там или нет, решать ему».

Тарен улыбнулся.

— И вот я поспешил вернуться, как мог,— заключил свой рассказ Ффлевддур.— Увы, быстрее добраться до тебя я не сумел.— Он покачал головой.— Гурджи рассказал, что с вами случилось.

— Краддок мечтал о сыне,— медленно заговорил Тарен,— как и я мечтал об отце. Может быть, я был бы счастливее, если бы поверил ему, кто знает? Ни я, ни Гурджи не в силах были помочь ему. Ради Краддока я подал сигнал из рога Эйлонви. Если бы я сделал это чуть раньше, возможно, он бы и не погиб. Это был мужественный и гордый человек с добрым сердцем. Теперь он умер. Я долго берег последний зов моего боевого рога, и вот, когда потратил его, то, оказалось, потратил впустую.

— Впустую? — возразил Ффлевддур.— Я так не думаю. Ты сделал всё что мог, ты не пожалел использовать последнюю возможность спасти Краддока, а значит, старался не впустую.

— Есть то, чего ты не знаешь,— прямо посмотрел на барда Тарен.— То, чего не знает никто. Ведь первой моей мыслью было оставить Краддока на выступе над пропастью.

— Да ладно,— отмахнулся Ффлевддур,— у каждого человека бывают мгновения страха. Если бы мы все вели себя так, как нам часто хочется, потакали своим худшим чувствам и мыслям, немало горя прибавилось бы в Прайдене. Считаются дела, а не мысли.

— Но в этом случае я приравниваю свои мысли к скверным делам,— холодно ответил Тарен.— Не страх

меня сдерживал. Хочешь знать правду? Я стыдился своего неблагородного происхождения, так стыдился, что это отвращало меня от ни в чем не повинного человека. Я мог бы оставить Краддока умирать. Да, умирать! — выпалил он. — Потому что надеялся таким образом освободиться от него! Я стыдился быть сыном пастуха. Теперь я стыжусь самого себя.

Он уткнулся лицом в соломенную подстилку и больше не вымолвил ни слова.

Друзья остались зимовать в хижине, и мало-помалу силы возвращались к Тарену. При первой же оттепели, когда снежный покров долины вспыхивал под острыми лучами солнца и ручьи вырывались из-под льда, Тарен вышел за дверь ранним утром. Он стоял на пороге хижины, смотрел на склоны гор с бледно-зелеными пятнами прогалин и размышлял о том, что так давно томило его.

— Скоро станем собираться в дорогу, — сказал Ффлевддур, ходивший навестить Ллиан и лошадей. — Дороги очистятся. Озеро Ллюнет где-то неподалеку. С помощью Карр мы быстро отыщем его.

— Я долго и упорно думал об этом, — ответил Тарен. — Всю зиму я старался решить, что должен делать, и никак не мог найти ответа. Но одно мне ясно, и я сделал свой выбор. Я не стану искать Зеркало.

— Что ты говоришь? — вскричал Ффлевддур. — Я не ослышался? Прекратишь поиски? Именно теперь? После всего, что ты претерпел? Тарен, мальчик мой, ты поправил здоровье, но не мозги!

Тарен отрицательно покачал головой.

— Я не стану искать. Мой поиск принес горе всем вам. А меня он привел не к чести, а к стыду. Да, мне больно за того Тарена, который стоит перед вами. Я хотел быть благородного рода, так страстно желал этого, что поверил в то, что это правда. Высокое происхождение — вот то, что казалось мне самым главным в жизни. Я мог восторгаться Аэдданом, научился уважать Краддока. И все же считал, что простое происхож-

дение принижает их, делает незначительнее, чем они есть на самом деле. Оттого и ценил меньше, хоть и восхищался ими от души. Теперь я понимаю, что это люди настоящие. Благородные? Да, они гораздо благороднее меня.

Тарен оглядел своих спутников. Они молчали, опустив головы.

— Я не горжусь собой,— тихо продолжал Тарен,— и никогда, может быть, не смогу. И если я вновь обрету чувство собственного достоинства, то найду его не в том, кем я был или кто я есть, но в том, кем я могу стать. Не по рождению, а внутри себя, в самом себе.

— Тогда всё решено,— сказал бард,— лучше всего будет собрать наши вещички и отправиться в Каер Даллбен.

Тарен отрицательно покачал головой.

— Я не смогу смотреть в глаза Даллбену или Колту. Когда-нибудь. Но только не теперь. Я должен пойти своей дорогой, зарабатывая себе на хлеб. Малиновка сама должна искать червей для себя и своих детей.— Он неожиданно замолчал и добавил, глядя на барда: — Ордду. Это ее слова. Они коснулись только моих ушей. Теперь они проникли мне в сердце.

— Черви не самая аппетитная штука, если мне будет позволено высказаться,— поморщился Ффлевддур.— Но это правда, у каждого должно быть свое дело, свое умение. Взять меня, например. Я хоть и король, но лучшего барда ты не найдешь...— Струна на арфе лопнула, остальные напряглись, дрожали и, казалось, вот-вот порвутся.— Ладно, ладно, забудем,— засмутился Ффлевддур.— Если ты не хочешь возвращаться домой, тогда я предлагаю отправиться к Свободным Коммотам. Там любой мастер примет того, кто хочет чему-нибудь научиться.

Тарен подумал несколько мгновений, потом кивнул.

— Так я и сделаю. Теперь я не стану презирать ничье гостеприимство, будь это самый низкий по званию человек.

Бард расстроено заморгал.

— Я... я... боюсь, что я не смогу пойти с тобой, старина. Меня ждет мое королевство. Конечно, для меня большее счастье бродить по свету свободным бардом, чем сиднем сидеть на троне. Но я уже слишком долго отсутствую.

— Значит, наши пути опять разойдутся,— печально сказал Тарен.— Придет ли время, когда мы наконец забудем слова прощания?

— Но Гурджи не говорит слов прощания доброму хозяину! — воскликнул Гурджи.— Нет, нет, скромный Гурджи всегда и топом и скоком будет поспешать за ним!

Тарен глубоко вздохнул.

— Твоя верность неоценима, друг мой,— улыбнулся он.— Я буду счастлив, если когда-нибудь смогу отплатить тем же.

— Нет, нет! — запротестовал Гурджи.— Никаких спасибо и улыбок не надо! Гурджи дает то, что хочет отдать его сердце! Он останется и ничего больше не просит. Когда-то ты утешил одинокого, не имевшего друзей Гурджи. Теперь позволь мне утешить доброго хозяина!

Тарен почувствовал горячую ладонь Гурджи в своей руке.

— Даллбен говорил правду,— промолвил Тарен.— Верность — что может быть дороже? Сила, мудрость? Твоя преданность важнее для меня сейчас, чем вся мудрость Прайдена.

На следующее утро Тарен и Ффлевддур снова, уже в который раз, разъезжались в разные стороны. Несмотря на протесты барда, на его уверения, что Ффлевддур Пламенный никогда не заблудится и всегда выберет правильную дорогу, Тарен настоял, чтобы Карр проводила его. А потом, когда бард будет уже на верном пути, пусть возвращается в Каер Даллбен. Или, если захочет, может полетать на свободе, где ей вздумается.

— Я отпускаю тебя,— сказал Тарен,— потому что сам не знаю, сколько еще продлятся мои скитания и куда они приведут меня.

— А куда мы поедем? — спросил Гурджи.— Верный Гурджи без опаски и печалки последует за тобой, о да! Но куда сначала направится добрый хозяин?

Тарен стоял, не отвечая. Он смотрел на молчаливую хижину, на маленький холмик над могилой Краддока, и долина, в которой он провел долгие месяцы трудной жизни, вдруг показалась ему пустой и мертвой.

— Было время,— сказал Тарен, словно бы обращаясь к самому себе,— когда я считал, что строю здесь собственными руками свою тюрьму. Теперь я думаю: смогу ли я еще так же беззаветно трудиться и обрету ли столь же много, как в этой моей благословенной тюрьме?

Он повернулся к ожидавшему его Гурджи.

— Куда направимся? — Он опустил на колени, набрал полную пригоршню сухой травы и подбросил ее в воздух. Весенний ветерок понес легкие травинки на восток, в сторону страны Свободных Коммотов.

— Туда,— сказал Тарен.— Туда, куда дует ветер. Мы пойдем вместе с ним и следом за ним.

Ни Тарен, ни тем более Гурджи не хотели бросать овец на произвол судьбы. Поэтому они ушли из долины в сопровождении небольшой блеявшей отары. Тарен собирался оставить овец на ближайшем же крестьянском дворе, но прошло уже несколько дней пути, а он не видел ни одного хутора, ни единой хижины. Двое путников поначалу направлялись на юго-восток, но вскоре Тарен отпустил поводья Мелинласа, и хотя конь все время клонил больше к востоку, чем к югу, он мало беспокоился и не обращал на это никакого внимания, пока они не оказались у берегов широкой, быстро несущейся реки.

Здесь простиралось прекрасное зеленое пастбище. Впереди Тарен заметил пустой загон для овец. Воротца были распахнуты настежь, будто обитателей загона ждали с минуты на минуту. Хижина с низкой крышей и длинные навесы были ухоженными и чистыми. Ясно, что хозяева здесь не лентяи. Пара длинношерстных коз ощищивала листья с невысокого деревца во дворе. Тарен с удивлением осматривал необычную крестьянскую усадьбу. Особенно его поразили корзины. Большие, ма-

ленькие, средние, они лежали повсюду: вокруг хижины и под деревьями, торчали на кольях забора, грудой лежали под навесами, даже на ветвях деревьев. На некоторых деревьях, росших по берегу реки, были устроены прямо среди ветвей легкие деревянные платформы. А на самой реке Тарен увидел нечто, показавшееся ему похожим на небольшую плотину из аккуратно переплетенных ветвей. На деревянных кольях вдоль берега были развешаны сети, стоял лес воткнутых в песок удочек, а некоторые были закинуты в воду, и видно было, как поплавки медленно плывут по течению.

Изумленный этим ухоженным и как бы безлюдным крестьянским хозяйством, Тарен подъехал ближе, спешил. Но лишь только он сделал это, как из-под навеса показалась высокая фигура человека, который легким шагом направился к путникам. Тарен успел заметить и жену крестьянина, которая украдкой выглядывала из окна хижины. В тот же момент, тоже будто бы ниоткуда, на улицу вывалило полдюжины детей мал-мала меньше. Они тут же принялись прыгать и бегать вокруг отары овец, радостно смеясь и выкрикивая:

— Они здесь! Они здесь!

Увидев Гурджи, они тут же забыли про овец и кинулись к нему, так же весело и приветливо приплясывая и хлопая в ладоши. Гурджи растерялся, потом растрогался, а потом и вовсе развеселился и стал тоже плясать, смеяться и хлопать в ладоши, к безмерной радости детей.

Человек, стоявший перед Тареном, был сухой и тощий, как палка, с прямыми и гладкими волосами, падающими на лоб, и яркими голубыми глазами, острыми, круглыми и маленькими, как у птицы. Его узкие плечи и длинные голенастые ноги дополняли сходство с птицей, с журавлем или аистом. Куртка была слишком мала ему, рукава коротки, да и вся одежда, казалось, случайно заброшена на это тощее и неуклюжее тело. Рубаха, куртка и штаны были сшиты из разноцветных кусков-лоскутов — не очень ловко, но зато прочно.

— Я Ллонио, сын Ллонвена,— сказал человек с дру-
жеской улыбкой.— Приветствую тебя, кто бы ты ни был,
странник.

Тарен в ответ вежливо поклонился.

— Мое имя... меня зовут Тарен.

— И не более того? — удивился Ллонио.— Твое имя
словно бы оборвано на самой середине.— Он добро-
душно рассмеялся.— Должен ли я звать тебя Тарен, сын
Никого? Тарен из Ниоткуда? Поскольку ты живешь
на свете, дышишь и говоришь, ты все-таки сын своих
родителей. И, безусловно, ты пришел сюда откуда-ни-
будь.

— Зови меня просто странником,— ответил Тарен.

— Тарен Странник? Пусть будет так, если тебе это
нравится.— Ллонио оглядел его с любопытством, но
больше ничего не спросил.

Услышав, что Тарен ищет место, где бы он мог оста-
вить овец, Ллонио оживился.

— Пусть они остаются,— воскликнул он.— А ты при-
ми мою благодарность. Нет пастбища, где трава была
бы свежее и слаще, и нет овчарни безопаснее, чем моя.
Мы следим за всем этим и с первой оттепели работаем
не покладая рук.

— Но я боюсь, что они могут потеснить твое собст-
венное стадо,— сказал Тарен, хотя ему нравилось и
пастбище Ллонио, и прочно выстроенный загон, и он
рад был бы оставить овец в его хозяйстве.

— Мое стадо? — переспросил Ллонио, смеясь.— У
меня его и не было никогда. Хотя мы надеялись и жда-
ли, и дети только об этом и могли говорить. Счастли-
вым ветром занесло тебя к нам. Гоевин, моей жене,
нужна была шерсть, чтобы ткать одежду для наших де-
тей. Теперь у нас ее будет достаточно.

— Погоди, погоди,— перебил его Тарен, оконча-
тельно сбитый с толку,— выходит, ты расчистил пастбище и
построил загоны, не имея ни одной овцы? Я не пони-
маю. Это же была почти наверняка бесполезная ра-
бота...

— Ты так думаешь? — хитро подмигнул ему Лю-
нио. — Если бы я этого не сделал, разве ты предложил
бы мне в подарок сразу целую отару овец? Оставил бы
ты их мне, если бы я не знал, где их содержать и кор-
мить? Разве не так?

— Но ведь ты не мог заранее знать этого! — воскликнул в недоумении Тарен.

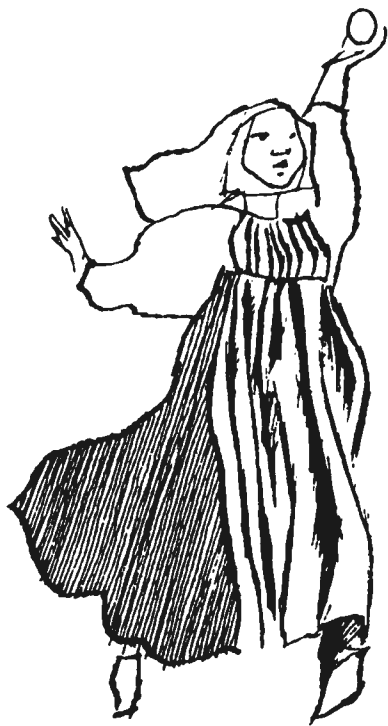
— Ах, ах,— рассмеялся Ллонио,— это почему же я не знал? Я был просто уверен, что когда-нибудь и у меня появится знатная отара овец. Вот так-то! А теперь уважь нас, остановись у меня в доме на некоторое время. Наша пища не сравнится с нашей благодарностью, но мы угостим вас от души и всем, что имеем.

Прежде чем Тарен успел ответить, Ллонио склонился к одной из маленьких девочек, крутившихся около Гурджи.

— Сбегай, Гвенллиант, погляди, пожелала ли сегодня коричневая курица снести яйцо? — Он обернулся к Тарену:— Коричневая курица — птица с норовом. Но когда ей хочется, она может снести отличное яйцо.

Затем он отправил остальных детей с самыми разными поручениями, а Тарен и Гурджи не уставали изумляться, глядя на эту веселую суету и толкотню в самом странном доме, какой им попадался на пути. Ллонио пригласил их в хижину, где гостей тепло встретила Гоевин и тут же предложила им сесть поближе к очагу. В этот момент вернулась Гвенллиант, несшая яйцо на двух вытянутых руках.

— Вот и яйцо! — воскликнул Ллонио, забирая его у девочки. Он поднял яйцо над головой и любовался им, будто никогда раньше не видел куриных яиц.— Вот так яйцо! — не унимался он.— Самое лучшее из всех, что когда-либо сносила нам коричневая курица! Посмотри-

те, какой оно величины! А какой формы! Гладкое, как льдинка, и ни одной трещинки. Мы отлично им попируем, друзья!

Поначалу Тарен не заметил ничего особенного в яйце, которым почему-то так восхищался Ллонио, но, буквально замороженный его восторгом, тоже стал смотреть на это яйцо, как на что-то необыкновенное, никогда раньше им не виденное. В руках Ллонио яйцо так блесло, скорлупа светилась таким ярким голубым блеском, будто прозрачная льдинка, что и Гурджи не отрывал от него глаз. А Тарен почти расстроился, когда Гоевин разбила яйцо и выпустила его содержимое в большую глиняную миску. Однако, сколь ни великолепно это яйцо, любопытно, как же Ллонио собирается накормить им всю свою многочисленную семью да еще двоих гостей, размышлял Тарен, скудный же будет обед!

Но пока Гоевин сбивала в миске яйцо, дети один за другим вбегали в хижину, и каждый из них нес что-нибудь, а Ллонио непременно восклицал при этом:

— Ого! Пряные травы! Это великолепно! Покрошите их... А это... что это, горсть муки? Просто чудесно! А, козы дали нам горшок молока! Молодцы! Кусок сыра? Отличная штука! — Он прихлопывал руками от удовольствия, а когда самый младший из детей протянул ему ломоть пчелиных сот, Ллонио просто зашелся от восторга. — Какая удача! Пчелы оставили нам мед из своих зимних запасов!

Гоевин тем временем деловито ссыпала все эти находки в миску, и перед изумленным взором Тарена содержимое миски стало выплескиваться через край. Но и тут еще был не предел его удивлению. Гоевин молча вылила смесь на железный лист, который, в этом Тарен был совершенно уверен, был не чем иным, как воинским щитом, который с помощью молотка превратили в плоский противень. Женщина поставила противень на тлеющие угли в очаге. Через несколько мгновений вкусный запах горячей пищи наполнил хижину. Гурджи уже глотал слюнки. А жена крестьянина уже

вытаскивала из очага и ставила на стол золотистый, с поджаренной корочкой пирог величиной с тележное колесо.

Ллонио быстро нарезал пирог на куски, и, к удивлению Тарена, его не только хватило на всех, но еще и немного осталось. Он до отвала наелся этим самым вкусным яйцом, которое когда-либо пробовал... если теперь это можно было назвать яйцом... Но даже и Гурджи не смог доесть остатков.

— Теперь,— сказал Ллонио, когда они покончили с едой,— я хотел бы взглянуть на свои сети. Пойдемте вместе, если желаете.

Глава семнадцатая

ЗАПРУДА

Гурджи замешкался в хижине, а Тарен последовал за Ллонио на берег реки. По пути, весело насвистывая, Ллонио без конца останавливался, заглядывая в лежащие тут и там корзины. Тарен заметил, что одна из них приспособлена под улей. Вот он, источник меда, так вкусно подсластившего золотистый пирог Гоевин. Однако остальные корзины были пусты. Ллонио усмехнулся.

— Ничего,— сказал он бодро,— что-нибудь в конце концов и в них появится. Позже. В прошлый раз здесь по пути на юг присела отдохнуть стая диких гусей. Когда они улетели, осталась куча перьев. Их оказалось достаточно, чтобы набить подушки для всех детей.

Они дошли до речушки, которую Ллонио называл Малышкой Аврен, поскольку она впадала в самую Великую Аврен.

— Она небольшая, но и по ней рано или поздно что-нибудь приплывает сюда,— сказал Ллонио.

Будто собираясь доказать правоту своих слов, он принялся выбирать сеть, растянутую на кольях в воде близ берега. Она была пуста, как, кстати, и лесы рыболовных удочек. Ллонио это не обескуражило. Он остался так же весел.

— Завтра наверняка что-нибудь попадется! — уверенно воскликнул он.

— Как же так? — спросил совершенно сбитый с толку Тарен. — Неужели ты рассчитываешь на эти сети и корзины? Не думаешь ли ты, что они сами дадут тебе то, что нужно? — Он с недоумением разглядывал этого странного человека.

— Да, — ответил Ллонио, добродушно посмеиваясь, — мой участок земли очень мал. Я обрабатываю его, и он отдает все, что может. Но все остальное... Послушай, если я что-нибудь понимаю и знаю, так это вот что: жизнь — это поиски удачи. Стоит только поверить этому, и ты найдешь то, что ищешь. Сейчас. Или потом. Но непременно найдешь.

— Возможно, и так, — осторожно согласился Тарен, — но вдруг это твое потом придется ждать слишком долго? Или удача вообще никогда не придет?

— Что ж, пусть будет так, как будет, — спокойно ответил Ллонио. — Но если я буду терзаться о завтрашнем дне, то украду у себя радость дня сегодняшнего.

Говоря это, он быстро вскарабкался на запруду, которая, как теперь сумел разглядеть Тарен, не перегораживала течение реки, а, словно сито, процеживала и фильтровала мерно текущие воды. Балансируя на верху этой странной решетчатой стенки, Ллонио сейчас был еще больше похож на длинноногого журавля. Он подскакивал, когда волна перехлестывала через верх запруды, наклонялся, запускал руки в воду и шарил там. Вдруг он радостно вскрикнул и возбужденно замахал руками, подзывая Тарена.

Тарен поспешил к нему, осторожно ступая по прочной, но все же пружинно прогибающейся под ним запруде. Когда он разглядел то, что вызвало такую бурную радость Ллонио, лицо его вытянулось от удивления и

разочарования. Ллонио победно размахивал выброшенной кем-то за ненадобностью, разбухшей от воды лошадиной уздой.

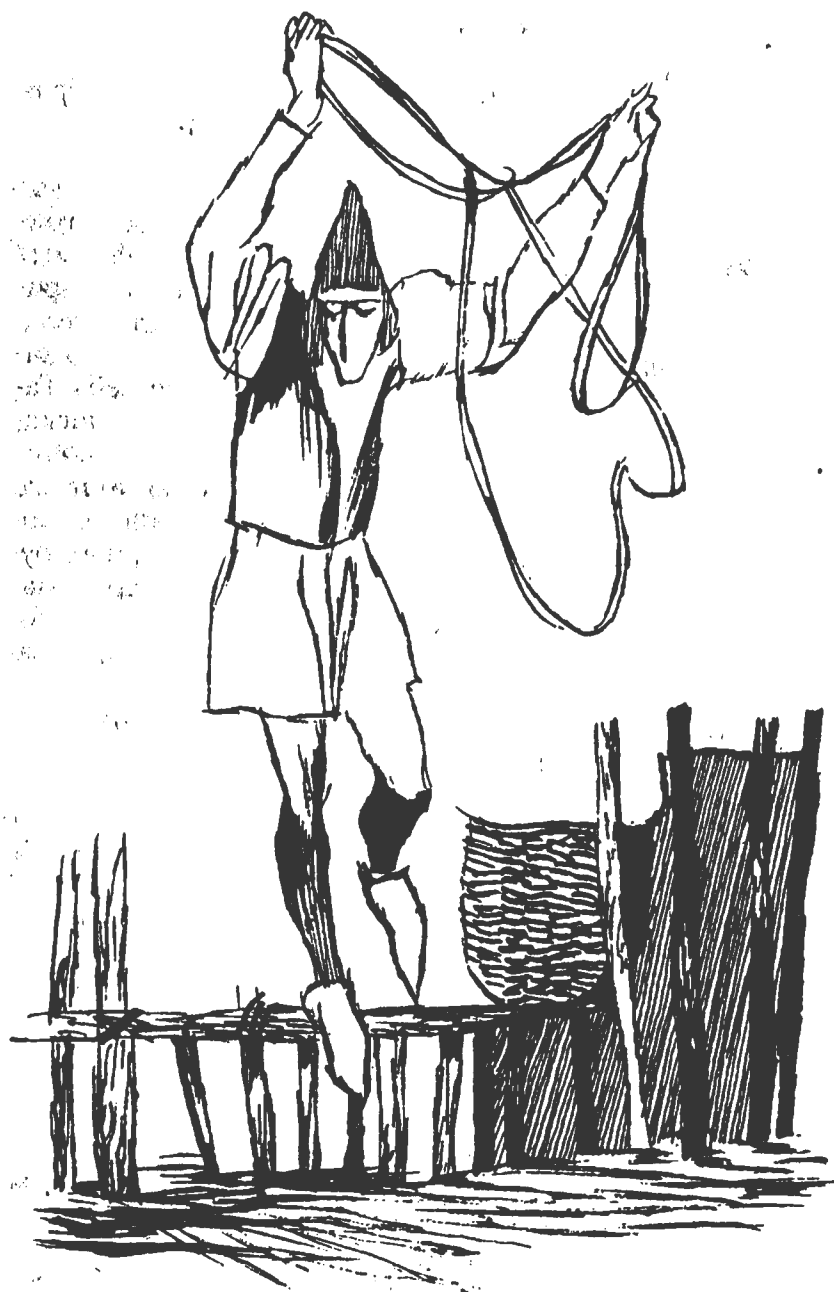
— Да-а,— уныло протянул Тарен,— немного пользы от этой рухляди. Удила потеряны, поводья перетерты.

— Пусть так, пусть так,— твердил Ллонио, сосредоточенно вертя в руках ременный обрывок.— Малышка Аврен подарила нам это, а значит, никому не нужная узда как-нибудь да послужит мне.— Он повесил промокшую узду на плечо, спрыгнул с запруды и длинными журавлиными шагами направился к роще, которая начиналась сразу же от прибрежных кустов. Тарен поспешал за ним со все возрастающим любопытством.

Через некоторое время Ллонио, чьи острые глаза бесконечно рыскали всюду — по земле, по деревьям, даже по высоким и мелким облачкам в небе,— вдруг радостно закричал и остановился под искривленным ветрами вязом. Среди выступающих из земли корней, растекаясь плотным ковром вокруг, росли грибы.

— Собирай, собирай их, Странник! — торопил Тарена этот неунывающий человек.— Вот наш сегодняшний ужин. Самые прекрасные грибы, какие я когда-либо видел! Нежные и вкусные! У нас сегодня настоящая удача! — Ллонио быстро наполнил грибами мешок, висящий у пояса, и поспешил дальше.

Следуя за петлявшим между деревьями Ллонио, Тарен не переставал удивляться этому неутомимому в своих поисках человеку. А Ллонио то нагибался и срывал какие-то травы и коренья, то вытягивался во весь рост, вздымал вверх тощие длинные руки и срывал с верхних ветвей дерева желудь или дикое яблоко. Так они пробродили до самого вечера, и Тарен даже не успел заметить, как угас этот, казалось, нескончаемый день. Мешок Ллонио был набит битком, и они отправились домой. Но шли теперь не той тропинкой, по которой попали сюда, а делали большой круг. Ллонио, словно бы и не уставший за день, почти бежал вприпрыжку легкой неслышной походкой. Тарен, торопившийся сле-

дом, вдруг споткнулся о выступающий из земли камень и полетел кувырком.

— Ты удачливее меня,— засмеялся Тарен, потирая ушибленное колено,— тебе достались грибы и травы, а мне лишь пара синяков.

— Не совсем так, не совсем так! — запротестовал Ллонио, торопливо счищая глину с камня.— Посмотри-ка теперь! Видал ли ты камень такой чудесной формы? Круглый, как колесо, и гладкий, как яйцо. Плод, взращенный ветром. Нам остается только подобрать его.

«Этот плод ветра самый твердый и тяжелый, на какой я когда-либо натыкался», — улыбнулся про себя Тарен. А Ллонио уже скреб и копал землю вокруг плоского камня. Тарен присоединился к нему, и они в конце концов выковыряли камень и, кряхтя, потащили его к хижине. Там Ллонио вкатил находку под навес, который уже ломился от всевозможных сломанных рукояток от лопат, мотков веревки, лоскутов старой материи, обрывков ремней и дырявых попон — всего того, что принесли корзины, зацепили сети и уловила запруда.

И вот уже булькали в котле над очагом грибы, приправленные какими-то травами и горстью овощей, принесенных детьми. Из-под крышки котла неся такой аромат, что Гурджи и Тарену не требовалось лишнего приглашения. Они набросились на еду и только удивлялись, как это Гоевин удается состряпать такую вкусную еду почти из ничего? После ужина Тарен посидел со всей семьей у очага за неторопливой и спокойной беседой, а Гурджи, наевшийся до отвала, тут же захрапел на соломенной подстилке у его ног. И Тарен впервые за много дней спал в эту ночь глубоко и без снов.

Утро было ярким, свежим и бодрящим. Тарен проснулся, когда солнце уже поднялось довольно высоко. Накануне он собирался отправиться в путь, однако вдруг передумал и не стал седлать Мелинласа. Ему интересно было понаблюдать жизнь этой дружной и не теряющей веселости и надежды семьи. Так же, как и вчера, он отправился вместе с Ллонио обследовать

запруду. И если прошлым днем она была пуста, то ночной улов оказался удачным. В переплетении ивовых веток запруды застрял небольшой мешок пшеницы. Его несло по течению на большой коряге, и вода почти не проникла внутрь. Зерно высушили на солнце, и Гоевин без промедления выволокла из-под навеса огромный камень, служивший ей ручной мельницей, и собралась молоть муку. Все, даже самые малые дети и сам Ллонио, приняли участие в этом деле. Тарен и Гурджи вызвались помогать. Впрочем, занятие оказалось не из легких.

— О, мучное мученье! — причитал Гурджи. — Бедные руки и пальцы Гурджи! В каждой их дольке живут больки!

К тому времени, когда все зерно было смолото, уже стало темнеть, и Ллонио предложил гостям остаться на ночлег. Тарен не отказался. Он признался себе, что ему жаль покидать этот дом, и, приняв приглашение Ллонио, тут же растянулся у теплого очага. Тепло и покой охватили его душу.

И еще несколько дней Тарен и Гурджи пользовались гостеприимством добродушного Ллонио. Дети, которые поначалу стеснялись Тарена, теперь подружились с ним и льнули к нему и шалили не меньше, чем с Гурджи. Вместе с Ллонио Тарен каждое утро навещал и обследовал сети, корзины, запруду. Иногда они возвращались с пустыми руками. Но нередко приходили нагруженные самыми странными вещами, которые приносили ветер и течение. Поначалу Тарен не видел никакой ценности в этом, как он считал, ненужном хламе, но Ллонио с легкостью находил применение почти каждой находке. Колесо от телеги превращалось в прядильное колесо, обрывки лошадиной упряжи становились поясками для детей, из седельной сумки выходили отличные башмаки. И вскоре Тарен понял, что чуть ли не весь обиход семьи возник из найденных, уловленных и приспособленных вещей, показавшихся бы любому другому ничкемной ерундой. В этом доме всё — и обычное куриное яйцо, и птичье перышко, нежное, как папоротнико-

вый листок, и горстка грибов — ценилось как самая большая драгоценность.

— В каком-то смысле,— говорил Тарен Гурджи,— Ллонио богаче, чем лорд Гаст. И не только богаче. Он, мне кажется, самый счастливый человек в Прайдене. Я не завижду ничьему богатству,— вздохнул Тарен,— но мне хотелось бы во всем видеть удачу, как это получается у Ллонио.

Когда он повторил эти же слова Ллонио, тот только усмехнулся и подмигнул ему.

— Как поймать удачу, Странник? Когда-нибудь я открою тебе этот секрет.— Больше Ллонио ничего не сказал.

Но одной вещи Ллонио пока не нашел применения. Тарен долго ходил вокруг найденного ими плоского камня, и у него крутилась в голове одна забавная мысль.

— Интересно,— бормотал он,— интересно, не может ли он послужить для помола зерна получше, чем ручная мельница?

Ллонио удивился и очень обрадовался.

— Ты что-то придумал? — восторженно воскликнул он.— Тогда скорее принимайся за дело!

Все еще обдумывая свою идею, Тарен в одиночестве бродил по лесу, пока не наткнулся на другой камень, почти такой же формы и величины, что и первый.

— Да, это уже моя удача! — смеясь, говорил он Ллонио, помогавшему ему тащить камень к навесу.

Ллонио поощрительно улыбался.

— Именно так, именно так,— повторял он.

Несколько дней кряду Тарен и с удовольствием помогавший ему Гурджи работали, не разгибая спины. В углу под навесом Тарен врыл в землю один камень, а другой положил на него сверху. В верхнем камне он проскреб, просверлил, пробил отверстие и, используя старую кожаную упряжь, вставил в отверстие длинный шест, который выходил наверх через отверстие в крыше навеса. На верхушке шеста он прикрепил три узкие доски, а на них растянул большие куски материи.

— Но это не мельница! — удивился Гурджи, оглядывая готовое сооружение. — Это корабль для скачки и качки по волнам! Вот мачта! Вон парус!

— Поглядим, поглядим, — сказал довольный своей выдумкой Тарен.

Он позвал Ллонио, и вся огромная и шумная семья собралась перед непонятной постройкой. Но вот подул небольшой ветерок. Грубо сшитый парус поймал это движение ветра. Похожий на мачту шест задрожал и закрипел. Мгновение Тарен стоял, не дыша и опасаясь, что все это неуклюжее создание рук его рухнет им на головы. Но мачта держалась, паруса наполнились ветром и, словно крылья гигантской птицы, медленно расправились, повернулись и постепенно завертели шест все быстрее и быстрее. Внизу, под навесом, верхний камень заскользил по нижнему. Гоевин поспешила бросить горсть зерен между камнями, и мельница Тарена заработала. Не прошло и нескольких мгновений, как появилась мука. Помол оказался намного тоньше, чем в ручной мельнице. Дети хлопали в ладоши и радостно кричали. Гурджи вопил и кувыркался. А Ллонио смеялся до слез и пританцовывал на своих журавлиных ногах.

— Странник, — кричал он, — ты сотворил из малого многое! И сделал это лучше, чем когда-либо получалось у меня!

Следующие несколько дней мельница не только молола зерно — Тарен приспособил ее для точки инструментов, и Ллонио был в полном восторге. Да и сам Тарен, глядя на дело рук своих, почувствовал, что в нем в первый раз с тех самых пор, как он покинул долину Краддока, зашевелилась гордость. И в то же время его одолевали сомнения.

— Видишь ли, Гурджи, — говорил он, гуляя со своим лохматым другом по берегу реки, — казалось бы, что мне нужно? Остаться бы здесь, где я нашел мир и дружбу, где мог бы найти надежду на счастье. Здесь раны моего сердца перестают болеть и словно бы затягиваются. — Он помолчал и вдруг встрепенулся. — И все же не смогу я жить жизнью Ллонио, довольного тем,

что приносит ему Малышка Аврен. Я стремлюсь искать сам и находить больше. Что я ищу, не знаю. Но, увы, я знаю, что здесь я этого не нашел и не найду.

Приняв решение, Тарен отправился к Ллюнио и твердо сказал ему, что должен вновь отправиться в путь. На

этот раз, понимая, что Тарена не удержишь, Ллонио не просил его остаться. Они обнялись и пожелали друг другу удачи.

— И все же,— сказал Тарен, уже вскочив на Мелинласа,— ты так и не открыл мне свою тайну, не рассказал, как поймать удачу.

— Тайну? — засмеялся Ллонио.— Разве ты уже не догадался? Ну что ж, секрет моей удачи прост, он доступен каждому — мне, тебе, любому человеку. Необходимо только обострить свой глаз, чтобы не прозевать миг удачи, и заострить свой ум, чтобы разумно использовать то, что плывет тебе в руки. Вот и всё.— Он снова рассмеялся и помахал рукой на прощание.

Тарен отпустил поводья Мелинласа и медленно поехал от берегов Малышки Аврен. Гурджи ехал рядом на своем пони. Когда Тарен обернулся, чтобы послать последний привет Ллонио и его дому, тот прокричал:

— Доверься своей удаче, Тарен Странник! Но не забывай раскидывать сети!

Глава восемнадцатая

СВОБОДНЫЕ КОММОТЫ

От быстро бегущей речушки — Малышки Аврен, как ее называл Ллюнио, они легким шагом двинулись на восток. Путешествие длилось не один день. Они устраивали привалы и ночевки прямо на мягкой траве, останавливались и в попадающихся на пути хижинах, заезжали на хутора и усадьбы, раскинувшиеся среди богатых зеленых долин. Это уже была земля Свободных Коммотов с крепкими домами, окруженными старательно обработанными полями и сочными пастбищами. Тарен убедился, что Народ Коммотов добр и гостеприимен. Хоть он и называл себя с легкой руки Ллюнио Тареном Странником, жители встречных деревень уважали его тайну и ничего не спрашивали ни о месте его рождения, ни о цели путешествия.

Однажды Тарен и Гурджи оказались на окраине селения Коммот Кенартт. Тарен осадил Мелинласа у длинного, с низкой крышей навеса, откуда неслись гулкие удары молота по наковальне. Под навесом стоял

кузнец, бородатый здоровяк с мощной, широкой и выпуклой грудью, вздымающейся под кожаным фартуком, словно бочка. Покрытое сажей лицо с обожженными ресницами. Огромная копна волос, жестких, как щетка. Искры дождем сыпались на его голые плечи, но он обращал на них внимания не больше, чем на безобидных светлячков. Кузнец во весь голос орал веселую песню, и казалось, будто бьют камнем по медному щиту. Без передышки кузнец бил и бил молотом по наковальне, и Тарен, восхищенно глядя на него, подумал, что, наверное, у этого человека легкие не меньше кузнечного меха. Гурджи опасливо отступил от вырывавшегося из-под навеса фейерверка искр, а Тарен сложил руки у рта и сквозь гром ударов прокричал слова приветствия.

Кузнец услышал его и отложил молот.

— Мастер Кузнец,— сказал Тарен, кланяясь,— меня зовут Тарен Странник, я странствую по свету, чтобы научиться ремеслу, которое помогло бы мне зарабатывать на хлеб. Немного знаю я о твоём искусстве и прошу тебя научить меня всем его премудростям. Нет у меня ни золота, ни серебра, чтобы заплатить тебе, но я готов с радостью выполнять любую работу.

— Убирайся! — загремел кузнец.— Я занят, и нет у меня времени на то, чтобы обучать всяких бродяг!

— У тебя нет времени? — переспросил Тарен, пристально глядя на здоровяка с молотом.— Но слышал я, что человек может называться истинным мастером, только научив своему искусству других.

— Стой! — рявкнул кузнец, видя, что Тарен собирается уходить.— Стой! — поднял он молот, будто собирался швырнуть его в голову Тарену.— Ты сомневаешься в моем мастерстве? Да я за меньшее оскорбление мог бы расплющить тебя на наковальне, как лягушку! Мастерство? Никто среди Свободных Коммотов не искусен в кузнечном деле, как Хевидд, сын Гирваса!

С этими словами он схватил щипцы, вытащил из режущего горна полосу докрасна раскаленного железа и принялся ковать такими мощными и быстрыми ударами молота, что Тарен не успевал следить за мелькающей мускулистой рукой Хевидда. На глазах у изумлен-

ного Тарена узкая полоска превратилась в цветок боярышника, каждый лепесток которого словно бы просвечивал и казался живым.

Тарен онемел от восхищения.

— Никогда не видел так ловко и точно сделанной работы.

— И нигде никогда не увидишь,— ответил Хевидд, стараясь спрятать в бороде довольную улыбку.— Но что это ты бормотал о том, будто немного знаешь о кузнечном деле? Правильно ли я понял, что ты знаешь, как придать форму металлу? Может быть, тебе известен какой-нибудь особый секрет? Даже я постиг не все тайны мастерства,— он вдруг гневно тряхнул взъерошенной головой.— Самые тонкие из них скрыты. Они украдены Аровном — лордом Земли Смерти — и спрятаны в Аннуине. Они потеряны навсегда. Потеряны для Прайдена.

Кузнец поманил Тарена под навес.

— Возьми вот это,— приказал он, всовывая щипцы и молот в руки Тарену.— Попробуй перековать этот цветок снова в плоскую и гладкую пластину. И пошевеливайся, пока металл не остыл. Покажи мне, какая сила в твоих цыплячьих крылышках!

Тарен подошел к наковальне и, вспомнив всё, чему когда-то учил его Колл, попытался расплющить быстро остывающее железо. Кузнец сложил на груди свои огромные руки и некоторое время придиричиво наблюдал за Тареном. Потом громогласно расхохотался.

— Ладно, хватит! — сказал Хевидд.— Ты не соврал. О нашем ремесле ты и вправду знаешь мало. Но,— почесал он бороду большим пальцем, почти таким же толстым, как кулак Тарена,— вижу, кое-что ты смыслишь.— И уже мягче добавил: — Но хватит ли у тебя мужества сразиться с ревающим пламенем и раскаленным железом, имея в руках только щипцы и молот?

— Научи меня ремеслу,— ответил Тарен.— Мужеству обучать меня не надо.

— Отлично сказано! — закричал Хевидд, бухая своей ручищей Тарена по спине.— Ты на славу закалишься в моей кузнице! Доверься мне, и я обещаю сделать из тебя кузнеца. А теперь, для начала...— Он кинул взгляд на

пустые ножны на поясе у Тарена.— Ты когда-то, кажется, носил меч?

— Когда-то, это верно,— ответил Тарен,— но он давно потерян. Теперь я путешествую безоружным.

— Тогда ты должен отковать себе меч,— заявил Хевидд.— И когда сделаешь его, скажешь мне, какое дело труднее: убивать или ковать?

Ответ на этот вопрос Тарен узнал, нет, почувствовал довольно скоро. Несколько следующих дней были, пожалуй, самыми утомительными в его жизни. Сначала он взялся за одну из множества лежащих на полу уже выкованных железных полос и собирался одну из них перековать в клинок для меча.

— Э, так не пойдет! — остановил его кузнец.— Разве это начало, когда половина работы уже сделана? — Он презрительно фыркнул.— Нет, мой мальчик, ты выкуешь меч с начала и до конца.

И Тарен начал сначала. Первым делом он заготовил для горна древесных углей. Потом с рассвета и до заката раздувал и поддерживал огонь в горне до тех пор, пока зев горна не превратился в огнедышащую пасть чудовища, которое никак не может насытиться. Но и тогда еще рано было браться за кузнечный молот. Хевидд заставил Тарена сгребать в чреве горна в плотную горку куски руды, которые медленно плавились, истекая раскаленным добела металлом. И к тому времени, когда была отлита первая пластина, лицо и руки Тарена стали багровыми от огня и покрылись черной копотью. Кисти покрылись волдырями, и казалось, что ни одного кусочка живой, не саднящей кожи на ладонях не осталось. Спина разламывалась. В ушах от рева пламени, грохота молота и громоподобных выкриков кузнеца стоял непрерывный звон. Гурджи, которому было поручено раздувать мехи, держался молодцом. Он не стонал, не хныкал и не дрожал даже тогда, когда снопы искр окутывали его лохматую голову, жар пламени опалял шерсть на голове и руках. Вскоре он уже выглядел так, будто стаи птиц общипали его, вырывая клочки шерсти для своих гнезд.

— Горн — вот оно, пламя жизни! — выкрикивал кузнец, пока Тарен, обливаясь потом, бил по глухо позвякивающей полоске металла. — Молот — вот она, сила жизни! — гудел кузнец. — Наковальня — вот она, крепость жизни! Тебя будут жарить, расплавлять, дубасить, но ты не поддавайся, сопротивляйся этому! Теперь ведь ты знаешь, что металл бесполезен до тех пор, пока ему не придали форму и не закалили!

Несмотря на усталость, которая заставляла его валиться в конце дня на соломенный тюфяк на сеновале, Тарен чувствовал, что душа его оживает, сердце бьется ровнее, а бодрое настроение не покидает даже в самые трудные моменты работы. Простая полоска раскаленного металла мало-помалу принимала форму клинка. Тяжелый молот, казалось, с каждым разом становился еще тяжелее. Но вот последние удары, угасающий звон наковальни... Тарен отбросил молот в сторону и поднял выкованный меч. Ровный и острый клинок сверкнул в алом свете горна.

— Прекрасное оружие, мастер Хевидд! — в восторге вскричал Тарен, любуясь делом рук своих. — Пожалуй, не хуже моего прежнего!

— Ну и что? — равнодушно откликнулся кузнец. — Ты уверен, что хорошо справился с работой? Неужели ты доверишь свою жизнь неиспытанному клинку? — Он ткнул пальцем в сторону деревянного чурбана в самом углу кузницы. — Ударь покрепче, — велел он. — Острием, краем и плоско.

Тарен уверенно взмахнул мечом и резко опустил его на чурбан. Клинок задрожал от могучего удара, что-то хряснуло, звякнуло, и Тарен вдруг с изумлением обнаружил, что держит в руке рукоять с неровным железным обломком. Осколки выкованного им клинка валялись у ног. Готовый разрыдаться, Тарен обернулся к Хевидду. Тот громко расхохотался.

— О-го-го! — заливался кузнец, совершенно не расстроенный неудачей Тарена. — Неужели ты рассчитывал с маху сделать достойный клинок?

— Что же мне теперь делать? — растерялся Тарен.

— Вот именно, делать! — ответил кузнец. — Начать делать новый!

И Тарен начал всё сначала. Но теперь он уже не тешил себя радужными надеждами. Работал мрачно и упрямо. Но еще больше пал духом, когда Хевидд велел ему выбросить и два следующих клинка, даже не давая их закалить, потому что посчитал безнадежно испорченными. Дым от горячего металла въелся в ноздри и легкие и придавал даже еде кислый привкус гари. Тарен поспешно проглатывал скудный обед и снова устремлялся к горну. Он окунал откованную болванку в чан с водой, закаливая металл, и клубы горячего пара били в лицо и душили его. Постоянный гул и грохот сотрясали все тело и проникали внутрь, словно бы перемалывая каждую частичку тела. В конце концов ему стало казаться, что не клинок, а он лежит на наковальне и по его голове бьют, бьют, бьют тяжелым молотом.

Следующий выкованный им клинок показался ему отвратительным. Впадины, неровные вмятины и полосы. Этот уродец совсем не напоминал прежнего меча, удивительно изящного и прекрасно отполированного, сияющего, словно луч солнца. Тарен и это свое изделие уже собирался с отвращением откинуть в сторону. Но кузнец, внимательно осмотрев черный от окалины клинок, приказал закончить его.

— Вот этот может хорошо послужить тебе, — сказал Хевидд уверенно, не обращая внимания на недоверчивый взгляд Тарена.

И вновь Тарен подошел к деревянному чурбану и поднял меч. Стараясь сломать этот грубо выкованный клинок, он что было силы рубанул им иссеченную колоду. Клинок зазвенел гулко и протяжно, как колокол. А чурбан раскололся надвое.

— Та-ак, — протянул Хевидд. — Этот меч стоит носить.

Он прихлопнул Тарена обеими руками по плечам и прогремел:

— В этих цыплячьих крылышках появляется настоящая сила! Ты испытал себя так же, как испытывал свой клинок. Оставайся, парень, и я научу тебя всему, что знаю.

Тарен некоторое время молчал, глядя без всякой гордости на выкованный им клинок.

— Ты уже научил меня многому,— наконец сказал он Хевидду.— Я благодарен тебе, хотя и понял, что не обрету то, что надеялся обрести. Не получилось из меня настоящего кузнеца.

— Эй, эй, парень!— вскричал Хевидд.— У тебя есть задатки настоящего мастера. А такое нечасто можно отыскать во всем Прайдене.

— Мне приятно слышать эти слова от тебя, мастер,— ответил Тарен.— Но в глубине души я знаю, что это не мое ремесло. Что-то влечет меня дальше. Я должен продолжать искать свою судьбу, как бы мне ни хотелось остаться у тебя.

Кузнец молча покивал.

— Странник,— задумчиво сказал он.— Хорошее прозвище у тебя, парень. Странник. Пусть будет так. Я никогда и никого не принуждаю идти против влечения собственного сердца. Сохрани этот меч в память обо мне и в знак моей дружбы. Он по-настоящему твой, потому что ты выковал его собственными руками.

Тарен грустно усмехнулся, глядя на грубо сделанный клинок.

— Это простое, неблагородное оружие как раз подходит мне, неизвестному страннику,— сказал он.— Он был бы не такой неуклюжий, сумей я сделать до него дюжину мечей.

— Дюжину? — фыркнул кузнец, провожая Тарена и Гурджи.— Дюжину? Какая разница, сколько ты выковал мечей? Главное, как тебя выковала кузница! Я же говорю, что кузница — это жизнь! Не отворачивай лицо от опаляющего тебя огня! Не бойся испытаний, и ты отлично справишься с любым молотом и наковальней!

Хевидд Кузнец долго махал им вслед своей закопченной пятерней. Неутомимые путники направили своих коней на север. Они неуклонно продвигались вперед по богатой долине Великой Аврен. Несколько дней пути мимо ухоженных полей, небольших хуторов и живо-

писных рощиц привели их на окраину большого селения Коммот Гвенит. Тут внезапно хлынул сильный ливень, и они, пришпорив коней, галопом понеслись к первому попавшемуся на глаза убежищу.

Это было, казалось, беспорядочное скопление амбаров, конюшен, курятников. Разномастной и разновеликой толпой они будто бы разбрелись в разные стороны. Но когда Тарен спешился и поспешил к хижине, затесненной среди этого скопища построек, он понял, что все они связаны переплетением узких дорожек и любая из них непременно вывела бы его к двери, которая открылась за мгновение до того, как он постучал.

— Добро пожаловать,— задребезжал слабый голосок, будто веточка в огне треснула.

Гурджи первым нырнул в дверь, спасаясь от потоков дождя. Тарен вошел следом и увидел согбенную старую женщину в сером невзрачном платье, кивком приглашающую их к очагу. Ее длинные распущенные волосы были такими же белыми, как и висевшая у нее на поясе заплетенная косицами шерсть. Тонкие и костистые, словно два веретена, ноги выглядывали из-под подола ее платья. Лицо женщины было покрыто густой сетью морщин, щеки ввалились, но эта старая женщина вовсе не казалась слабой и немощной. Время и жизнь высушили и закалили ее, будто корень векового дерева. Серые небольшие глаза ее оставались яркими и остро поблескивали, будто пара новеньких булавочных головок.

— Я Двивач Ткачиха,— ответила она, когда Тарен вежливо поклонился и назвал себя.— Тарен Странник, говоришь? — повторила она, сочувственно улыбнувшись.— По тебе и в самом деле видно, что ты немало побродил по свету. Бродить тебе приходилось много, мыться выпадало гораздо меньше. Все невзгоды пути я вижу на твоем лице так же ясно, как основу и уток на моем ткацком станке.

— Да, да! — обрадовался Гурджи.— Смотри, нитки и перевитки, мотки и узелки! Их так много, что бедная, слабая голова Гурджи не выдерживает этого круженья и кружевенья!

Теперь и Тарен заметил высокий ткацкий станок, стоящий, как громадная арфа с тысячью струн, в углу хижины. Вокруг него громоздилась гора катушек и ниток всех цветов, с боковых стоек свисали мотки пряжи, шерсти и льна, по стенам хижины были развешаны куски законченной материи, некоторые из которых пестрели яркими красками, другие удивляли замысловатым узором, третьи успокаивали глаз чистотой цвета и про-

стотой рисунка, но были и такие, что вызывали небывалый восторг тонкостью и неуловимым мастерством, словно бы не сотворены они руками, а созданы самой природой. Тарен изумленно оглядывал это бесконечное разнообразие, потом повернулся к ткачихе из Гвенита.

— Твое мастерство превосходит все, что я когда-либо видел и знал,— воскликнул он с восхищением.— Расскажи, как творится такая работа?

— Рассказать? — хихикнула ткачиха.— Мои уста устали прежде, чем твой слух насытится. Но если ты согласишься, то увидишь.

С этими словами она проковыляла к станку, взобралась на скамейку перед ним и с удивительным проворством принялась двигать деревянный челнок взад и вперед, непрерывно нажимая ногами на педали внизу и едва взглядывая на работу своих рук. Наконец она остановилась, подняла голову и впиалась своими серыми булавочными глазками в Тарена.

— Вот как это делается, Странник,— сказала она,— нитка за ниткой, узелок за узелком, но каждая вещь по своему.

Восхищению Тарена не было предела.

— Этому я бы с радостью научился,— страстно сказал он.— Искусство кузнеца не стало моим. Может, ремесло ткача мое? Не возьмешься ли ты научить меня?

— Я это сделаю, раз ты просишь,— ответила Дви-вач,— но предупреждаю: одно дело — восхищаться куском прекрасно сотканной материи и совершенно другое — самому сидеть за станком.

— Благодарю тебя! — воскликнул Тарен.— Я не боюсь работы. У Хевидда Кузнеца я не отшатнулся от пламени горна, не сторонился раскаленного железа, а ткацкий челнок, думаю, будет легче, чем кузнечный молот.

— Ты так думаешь? — спросила ткачиха с сухим смешком, который прозвучал, как короткий звон оборванной шелковинки.— Ладно, что для начала будешь ткать? — хитро прищурилась она.— Ты называешь себя Тареном Странником? Тарен Оборванник, такое прозвище подошло бы тебе гораздо больше. Не хочешь ли

соткать себе новый плащ? Тогда тебе будет что накинуть на плечи, а я погляжу, каково проворство и мастерство твоих пальцев.

Тарен с готовностью согласился. Но на следующий день, вместо того чтобы учить его ткать, Дзивач провела обоих друзей в одну из многочисленных комнат, которая, как увидел Тарен, просто ломилась от наваленной здесь горы шерсти.

— Разберите шерсть, вытащите колючки, выдерните репейники,— приказала ткачиха.— Расчешите, разгладьте осторожно, чтобы твой плащ, Странник, был соткан из шерсти, а не из чертополоха.

Непомерная работа повергла Тарена в отчаяние. Ему казалось, что никогда не сможет он выполнить ее. Но они с Гурджи безропотно принялись за дело. Дзивач помогала им. Старая ткачиха весело подтрунивала над неумелыми работниками, а взгляд у нее был такой острый, что малейшая оплошность не ускользала от ее пронизательных булавочек-глаз. Она замечала малюсенький узелок, каждое пятнышко или едва видимый изъян и обращала внимание Тарена на эту погрешность в его работе не окриком, не словом, а резким и болезненным ударом веретена по костяшкам его пальцев. Но всего болезненней Тарен воспринимал не эти удары, а то, что эта сухонькая женщина, несмотря на годы, работает быстрее, проворнее его и, самое главное, совершенно неустоима в работе. К концу дня в глазах Тарена плыл туман, вспухшие и ободренные пальцы саднили, а голова устало клонилась на грудь, будто после тяжелой и многочасовой битвы с множеством врагов. А старая ткачиха оставалась такой же живой и быстрой, словно день ее только начинался.

И все же эта часть работы в конце концов была завершена и чистая шерсть лежала аккуратными кучками. Но теперь неугомонная Дзивач усадила Тарена перед огромной прялкой.

— Самая прекрасная шерсть бесполезна, пока не скручена в нить, не превратилась в моток пряжи,— сказала она.— Постигни и эту прядильную работу.

— Кручение, верчение, прядение,— недовольно ворчал Гурджи.— Это женская работа! Она не пристала смелым и умным ткачам!

— Неужто? — фыркнула Двивач.— Частенько мужчины жалуются, что работа не по ним, женская, а женщины, наоборот, хнычут, что приходится выполнять мужскую работу. Слыхала, и не раз. Но слышала я и то, что *работа*, бывает, жалуется на нерадивых работников!

Она ухватила костистыми пальцами Гурджи за ухо и заставила его сесть рядом с принявшимся за дело Тареном.

Под неусыпным наблюдением Двивач Тарен и Гурджи несколько дней подряд без передышки пряли нити и наматывали их на катушки. Присмиривший после отповеди ткачихи Гурджи старался изо всех сил, хотя то и дело запутывался в длинных нитях, цеплявшихся за его шерсть.

Но вот и эта работа пришла к концу. И Двивач повела их в сарай, где на огне кипели горшки с краской. Здесь Гурджи так извозился, что можно было подумать, будто он намотал на себя целую радугу. Правда, и Тарен ненамного отстал от него. Когда пряжа была наконец выкрашена, он был с ног до головы разукрашен разноцветными пятнами.

Лишь после того, как шерсть была перебрана, пряжа готова и выкрашена, Двивач привела Тарена в ткацкую. Здесь руки его опустились, хорошее настроение сильно поуясло: станок стоял пустой, словно голое осеннее дерево.

— Ну что ж,— деловито проворковала ткачиха, не обращая никакого внимания на растерянный взгляд Тарена,— в станок первым делом надо заправить нить. Разве я не говорила тебе, что все делается шаг за шагом, пядь за пядью, прядь за прядью?

— Хевидд Кузнец повторял мне, что жизнь — это кузница, где всегда есть и молот, и наковальня, и опаляющий горн,— вздохнул Тарен, усердно пытаясь посчитать бесчисленное множество нитей,— и я думаю, что отлично закалюсь до той поры, пока мой плащ будет готов.

— Жизнь — кузница? — хмыкнула ткачиха. — Не-ет, ткацкий станок — вот жизнь, где нити дней твоих сплетены в замысловатый узор. Мудр тот, кто научится распознавать этот рисунок. Но если ты все же хочешь иметь новый плащ, то лучше побольше работать и поменьше болтать. Или ты надеешься, что сбегутся сюда пауки и мигом сплетут тебе одежду из паутины?

Тарен выбрал узор и заправил концы пряжи в станок. Он старательно водил челноком, пытался понять суть и смысл работы, но видел лишь бессмысленную и непонятную путаницу нитей. Ткань появлялась мучительно медленно, и к концу дня высунулся язычок материи величиной с ладонь.

— Неужели когда-то я мог считать ткацкое дело пустячным и легким занятием для слабых женщин? — сокрушался Тарен. — Нет, этот маленький деревянный челнок гораздо тяжелее, чем молот, щипцы и наковальня вместе взятые!

— Не челнок тяжел, — усмехнулась Двивач, — но твое неумение — тяжелая ноша, Странник. Мастерство — вот тот секрет, которым можно облегчить любую ношу.

— Открой мне этот секрет! — вскричал Тарен. — Научи, или я никогда так и не сделаю свой плащ!

Но Двивач только улыбалась.

— Секрет прост, Странник. Терпение. Им все начинается и кончается. И научиться этому ты должен сам.

Тарен с мрачным лицом вернулся к работе, уверенный, что станет таким же древним, как Двивач, пока закончит ткать свой плащ. Однако постепенно, когда руки его привыкли, челнок стал снова туда-сюда в переплетении нитей, словно рыбка между водорослями. Лоскут материи на станке все удлинялся и удлинялся. И хоть Двивач похваливала его, сам Тарен своими успехами был не очень доволен.

— Узор, — бормотал он, нахмурясь, — он... даже не знаю... как-то не радует меня.

— Что ж, Странник, — согласилась ткачиха, — никто не заставлял тебя, приставив меч к горлу. Выбор узора был твой собственный.

— Это так, конечно,— согласился Тарен,— но теперь, когда я взгляделся в него, то хотел бы выбрать другой.

— Ага, ага,— проговорила Двивач со своим коротким сухим смешком,— в этом случае ты должен будешь выбрать одно из двух. Или заканчивай плащ, которым ты будешь недоволен, или распусти сделанную ткань и начни всё снова. Потому что станок делает лишь тот узор, какой ему задан сначала.

Долго Тарен глядел на творение рук своих, потом глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Пусть будет так. Я начну новый.

Следующие несколько дней он уныло вытаскивал из станка нити и вправлял новые. Зато после того, как Тарен проделал все это и начал ткать заново, он с радостью увидел, что материя растет намного быстрее, чем прежде. Руки его постепенно овладевали мастерством, а им самим овладевало хорошее настроение. Когда плащ был соткан, Тарен с гордостью поднял и расправил его на руках.

— Этот гораздо лучше прежнего! — воскликнул он.— Но теперь, надевая плащ, я всегда буду помнить о тысячах нитей, из которых его соткали!

Гурджи издал победный вопль, а Двивач одобрительно покивала головой.

— Хорошо соткано,— сказала она. Взгляд ее острых булабочных глазок смягчился, и казалось, она тихо улыбалась про себя.— В твоих пальцах появилось мастерство, Странник,— промолвила она с непривычной мягкостью и почти нежностью.— Из тебя можно бы сделать одного из лучших ткачей в Прайдене. Правда, мое веретено частенько проходило по костяшкам твоих пальцев, но, согласишься, не поучив, не научить. Живи, если хочешь, в моем доме, работай на моем станке, и я научу тебя всему, что знаю сама.

Тарен долго колебался с ответом, и ткачиха, улыбнувшись, заговорила снова.

— Я знаю, что у тебя на сердце, Странник,— сказала она.— Путь молодого человека беспокоен, и молодой девушки тоже... Я стара, но все же кое-что помню.— Она хитро улыбнулась.— По твоему лицу вижу, что ты

стремишься в дорогу и не желаешь оставаться в Коммот Гвенит.

Тарен согласно кивнул.

— Я хотел стать кузнецом, надеялся стать ткачом. Но ты верно угадала: это не тот путь, по которому мне суждено идти.

— Тогда распрощаемся,— ответила ткачиха.— Но предупреждаю тебя,— добавила она своим резким, словно треск сухой веточки, голоском,— узор, который выткан на полотне жизни, не распустишь так же легко, как на ткацком станке.

И снова Тарен и Гурджи двинулись в путь. Они упорно продолжали ехать на север. Вскоре Коммот Гвенит остался далеко позади. Хотя на плечах Тарена был новый плащ, а в ножнах на боку висел новый клинок, не радость и удовольствие чувствовал он, а неясное беспокойство. Последние слова ткачихи Двивач вертелись у него в голове, и неожиданно вспомнился другой ткацкий станок, тот, что стоял в странной хижине на далеких Болотах Морвы.

— Ордду, Ордду,— твердил он.— Неужто на ее станке были не просто шерстяные нити, а нити судьбы? И почему врезались мне в память ее слова о малиновке, которая сама добывает себе червей? Выбрал ли я сам узор своей жизни, или я не более чем нить на ее станке? Если так, то немногого стоит эта нить. В любом случае,— грустно улыбнулся он,— вся она в узелках и здорово запутана.

Но эти мрачные мысли вылетели из головы, как только Мелинлас вынес его на вершину холма и перед ним открылось самое прекрасное селение, какое он когда-либо видел. Высокие ели и стройные лиственницы окружали широкий простор хорошо ухоженных, богато зеленеющих полей. Аккуратные тростниковые крыши белых хижин поблескивали на солнце. Даже воздух казался особым — холодным и напоенным терпким запахом хвои. Сердце забилось сильнее, когда он смотрел на всё это, и странное возбуждение охватило его.

Гурджи подъехал к Тарену.

— Добрый хозяин, может, мы остановимся здесь?

— Да, пожалуй,— задумчиво проговорил Тарен, блуждая взглядом по зеленеющим полям.— Да, здесь мы сможем передохнуть.

Он направил Мелинласа вниз по склону. Гурджи на своем пони нетерпеливо трусил следом. Перейдя мелкий ручей, Тарен увидел крепкого старика, копавшего землю у самой кромки воды. Рядом с ним стояла пара деревянных ведер на коромысле, и он аккуратно сыпал туда полные лопаты светло-коричневой земли. Его седые, отливающие металлом волосы были коротко стрижены, лицо обрамляла небольшая, тоже тщательно подстриженная бородка. Несмотря на возраст, руки этого человека казались такими же могучими и сильными, как у Хевидда Кузнеца.

— Приветствую тебя, мастер Землекоп! — поздоровался Тарен.— Что это за селение?

Человек обернулся, вытер изборожденный морщинами лоб тыльной стороной ладони и поглядел на Тарена спокойными и внимательными голубыми глазами.

— Вода, в которой стоит твоя лошадь и мутит ее своими беспокойными копытами... это Папоротниковый ручей. А селение? Коммот Мерин.

Глава девятнадцатая ГОНЧАРНЫЙ КРУТ

— Я сказал тебе, где ты находишься,— добродушно продолжал человек, когда Тарен понудил Мелинласа попятиться и спешил на берегу ручья.— Теперь скажи мне, кто ты? Что привело тебя в наши места, которых и названия не знаешь? Может, ты сбился с пути? Искал другое селение и набрел на Коммот Мерин случайно?

— Меня зовут Тарен Странник,— ответил Тарен.— Что же касается моего пути,— горько усмехнулся он,— то не могу с уверенностью сказать, что потерял его, ибо не знаю сам, где проложен этот путь.

— Тогда Мерин такое же подходящее место для остановки в пути, как и любое иное,— сказал человек.— Пойдем со мной, если не побрезгуешь моим гостеприимством.

Он кинул последнюю лопату глины в деревянное ведро, Тарен поспешно предложил свою помощь и подставил плечо под коромысло. Но ведра оказались на-

много тяжелее, чем рассчитывал Тарен. Лоб его вскоре покрылся испариной, он шатался под непосильным грузом, а груз этот с каждым шагом, казалось, становился вдвое тяжелее. И хижина, на которую указал человек, словно бы удалялась, убегала от них.

— Если ты собираешься обмазать глиной свою потрескавшуюся печную трубу,— пыхтел Тарен,— то далековато же отправился за глиной!

— Ты не так приладил коромысло на плечах. Хитрость небольшая, но уметь надо,— широко улыбнулся человек, глядя на мучения Тарена.

Он легко перекинул через плечо коромысло, которое с радостью уступил ему Тарен, и так резво зашагал вперед, что вскоре обогнал своих спутников, несмотря на тяжелую ношу. Придя в длинный сарай, он вывалил глину в огромную деревянную кадку, затем кивком пригласил путников войти в дом.

Внутри Тарен увидел ряды полок, на которых стояла глиняная посуда всевозможной формы и размеров — сосуды из обожженной глины, изящные кувшины, пузатые горшки, миски и тарелки. Среди них попадались вещи, сделанные с таким мастерством и такой красоты, что у Тарена перехватило дыхание. Только однажды в сокровищнице лорда Гаста он видел работу, подобную этой. Изумленный, он повернулся к старику, который тем временем ставил на дубовый стол миски и чашки.

— Понимаю теперь, какую глупость я сморозил, спрашивая, не собираешься ли ты чинить печную трубу,— сказал Тарен, смиренно кланяясь.— Если это твоя работа, то я видел кое-что из твоих вещей раньше и знаю тебя. Ты Аннло Велико-Лепный.

Гончар небрежно кивнул.

— Да, это моя работа. Если ты ее видел раньше, то на самом деле знаешь меня. Потому что я давно занимаюсь этим ремеслом, Странник, и уж не знаю толком, где кончается глина и начинается Аннло... Впрочем, это уже одно и то же.

Тарен пригляделся к сосудам, собранным в доме. Он разглядывал только что законченную чашу для вина, которая была сделана с большим мастерством, чем та, в сокровищнице лорда Гаста. Он рассматривал длинный, заляпанный глиной стол, на котором выстроились кувшинчики с краской, пигментами и глазурью. Теперь Тарен с удивлением обнаружил: то, что поначалу он принял за обычную посуду, было так же красиво, как и дорогая чаша для вина. Всё-всё здесь вышло из-под руки мастера. Он повернулся к Аннло.

— Мне говорили,— промолвил Тарен,— что одна вещь, сделанная тобой, ценнее всего, что хранится в сокровищнице любого лорда, и я верил этому. Но здесь,— он с изумлением покачал головой,— здесь и есть сама сокровищница.

— Да, да! — вскричал Гурджи.— О, великий гончар богат! Он умеет черпать из бочки не глину, а золотые кружочки!

— Богатство и золото? — улыбнулся Аннло.— Нет, есть пища на столе, и мне этого достаточно. Почти все эти горшки, чашки и тарелки я посылаю в маленькие селения, где у людей нет своего гончара. Я даю то, что нужно им, они присылают мне то, в чем я нуждаюсь. А сокровища мне не надобны. Моя радость в моем ремесле, а не в золоте. Разве все богатства Прайдена помогут моим пальцам слепить горшок лучше, чем они уже умеют?

— Есть такие люди,— сказал Тарен, лукаво поглядывая на гончара,— которые считают, будто удивительная работа вроде твоей творится с помощью волшебства.

При этих словах Аннло откинул голову назад и от всего сердца расхохотался.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так, потому что помогло бы сберечь немало сил и труда. Нет, нет, Странник, мой гончарный круг, увы, похож на любой другой, самый обычный. Правда в том,— добавил он уже серьезно,— что Гванниен Хромой, один из самых искусных мастеров Прайдена, изобрел некие волшебные приспособления. Он дал их тем, кого считал до-

стойными, тем, кто, как он считал, будут использовать их мудро и с пользой для людей. Но все они один за другим оказались в руках Аровна, лорда Земли Смерти.

Гончар помрачнел.

— Гванниен не только создал инструменты,— продолжал Аннло.— Он открыл и высокий секрет мастерства для всех ремесел. И это тоже украл Аровн и спрятал в Аннувине, где они никому не приносят пользы.— Глаза старика потемнели от гнева.— Всю свою жизнь я потратил на то, чтобы вновь раскрыть эти секреты, добраться до тайны мастерства. Многое я узнал... узнал опытом своих рук, делая многое множество вещей и постепенно, по крохе, добывая знания и умение так же, как малый ребенок учится ходить. Но я шел неуверенно. Самые глубокие знания и лежат глубоко, так глубоко, что я не могу до них докопаться. И боюсь, что там они и погребены навечно.

Аннло развернул свои потрескавшиеся, как кора дерева, ладони.

— Дай мне обрести эти знания,— проговорил он глухо,— я и слышать не захочу ни о каком волшебстве. Они,— он поднял облепленные глиной руки,— они верно послужат мне, и этого будет достаточно.

— Ты знаешь, чего ищешь,— вздохнул Тарен.— Я же, увы, ищу, не зная даже, где искать.— Он поведал Аннло о Хевидде Кузнеце и Двивач Ткачихе, о выкованном клинке и сотканном плаще.— Я был горд своей работой,— продолжал Тарен,— и все же ни наковальня, ни ткацкий станок не привязали меня к себе.

— А что ты скажешь о гончарном круге? — спросил Аннло.

Тарен сознался, что ничего не знает о гончарном ремесле, и попросил гончара показать, как это делается. Старик с готовностью согласился.

Аннло опоясался грубым передником, сел около круга и принялся быстро вертеть его. Кинутый на круг комок глины крутился с бешеной скоростью. Гончар склонился над мелькающей горкой глины, нежно коснулся ее пальцами, потом ладонями, будто обнимал

слабого, неоперенного птенца. Прямо на глазах Тарена под руками мастера вырастал высокий, узкий сосуд. Тарен уследить не мог за мгновенными изменениями влажно мерцающей глины на беспрестанно вертящемся круге. Теперь Тарен понял шутливые слова Аннло о том, что глина и гончар одно и то же. И на самом деле не чувствовалось различия между проворными пальцами гончара и глиной, как будто руки Аннло перетекали в глину и давали ей жизнь. Мастер был молчалив и сосредоточен. Его морщинистое лицо просветлело и разгладилось, будто ушли, растаяли его годы. Радость словно бы переливалась из сердца гончара в душу Тарена, и в этот момент он понял, что видит перед собой настоящего искусного мастера, и более великого он не знал никогда.

— Ффлевддур был не прав,— пробормотал Тарен.— Волшебство заключено не в гончарном круге. Если оно и есть, то сокрыто в самом гончаре.

— Не сокрыто здесь никакого волшебства,— откликнулся Аннло, не отрываясь от работы.— Дар — возможно. Но дар, который взлелеян неустанным трудом.

— Если бы я мог сделать вещь такой красоты, любой тяжкий труд был бы мне в радость,— вздохнул Тарен.

— Тогда садись,— просто сказал Аннло, освобождая Тарену место за гончарным кругом.— Попробуй мять и лепить глину сам.— На протесты Тарена, опасавшегося испортить наполовину сделанный сосуд, гончар только рассмеялся.— Ты, конечно же, испортишь его. Тогда я брошу его обратно в корыто, смешаю с остальной глиной, и рано или поздно она послужит мне снова. Запомни, все на свете теряет форму и обретает ее опять.

— Но та частица труда, то искусство, которое ты вложил в этот сосуд, ведь будут потеряны навсегда,— возразил Тарен.

Гончар покачал головой.

— Не совсем так. Мастерство не похоже на воду в глиняном горшке, которую вычерпывают ковшом до доньшка, пока горшок не будет пустым. Нет, чем больше вычерпываешь, тем больше остается. Мастерство прибавляется по капле, Странник. А теперь смотри внимательно. Руки ставишь так. Ладони раскрыты. Большие пальцы — сюда.

В первое мгновение Тарен почувствовал, как глина просачивается сквозь пальцы, утекает, оседает под ладонями. Но вот она послушно собралась и закружилась в его руках, задышала, чуть заметно распирая ладони. И сердце Тарена забилося от радости. Гордость от того, что он выковал свой собственный меч и соткал плащ своими руками, померкла перед новым его открытием, перед безмерным счастьем творения, от которого ему хотелось петь и кричать. Но в последний момент руки его дрогнули, и выпестованная ладонями глина покосилась. Аннло остановил круг. Первый сделанный Таре-

ном сосуд был таким уродливым и кривобоким, что, несмотря на огорчение, он сам не удержался от смеха.

Аннло хлопнул его по плечу.

— Неплохо, Странник. Первая чашка, которую я сделал, была ни на что не похожа... и, пожалуй, хуже твоего уродца. Ты почувствовал глину. Но до того, как ты научишься ремеслу, ты должен изучить ее. Вырой глину, просей через решето и вымеси, познай ее характер лучше, чем характер самого близкого друга. Затем растолки пигменты для глазури, пойми, как ведет она себя в пламени печи при обжиге.

— Аннло Велико-Лепный,— тихо, с мольбой сказал Тарен,— ты научишь меня своему ремеслу? Это дело мне по-настоящему по душе.

Аннло колебался несколько мгновений, пристально вглядываясь в Тарена.

— Я могу научить тебя только тому, чему ты сможешь научиться,— промолвил гончар.— Как долго это будет продолжаться, покажет время. Оставайся, если у тебя есть желание. Завтра же и начнем.

Двое друзей уютно устроились на ночь в удобном углу гончарного сарая. Гурджи свернулся на соломенном тюфяке, но Тарен не мог уснуть и сидел, обхватив колени руками.

«Странно,— размышлял он,— чем больше я узнаю народ Коммотов, тем больше я их люблю. Каждое селение здесь привлекательно по-особому. Но Коммот Мерин приворожил меня с первого взгляда.— Ночь была теплой и тихой. Тарен задумчиво улыбался в темноте.— В тот момент, когда я увидел его, я подумал: вот то место, где я бы с удовольствием жил. И что... что даже Эйлонви могла бы быть здесь счастлива».

Он прислушался к тишине ночи. Она жила почти неуловимыми звуками.

«А когда мои руки на гончарном круге Аннло дотрагиваются до глины,— продолжал он,— я начинаю думать, нет, я уверен, что буду считать себя счастливым, если стану гончаром. Ни в кузнице, ни за ткацким станком не было со мной такого. Это как будто я могу го-

ворить пальцами, будто могу вылепить то, что таится в моем сердце. Теперь я понимаю, что имел в виду Аннло. Нет разницы между ним и его работой, его творениями. Он вкладывает себя всего в глину и дает ей жизнь, вливая в нее свою собственную жизнь по капле. Если бы мне тоже научиться делать это...»

Гурджи посапывал. Усталый, он уснул мгновенно. Тарен улыбнулся и натянул плащ на плечи Гурджи.

— Хорошего и спокойного тебе сна, дружище, — сказал он. — Кажется, мы добрались до конца нашего путешествия.

Все последующие дни гончар учил Тарена вещам не менее важным, чем работа с самой глиной: как искать и находить нужную землю, как определить ее строение и качество, как смешивать различные глины, какие вводить добавки. Гурджи не отставал от Тарена ни на шаг, помогал ему во всех делах, и вскоре его лохматая шерсть так пропиталась пылью, перемешалась с глиной и покрылась пятнами глазури, что он и сам стал похож на необожженный глиняный горшок, поставленный на пару худых ног.

Лето проносилось быстро и счастливо. Чем больше Тарен видел гончара за работой, тем сильнее поражался его мастерству. В кадушке, где он смешивал глину, Аннло мят и бил густую массу с еще большей силой, чем Хевидд Кузнец по наковальне, а гончарный круг крутил с еще большим проворством и быстротой, чем Двивач Ткачиха челнок на ткацком станке. Как бы рано, засветло ни встал Тарен, он всегда находил гончара уже проснувшимся и занятым своей работой. Аннло был неутомим, часто проводил ночи без сна и дни без еды, поглощенный работой на гончарном круге. Но редко гончар был доволен узором на сосуде или его формой, без конца исправлял, улучшал то, что придумал или сделал накануне.

— В стоячей луже вода — не питье, — говаривал он. — Но застывшее ремесло еще хуже. А человек, который

идет по своим собственным следам, приходит туда, откуда вышел.

До самой осени Аннло не допускал Тарена к гончарному кругу. Зато первая же чаша, вылепленная Тареном, когда ему наконец позволили сесть за круг, оказалась не такой уж уродливой, как он ожидал.

Аннло внимательно рассмотрел ее, повертел в руках и одобрительно кивнул головой.

— Кое-чему ты научился, Странник,— сказал он. Однако, к смущению Тарена, кинул только что слепленную чашу в кадку для смешивания глины.— Не расстраивайся,— утешил гончар Тарена,— придет время, когда ты слепишь то, что стоит сохранить, и мы непременно это обожжем в печи.

Тарен уже опасался, что такое время никогда не наступит. Но вот одно из его изделий, простую миску, Аннло признал годной к обжигу. Он поставил ее вместе с другими горшками и чашками, которые изготовил для жителей Коммот Исав, в печь. Глубже и выше была эта печь, чем горн в кузнице Хевидда, и долго стояли там заалевшие глиняные горшки, объятые пламенем. Аннло тем временем спокойно заканчивал остальные сосуды, невозмутимо разгоняя гончарный круг. Зато Тарен не мог оторваться от устья печи, нетерпение его росло, он весь пылал, будто его самого обжигают в гудящем пламени. Но, наконец, когда вышло время обжига и посуда остыла в печи, гончар вытащил миску, подержал ее на ладони, постучал по краю заскорузлым, в засохшей глине пальцем и усмехнулся, взглянув на Тарена, который затаил дыхание.

— Хорошо звенит,— сказал мастер.— Работа ученика, но можешь не стыдиться ее, Странник.

Сердце Тарена запрыгало в груди, будто он сотворил нечто подобное тому, что видел в сокровищнице лорда Гаста.

Но недолго длилась радость Тарена. Вскоре она сменилась отчаянием. Всю осень он лепил и лепил один сосуд за другим, но они рождали лишь печаль и разочарование. Ни одно из его творений не могло и сравнить-

ся с тем, что он лелеял в своих надеждах, несмотря на мучительный труд, который он вкладывал в них.

— Чего же мне не хватает? — сокрушался он. — Я сумел достаточно хорошо выковать меч, у меня получился вполне сносный плащ. Но теперь то, что я пытаюсь понять и уловить, все время ускользает от меня. — В его голосе прорывалось подлинное страдание. — Неужели я лишен настоящего дара?

Тарен поник головой, сердце его застыло в тоске, потому что он понял — правда, которую он сам от себя старательно скрывал, прорвалась в этих его словах.

Аннло не прерывал его, но только глядел с глубокой печалью.

— Почему? — шептал Тарен. — Почему это так?

— Это непростой вопрос, — ответил наконец Аннло. Он положил руку на плечо Тарену. — Ни один человек не знает ответа на него. Есть такие, кто всю жизнь работал, веря в свой дар и боясь признаться себе, что они ошиблись. Есть и такие, в которых есть талант, они родились с ним, но даже не подозревают об этом. Есть неудачники, растратившие всё, что было дано им, потому что потеряли или не обрели смысла свободного труда. Есть несчастные, которые никогда и ни к чему не стремились, ничего в своей жизни не начинали.

Гончар с доброй улыбкой посмотрел прямо в глаза Тарену.

— Считай себя удачливым, — сказал он. — Ты понял то, что понял, сейчас, а не потратил годы на тщетные надежды. Ты что-то еще узнал о себе, а никакое знание не бывает бесполезным.

— Что же мне теперь делать? — спросил Тарен.

Ему казалось, что жизнь рухнула, и всколыхнулась та же печаль, захлестнула та же горечь, что терзала его в долине Краддока.

— Есть много путей к счастью кроме лепки горшков, — улыбнулся Аннло. — Ты был счастлив здесь, в Коммот Мерин, не так ли? И это счастье у тебя никто не отнимал. Тут есть для тебя работа. Я с радостью приму твою помощь. Ты мой друг и ученик. А вот и

дело для тебя,— продолжал он бодрым голосом,— завтра мне нужно будет отослать мои изделия в Коммот Исав. Но путешествие длиной в день слишком длинно для человека моих лет. Сделай одолжение, друг мой, отнеси их.

Тарен грустно кивнул.

— Я отнесу твои изделия в Исав.

Он отвернулся, зная наверняка, что надежды его на счастье рассыпались, как сосуд, треснувший при обжиге.

Глава двадцатая

ГРАБИТЕЛИ

На следующее утро Тарен, как и обещал, нагрузив Мелинласа и пони Гурджи корзинами с гончарным товаром Аннло, выехал в Коммот Исав в сопровождении своего преданного лохматого друга. Тарен прекрасно понимал, что гончар мог бы просто послать весточку людям из Коммот Исав, и они сами приехали бы за своими сосудами.

— Не я выполняю его поручение, а он оказывает мне услугу,— толковал Тарен едущему рядом Гурджи.— Мне кажется, он отправил меня в дорогу, чтобы предоставить самому себе и тем помочь разобраться в своих мыслях. Но я только запутался,— печально добавил он.— Мне хочется остаться в Коммот Мерин, но в то же время ничто меня здесь не удерживает. Я ценю Аннло как великого мастера и доброго друга. Но его ремесло никогда не станет моим.

Охваченный такими беспокойными мыслями, приводящими в смятение душу, Тарен и не заметил, как

упали сумерки и в сером полумраке обрисовался Коммот Исав. Это было самое маленькое селение из всех, что ему встречались на земле Коммотов. Всего-то полдюжины небольших хижин и крохотное пастбище для овец и коров. Кучка людей собралась возле овчарни. Когда Тарен подъехал к ним поближе, он увидел, что лица их мрачны и напряжены.

Озадаченный таким приемом, он назвал себя и сказал, что привез глиняную посуду от Аннло Велико-Лепного.

— Приветствуем тебя,— сказал человек, назвавшийся Друдвасом, сыном Пебира,— прими нашу благодарность. И прощай. Наше гостеприимство может стоить тебе жизни.

Заметив недоумение в глазах Тарена, Друдвас быстро пояснил:

— По холмам бродят разбойники. Отряд человек в двенадцать. Мы слышали, что они уже разграбили два селения. И отнимали не одну овцу или корову для собственного пропитания, а злодейски убивали весь скот ради удовольствия. Сегодня днем я видел всадников на гребне ближайшего холма, и вел их желтоволосый злодей на гнедой лошади.

— Дорат! — вскричал Тарен.

— Как? — удивился кто-то в толпе. — Ты знаешь их?

— Если это действительно Братство Дората, то знаю довольно хорошо,— усмехнулся Тарен.— Это наемники. Но если их никто и не нанял, то, уверен, они готовы грабить и убивать по собственной воле. Они безжалостны и жестоки, как Охотники Аннувина.

Друдвас печально кивал.

— Да, так говорят. Но может случиться, что они минуют наше маленькое селение,— с надеждой сказал он,— хотя я очень сомневаюсь. Коммот Исав, конечно, небогатая добыча, но там, где мало защитников, опасность нападения больше. Легкая добыча соблазняет.

Тарен оглядел толпящихся мужчин. По их лицам и решительным жестам он понял, что смелости им не занимать. Но словно бы въявь услышал грубый смех Дората и припомнил его коварство и жестокость.

— Если они все-таки нападут,— спросил он,— что вы будете делать?

— А как ты думаешь? — взорвался Друдвас.— Станем униженно просить, чтобы они пощадили нас? Или отдадим наш скот под их ножи, а наши дома их факелам? Коммот Исав всегда жил в мире. Наша гордость — зеленеющее поле, а не кровь на поле боя. Но мы выступим против них! Разве у нас есть другой выбор?

— Я могу отправиться назад, в Коммот Мерин,— предложил Тарен,— и привести вам подмогу.

— Слишком далеко и слишком долго,— ответил Друдвас.— Кроме того, нельзя оставлять и Мерин без защитников. Неизвестно, куда повернут разбойники. Нет, будем защищаться сами. Нас семеро против двенадцати. Я считаю и моего сына... Ллассар! — подозвал Друдвас высокого, с открытым и смелым лицом мальчика, который был едва ли старше, чем Тарен, когда Колл впервые дал ему титул Помощника Сторожа Свиньи.

— Твой счет неверен,— перебил его Тарен.— Вас не семеро. Гурджи и я с вами. Выходит, нас девять против двенадцати.

Друдвас нахмурился.

— Ты не обязан служить нам, Странник. Ваши мечи, конечно, не будут лишними. Но ты не в долгу у нас, и мы не можем просить ваших мечей в помощь нам.

— Тем не менее они ваши,— решительно сказал Тарен, и Гурджи с готовностью кивнул.— А теперь выслушайте меня. Девять человек могут выстоять против двенадцати и даже выиграть бой. Но в стычке с Доратом число значит меньше, чем умение. Будь он даже один против нас всех, я боялся бы его так же, как целой дюжины отчаянных разбойников. Он бьется злобно и коварно, добываясь хитростью того, чего не может добыть силой. Мы должны ответить ему тем же.

Люди внимательно слушали его, а Тарен уже развивал свой план. Надо, говорил он, заставить разбойников поверить, будто защитников Коммот Исав больше, чем на самом деле. А потом ударить с той стороны, откуда Дорат и не ждет никакого сопротивления.

— Если два человека затаятся и станут ждать в овчарне, а двое в коровнике, готовые в любой момент выскочить и броситься на врага,— растолковывал Тарен,— они смогут застать нападающих врасплох и задержать их, пока остальные нападут из засады с тыла. Ваши женщины должны скрыться в домах и там греметь, стучать и грохотать всем, что подвернется под руку — граблями, мотыгами, кочергами. Воины Дората решат, что они окружены чуть ли не целым войском.

Друдвас долго думал, потом оглядел своих товарищей.

— Твой план кажется мне разумным, Странник,— согласился он.— Но я боюсь, что те, кто скроется в загонках для скота, примут на себя главный удар. Если что-нибудь пойдет не так, у них будет мало надежды на спасение.

— На страже в овчарне буду я,— твердо сказал Тарен.

— А вторым буду я! — выступил вперед Ллассар.— Ведь я же всегда охранял стадо,— добавил он смущенно.

Друдвас насупился.

— Я не собираюсь шадить тебя только потому, что ты мой сын. Ты хороший мальчик, хороший пастух и так любишь животных, что готов за них рисковать жизнью. Но я думаю о твоих годах...

— Стадо — моя обязанность,— вспыхнул Ллассар.— И потому мое место рядом со Странником!

Мужчины посоветовались между собой и наконец согласились, что Ллассар останется на страже вместе с Тареном. Друдваса отрядили караулить в коровнике вместе с Гурджи, который, хоть и был здорово напуган, желал оставаться поближе к Тарену. К тому времени, когда все было обдумано и мужчины скрылись среди деревьев позади овчарни и коровника, настала ночь. Полная луна проглянула сквозь прозрачную пелену облаков. Холодный свет резко очертил контуры теней, обрисовал силуэты стволов и веток. Тарен и Ллассар легли в овчарне среди беспокойно блеющих овец.

Некоторое время они молчали. В ярком свете луны лицо Ллассара показалось Тарену совсем мальчише-

ским. Он видел, что юноша всеми силами старается не показать своего волнения и испуга. Он и сам тревожился, но все же ободряюще улыбнулся Ллассару. Друдвас был прав. Мальчик слишком молод и неопытен. И все же Тарен любовался им, зная, что и сам, будь он так же юн, как Ллассар, не остался бы в стороне.

— Твой план хорош, Странник,— шепотом повторил Ллассар слова отца. Тарен понимал, что мальчику нужно о чем-то говорить, лишь бы заглушить тревогу и успокоиться.— Лучше, чем мы смогли бы придумать,— шептал Ллассар,— не должен он провалиться.

— Любой, самый лучший план может расстроиться,— хрипло сказал Тарен.

Он умолк. Страх трепетал в его душе, словно листва на холодном ветру. Легкий озноб сотрясал тело под меховой курткой. Он пришел сюда никому не известным, неведомым странником, и все же люди внимательно слушали его и с готовностью вручили ему свои судьбы. Они согласились с его планом, а он сам не был уверен, что нельзя найти лучшего. А если действительно план его рухнет? Он и все остальные поплатятся жизнью. Но вина ляжет на него одного. Он сжал рукоять меча и стал вглядываться во тьму. Никакого движения. Даже тени, казалось, застыли.

— Ты назвался Странником,— тихо продолжал Ллассар, немного смущаясь.— На мой взгляд, люди странствуют в поисках чего-то. Что ищешь ты?

Тарен печально усмехнулся в темноте.

— Я хотел стать кузнецом. Потом ткачом. И гончаром. Но теперь мой поиск закончен. Возможно, мне суждено скитаться по свету без всякой цели.

— Но если ты ничего не ищешь,— засмеялся Ллассар,— то и ничего не найдешь. Наша жизнь здесь не очень легкая,— продолжал он.— Работа нас не страшит, но не хватает знаний. Сыновья Доны долгое время сдерживали напор лорда Аннувина, и мы жили спокойно под их защитой. И все же Аровн — лорд Земли Смерти — сумел выкрасть у нас секреты мастерства. Чтобы заполучить их назад, как говорит мой отец, нужны мечи поострее, а щиты покрепче, чем у воинов са-

мого лорда Гвидиона. И все же Исав — мой дом и я счастлив жить здесь.— Ллассар серьезно посмотрел на Тарена.— Здесь я нашел всё, что мне нужно, и я не завидую тебе, ищущий Странник.

Тарен некоторое время молчал. Потом тихо проговорил:

— Зато я завидую тебе.

Больше они не разговаривали, настороженно вслушиваясь в каждый звук. Ночь таяла. Луна то и дело пряталась за толстым слоем ночных облаков. Свет ее растворялся в них, пронизывал, и облака таяли, словно темный весенний снег, превращаясь в бледный туман. Близился рассвет. Ллассар вздохнул с облегчением.

— Они не придут,— сказал он.— Наверное, прошли стороной.

В то же мгновение темнота, заполнявшая проем ворот, казалось, расслоилась, рассыпалась множеством темных фигур.

Тарен вскочил, пронзительно дунул в свой боевой рог и кинулся на первого ввалившегося в овчарню воина. Тот вскрикнул от неожиданности и, зашатавшись, упал под ударом меча Тарена. Ллассар выскочил из-за спины Тарена. С копьем наперевес юный пастух устремился к теснившимся в проеме ворот теньям. Тарен бился, ничего не видя. Тревога, что план его провалился, что разбойники подошли слишком тихо, слишком быстро и бесшумно, пересиливала страх перед невидимым противником. Прошло несколько мгновений в почти безмолвной беспорядочной борьбе. Слышалось лишь тяжелое дыхание людей, звяканье боевого металла и безумное блеяние испуганных животных. В следующий миг словно бы взорвался громкий крик людей Исав. Они разом выскочили из-за деревьев. Из домов вылетел несмолкаемый дробный стук железа о железо. Женщины и старики, укрывшиеся за дверями своих домов, колотили кто во что горазд.

Разбойники, набившиеся в овчарню, заколебались. Противник Ллассара упал. Тарен мельком видел, как мальчик проскользнул мимо него и опять орудует своим длинным копьем. Напиравшие в ворота конные и

пешие замешкались, потом дрогнули. Они отхлынули назад, не видя противника во тьме овчарни, и тут же повернули свое оружие против сражавшихся снаружи, мечущихся в бледном свете утра людей Исав. Но один воин, ревуший диким вепрем, рванулся внутрь загона и, давая выход своей неукротимой жажде убийства, кинулся с поднятым ножом на Тарена. Они схватились в смертельных объятиях. Нападавший крутанул Тарена и вырвался. Они взглянули один на другого, и Тарен узнал нападавшего. Это был Глофф!

Глофф тоже узнал Тарена. Мимолетное изумление разбойника сменилось отвратительной злорадной усмешкой. Он перекинул нож из руки в руку и прыгнул вперед. Тарен успел отразить удар ножа поднятым мечом. Но в то же мгновение Глофф свободной пятерней полоснул Тарена по глазам. Острие ножа смертельно сверкнуло, устремляясь в незащищенную грудь Тарена. Быстрая тень метнулась между ними. Это был Ллассар. Тарен вскрикнул, предупреждая мальчика об опасности. Но тот кинулся на Глоффа, пытаясь отразить удар древком своего копья. Разбойник ловко увернулся, взмахнул рукой с ножом, и Ллассар упал. Крик ярости вырвался из горла Тарена, он занес меч над Глоффом. Внезапно рядом с ним оказался Друдвас. Глухой удар его клинка слился с протяжным воем разбойника.

Под бешеным натиском людей Исав воины Дората отступили. В этой суматохе кричащих и бегущих людей Тарен и сам не заметил, как его буквально вынесло из овчарни. Оглянувшись назад, он не увидел ни Друдваса, ни Ллассара. В ярости он рванулся за убегающими разбойниками. Повсюду мелькали зажженные факелы. Женщины и даже дети присоединились к своим мужьям и отцам, молотя граблями, мотыгами, вилами отступавших в панике всадников. Тарен принялся искать Гурджи, выкрикивал его имя, но голос его тонул в общем шуме и лязге.

Протяжное мычание донеслось из коровника. Оттуда вдруг вылетел разъяренный черный бык. Тарен обомлел, когда разглядел на спине вздымающегося и ныряющего среди всадников быка взлохмаченного Гурджи.

Он вцепился в холку ревушего животного, бил его пятками по мощным бокам, направляя против остатков отряда Дората.

— Они бегут! — вскричал кто-то из людей Исав.

Тарен пробивался вперед. Те разбойники, которые неосмотрительно оставили лошадей у кромки леса, теперь пытались пробиться к ним, затиснутые между мужчинами Коммот Исав и беспощадными рогами

разъяренного быка. Тарен увидел Дората верхом на гнедой лошади и устремился к нему. Но Дорат прищпорил коня и галопом усккал в лес.

Тарен поспешил к конюшням, на ходу высвистывая Мелинласа. Один из людей Исав схватил его за руку и радостно завопил:

— Мы победили, Странник!

Только теперь Тарен обнаружил, что звуки битвы стихли. Дорат исчез, и не было смысла гнаться за ним. Тарен поспешил к овчарне, где жена Друдваса стояла на котенях, обнимая сына.

— Ллассар! — в отчаянии закричал Тарен, падая на траву рядом с пастушком.

Мальчик открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Его рана неглубока, — сказал Друдвас. — Он будет жить и, как прежде, заботиться о нашем стаде.

— Так и будет, — прошептал Ллассар. — Благодарю тебя, ты спас моих овечек.

Тарен накрыл ладонью безвольно откинутую руку мальчика.

— А тебе, — с волнением произнес он, — тебе я обязан жизнью.

— Чуть ли не половина шайки уже никогда не будет грабить, — сказал Друдвас, — ни в Коммот Исав, ни в других селениях. Остальные разбежались и долго еще будут помнить эту ночь. Ты очень помог нам, Странник, ты и твой друг. Вы пришли к нам незнакомцами. Но мы больше не считаем вас чужими. Отныне вы наши друзья.

Глава двадцать первая

ЗЕРКАЛО

Как ни просили люди Исав погостить у них, Тарен распрощался и направился обратно в Коммот Мерин. На душе у него было тяжело. Даже победа над отрядом Дората не радовала и не могла рассеять беспокойных мыслей. На все его вопросы так и не было ответов. Настроение Тарена было хуже, чем накануне. По приезде он скупко поведал Аннло о событиях в Коммот Исав. Зато Гурджи, лопааясь от гордости, выложил всё, и подробно.

— Да, да! — волновался он. — Злые воры разлетелись с воплями. О, они испугались доброго хозяина! И утрастились смелого Гурджи тоже! И ярого быка с его острыми бодалками и тяжелыми топталками!

— Можешь гордиться, Странник, — сказал Аннло Тарену, который во время восторженных излияний захлебывающегося Гурджи не произнес ни слова. — Ты спас жизни и дома честных людей.

— Друдвас сказал мне, что я для них теперь не чужак, а друг. Этому я по-настоящему рад,— ответил Тарен.— Только мне бы хотелось,— добавил он с грустью,— чтобы я не был чужаком сам себе. Какая от меня польза? — вдруг взорвался он.— Для себя самого, для любого другого? Не вижу, не знаю!

— Люди Исав не согласятся с тобой,— ответил гончар.— Могут появиться и другие, кто с радостью примет крепкий клинок и смелое сердце.

— Наемный меч? — горько усмехнулся Тарен.— И пойти по дорожке Братства Дората? — Он помотал головой.— Когда я был ребенком, то мечтал о приключениях, славе, о чести и крепкой руке. Теперь я думаю, что все эти мечты лишь призрак, жалкое подобие настоящей жизни.

— Что ж, отчасти ты прав,— согласился Аннло.— Ты видишь жизнь такой, как она есть. Многие в бешеной погоне за честью как раз о чести-то и забывают, теряют больше, чем обретают. Но я вовсе не имел в виду наемный меч...— Он резко оборвал себя и мгновение раздумывал.— Увидеть жизнь такой, как она есть...— задумчиво повторил он.— Возможно... возможно...— Гончар внимательно поглядел на Тарена.— В древних легендах Коммотов говорится, что человек может увидеть, познать то, что он есть на самом деле. Правда ли это или всего лишь болтовня старух и бредни глупцов, я не знаю,— продолжал гончар,— но говорят, что тот, кто хочет узнать, что он из себя представляет, должен поглядеть в Зеркало Ллюнет.

Хотя гончар говорил тихим голосом, слова его громом поразили Тарена.

— Зеркало Ллюнет? — вскричал он. Еще в долине Краддока Тарен постарался выбросить из головы все мысли о Зеркале, забыть о нем, и долгие дни странствий покрыли эту мечту, как мертвые листья могильный холм.— Зеркало,— прошептал Тарен, задыхаясь.— Это было целью моего поиска с самого начала. Я перестал искать его. Неужели теперь, когда я оставил

всякую надежду, оно отыщется и мой поиск придет к концу?

— Твой поиск? — ошеломленно сказал Аннло. — Об этом ты ничего не говорил мне, Странник.

— Мой рассказ был бы слишком грустен, — нехотя ответил Тарен.

Он нахмурился и замолчал. Но постепенно, видя внимательные и добрые глаза старого гончара, он разговорился и мало-помалу поведал ему о Каер Даллбен, об Ордду, о том, куда завел его поиск, о смерти Краддока и о своем отчаянии.

— Когда-то, — заключил свой рассказ Тарен, — я бы ни о чем другом и не мечтал, как найти Зеркало. Теперь, даже если бы оно и оказалось в моих руках, я бы, наверное, не решился взглянуть в него.

— Мне понятен твой страх, — тихо ответил гончар. — Зеркало может облегчить твоё сердце... или нагрузить его ещё большими страданиями. Да, это риск. Выбор за тобой.

Он долго и внимательно разглядывал понурившегося Тарена.

— Но знай, Странник, — вновь заговорил Аннло, — это Зеркало не возьмешь в руки. Оно лежит недалеко отсюда, в горах Ллавгадарн, путь туда займет не более двух дней. В пещере в верхней части озера Ллюнет ты и найдешь Зеркало. Это — Зеркало воды.

— Воды? — прошептал Тарен. — Но какое же волшебство дает ей эту силу? Этот водоем заколдован?

— Да, для тех, кто считает его волшебным.

— А ты? — осторожно спросил Тарен. — Ты хотел взглянуть в него?

— Нет, я этого не хотел, — ответил Аннло, — потому что я хорошо знаю, кто я. Аннло Велико-Лепный. Так ли это, не так, но это знание поддерживает меня в жизни.

— А я, — пробормотал Тарен, — что поддержит меня? — Он закусил губу и словно бы углубился в себя. — Это правда, — сказал он, подняв голову. — Я боюсь взглянуть в Зеркало, боюсь узнать то, что оно может открыть мне

и во мне. Но я уже познал стыд отречения от отца, пусть даже и не настоящего! — горько выкрикнул он. — Неужто мне суждено познать и трусость? Страх отречения от самого себя?

Тарен встрепенулся.

— Утром, — твердо сказал он, — я отправлюсь к Зеркалу Ллюнет.

Решение это немного успокоило его. Но на рассвете, когда они с Гурджи седлали своих лошадей, холод сомнения сковал его сильнее, чем холодный утренний туман поздней осени. Но, единожды приняв решение, он никогда не отступал. И на этот раз, не давая сомнениям поколебать себя, он решительно выехал со двора кузницы и направил коня на север от Коммот Мерин к горам Ллавгадарн. Он устремлялся к самому высокому пику хребта, к горе Меледин, где, как сказал Аннло, он и найдет пещеру. Путники ехали молча, упорно стремясь вперед, и остановились на привал только к концу дня, когда у лошадей уже не было сил карабкаться вверх по крутому склону. Они приготовили себе ночлег на мягком ковре из сосновых игл, но были так взволнованы, что спали мало и беспокойно.

На рассвете следующего дня они собрали свои вещи и резвым шагом поехали вдоль вершины гряды. Вскоре Тарен вскрикнул и указал рукой вниз. Озеро Ллюнет лежало огромным овалом в провале между вершинами, сверкая в лучах раннего солнца. Его воды были спокойными, голубыми, и само озеро казалось зеркалом, заключенным в раме тесно растущих по его берегам деревьев. Над ним возвышалась гора Меледин, высокая, но будто совершенно невесомая, плывущая в тумане, который все еще окутывал ее подножие.

Сердце Тарена забилося сильнее, когда они с Гурджи стали спускаться вниз к берегу озера. Ближе к Меледин спуск стал круче, и маленькие плоские пятячки горных лугов сменились сетью оврагов. Около ручья, обрывавшегося и падающего со скалы небольшим водопадом, они привязали лошадей к низкому кривому деревцу. Тарен уже заметил пещеру и поспешил к ней. Гурджи, сопя, карабкался следом.

— Там! — кричал Тарен. — Там! Зеркало!

У подножия Меледин время, ветры и дожди вырезали в скалах сводчатую пещеру глубиной в несколько шагов. С поросших мхом камней на выступе скалы, как с бороды лесного дива, стекали мелкие ручейки. Тарен устремился к пещере. Сердце его просто вырывалось из груди. Приблизившись к пещере, он непроизвольно замедлил шаги, страх цепью опутал ноги. У самого входа в пещеру Тарен замер надолго. Гурджи с тревогой смотрел на него.

— Оно здесь, — прошептал Тарен и сделал шаг вперед.

Внутри, в плоском бассейне, вымытом в каменном полу пещеры, лежало озеро Ллунет, словно щит из полированного серебра, сверкая даже в укрытой от лучей солнца полутьме пещеры. Тарен медленно опустился на колени у кромки воды. Бассейн был глубиной не более чем в палец. Капля за каплей отрывались от струившейся по каменной стене еле заметной ниточки воды и звучно чмокали в неподвижную зеркальную поверхность. Долгие столетия сочилась эта живая ниточка и все же не могла переполнить мелкое каменное блюдо, лежащее в тесной пещере. Озеро казалось бездонным. От каждой упавшей в воду капли расходились медленные круги, вспыхивая в отраженном свете белыми искрами, словно грани драгоценного кристалла.

Едва смея дышать, чтобы не взволновать сияющую поверхность, Тарен склонился ниже. Пещера была наполнена торжественной тишиной. Казалось, что даже падение слабой веточки мха разобьет эту тишину вдребезги и расколлет хрупкое зеркало воды. Руки Тарена задрожали, когда он увидел свое собственное лицо, изможденное долгими днями пути и докрасна обожженное солнцем, словно закаленная в печи глина. Все его существо протестовало, его тянуло отвернуться, закрыть глаза, но он заставлял себя вглядываться и вглядываться дольше, глубже. Но что это? Неужели его глаза сыграли с ним злую шутку? Лицо, которое он вдруг увидел,

заставило его в ужасе отшатнуться. В то же мгновение Гурджи завизжал от страха. Тарен вскочил на ноги, обернулся. Перед ним над самым обрезом воды стоял Дорат.

Лицо разбойника обросло щетинистой бородой, грязные желтые волосы падали на лоб и глаза. Его куртка из лошадиной шкуры была располосована на боку, ботинки заляпаны грязью. Он держал в руках краюху хлеба, ломал, крошил его и жадно запихивал в рот. Усмекаясь, Дорат разглядывал Тарена.

— Рад встретиться, лорд Свинопас,— пробубнил Дорат набитым ртом.

— Рано радуешься, Дорат! — вскричал Тарен, выхватывая меч.— Не призовешь ли ты свое Братство, чтобы они набросились на нас? Позови! Позови их, всех, кто напал на Коммот Исав!

Он поднял свой меч и двинулся на Дората.

Тот грубо рассмеялся.

— Неужели ты ударишь до того, как я обнажу свой клинок, скотник?

— Тогда вытаскивай его! — Тарен отскочил назад.

— Так я и сделаю, когда покончу с едой,— сказал Дорат, презрительно хмыкнув.— А твой клинок, свинопас, гляжу я, уродливее, чем лицо Глоффа.— Он коварно усмехнулся.— Мое оружие намного лучше, хотя добыто за бесценок. А мое Братство? — Он посуровел.— Ты хочешь, чтобы я позвал их? Они не услышат. Потому что половина из них спит крепким сном под могильными холмами. Я видел тебя в Исав и догадался, что это ты собрал этих олухов. Увы, у меня не было времени задержаться и поприветствовать тебя.

Дорат вытер рот тыльной стороной ладони.

— Из тех, кто напал на Исав, двое трусов сбежали, и я их больше не видел. Двое были сильно ранены. Этих я сам отправил в путешествие к воронам, питающимся падалью, чтобы они больше не обременяли меня. Но это неважно. Я вскоре найду других, которые составят новое Братство.

Он поднял глаза к потолку пещеры, обшарил взором каменные стены.

— Впрочем, чем меньше, тем лучше,— сказал он с коротким смешком.— Мне ни с кем не придется делиться твоим сокровищем.

— Сокровища? — злорадно захохотал Тарен.— Нет никаких сокровищ! Вытаскивай меч, Дорат, или я убью тебя безоружного, как ты пытался это сделать со мной.

— Меня не обманешь, свинопас,— взревел Дорат.— Ты все еще держишь меня за дурака? Я следил за тобой все время, пока ты петлял по этим кривым дорожкам. Я знаю, что в твоих седельных сумках нет ничего ценного. Сам проверил. Поэтому сокровище еще предстоит добыть. Ведь так, скотник?

Он шагнул к Зеркалу.

— Это твоя сокровищница? Что ты нашел, свинопас? Что скрывает эта грязная лужа?

Не успел Тарен и ахнуть, как Дорат плюхнул своим грязным башмаком по зеркальной поверхности, ступил в прозрачную воду Зеркала Ллюнет обеими ногами и стал с проклятиями приплясывать, поднимая тучи брызг.

— Там ничего нет! — злобно выкрикнул Дорат, и лицо его исказилось от ярости.

Тарен тяжело дышал. Шатаясь, он пошел на врага. Дорат выхватил свой меч.

— Моя трапеза окончилась, свинопас,— зашипел он.

Дорат бился упорно, и сила его напора заставила Тарена отступить из пещеры. Гурджи с яростным воплем вцепился в Дората, но тот схватил его, мощно сдавил одной рукой и швырнул о каменную стену. Рыча, Дорат кинулся на Тарена.

Широко расставив ноги, Тарен выбросил вперед руку с мечом, чтобы встретить летевшего на него врага. Дорат отшатнулся, плюнул и прыгнул снова, оттесняя Тарена к обрыву. Когда разбойник оказался совсем рядом, Тарен вдруг поскользнулся, потерял равновесие, шатаясь, отступил на шаг и упал на одно колено.

С издевательским смехом Дорат занес над ним свое оружие, и Тарен увидел, как клинок, который когда-то был его собственным, резко вспыхнул у самых глаз. Дорат с силой рубанул. Смерть близко-близко заглянула в глаза Тарена, и он в последнем усилии выбросил над головой свой меч.

Клинки встретились с резким и коротким звоном. Оружие Тарена содрогнулось в его руке, мощный удар отбросил его на землю. И все же грубо выкованный клинок выдержал. Меч Дората разбился об него.

Выкрикивая проклятия, Дорат швырнул бесполезную рукоять в лицо Тарену и кинулся вниз по склону, скрывшись среди сосен. Услышав свист своего хозяина, гнедая лошадь Дората выбежала из-за деревьев. Тарен прыгнул, чтобы мечом достать своего убегающего врага.

— Помоги, помоги! — послышался голос Гурджи из пещеры. — Добрый хозяин! О, спаси раненого Гурджи!

Услышав это, Тарен остановился. Дорат, не мешкая, вскочил в седло и ускакал. Тарен побежал в пещеру. Там стонущий Гурджи пытался подняться и сесть. Тарен быстро опустился на колени и увидел, что лоб Гурджи рассечен. Однако бедняга стонал больше от страха, чем от боли. Тарен выволок его из пещеры и прислонил спиной к большому валуну.

Возвращаться в пещеру не было смысла. В глазах Тарена еще стояло обнажившееся дно Зеркала Ллюнет, грязные потеки воды, выплеснувшейся на замшелые стены пещеры, и безобразный след ботинка Дората. Он бросился на землю рядом с Гурджи и уткнулся лицом в ладони. Долгое время он не двигался и не произносил ни слова.

— Пойдем, — сказал он наконец, помогая Гурджи подняться на ноги. — Пойдем. Впереди у нас длинный путь.

В домике Аннло горел свет. Ночь почти прошла, но Тарен увидел гончара, склонившегося над крутящимся кругом.

Аннло встал навстречу Тарену. Оба они некоторое время молчали. Гончар с беспокойством вглядывался в лицо Тарена. Наконец он спросил:

— Посмотрел ли ты в Зеркало, Странник?

Тарен кивнул.

— Несколько мгновений. Но теперь уж никто не сможет смотреть в него. Зеркала больше нет. — Он рассказал о Дорате и о том, что произошло на озере Ллюнет.

Когда Тарен кончил свое печальное повествование, гончар вздохнул и осторожно спросил:

— Значит, ты ничего не увидел?

— Я узнал то, что хотел узнать,— ответил Тарен.

— Я не стану расспрашивать тебя, Странник,— мягко сказал Аннло.— Но если в тебе созрело желание рассказать мне, я с вниманием выслушаю.

— Я увидел себя,— медленно проговорил Тарен.— Я всматривался и увидел силу... и хрупкость. Гордость и тщеславие, смелость и страх. Совсем немного мудрости. Много глупости. Немало благих порывов и добрых намерений, но многие из них пока так и остались невыполненными. В этом, увы, я увидел себя, обычного человека, такого, как и все.

Голос Тарена окреп, и он продолжал уже уверенно:

— Но вот что я увидел еще. Да, я похож на всех, но это только кажется, что люди похожи друг на друга. Они разнятся, как снежинки. Нет двух одинаковых. Ты говорил мне, что тебе не нужно искать Зеркало, потому что знаешь, кто ты: Аннло Велико-Лепный. Теперь и я знаю, кто я. Слышишь, гончар, я сам и никто другой. Я — Тарен.

Аннло не спешил с ответом.

— Если ты узнал это,— вымолвил он, помолчав,— то, значит, постиг самую важную тайну, какую могло поведать Зеркало. Возможно, оно и впрямь было волшебным.

— Нет там никакого волшебства,— улыбнулся Тарен.— Это был водоем. Самый красивый из всех, что я видел. Но водоем, и не более того.

Теперь улыбка, легкая и все же чуть печальная, не сходила с его лица.

— Сначала,— продолжал он,— я подумал, что Ордду подала дурню глупейшую идею, лишь бы отвязаться. Нет, это не так. Она хотела, чтобы я увидел то, что я увидел. Любой ручей, любая лужа подарила бы мне мое отражение, но я не понял бы этого тогда, как понял сейчас.

Тарен вздохнул.

— Что же касается моих родителей,— добавил он,— не всё ли равно, кто они? Никакие узы крови, как бы сильны они ни были, не сравнятся с настоящим родством, родством душ. Я думаю, что все мы родичи, братья и сестры один другому, все дети всех родителей. И я не стану больше искать того, что называется правом рождения. Народ Свободных Коммотов научил меня, что зрелость и честь не даются, а добываются. Даже король Смойт из королевства Кадиффор пытался втолковать мне это, но я не обратил на его слова никакого внимания.

Тарен уже не мог остановиться. Он говорил, говорил, изливая душу.

— Ллюнио повторял, что жизнь — это сеть, сплетенная для лова удачи. Для Хевидда Кузнеца жизнь — это кузница, где выковывается характер. Для Двивач Ткачи-хи жизнь — ткацкий станок, на котором переплетаются нити судьбы. Каждый из них прав, потому что жизнь — это всё. Но ты,— Тарен встретился глазами с гончаром,— ты открыл мне еще одну, может, самую главную сторону жизни. Это глина, которую надо лепить, придавая ей форму на гончарном круге дней.

Аннло согласно кивнул.

— А ты, Странник, как ты станешь лепить свою глину?

— Я не могу оставаться в Мерин,— ответил Тарен,— хотя и сильно полюбил его. Каер Даллбен ждет меня, как ждал всегда. Жизнь моя там, и я с радостью вернусь туда после такого долгого отсутствия.

Потом они посидели молча все трое — Тарен, Гурджи и Аннло Велико-Лепный. А когда наступил рассвет, Тарен подал руку гончару и пожелал ему всего хорошего.

— И тебе хорошего путешествия, Странник,— закричал Аннло, когда Тарен вскочил в седло и подхватил поводья Мелинласа.— Не забывай нас, как мы не забудем тебя!

— У меня есть меч, который я выковал своими руками,— гордо крикнул в ответ Тарен,— плащ, который я

соткал сам, и чаша, которую я слепил. И дружба людей самой прекрасной земли в Прайдене. Никто не смог бы найти больше сокровищ.

Мелинлас нетерпеливо бил землю копытом, и Тарен натянул поводья.

Так Тарен выехал из Коммот Мерин. Гурджи трясся рядом на своем пони.

Вдруг Тарену показалось, что он слышит голоса, зовущие его: «Помни нас! Помни-иии!» Он обернулся, но Коммот Мерин остался уже далеко позади и скрылся из виду. От холмов налетел ветер, который нес перед собой целую волну осенних листьев. Ветер дул в сторону дома, в Каер Даллбен. И Тарен, подгоняемый этим попутным ветром, ускорил бег коня.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР родился и вырос в Филадельфии, где живет и сегодня. Еще мальчиком он проводил свободные часы в книжных магазинах, копаясь в горах книг. Одной из находок, которую он помнит по сей день, была книжка о короле Артуре. Так возник его интерес к историям о древних героях и их приключениях. Став писателем, Ллойд Александер серьезно изучал валлийские легенды, где и встретил такого персонажа, как принц Гвидион, сын Доны. Постепенно писатель стал включать эпизоды валлийских легенд в свои книги для детей и в конце концов написал целую серию книг о воображаемой стране Прайден, где древние герои этих легенд стали основными действующими лицами.

«Герои моих историй,— рассказывает Ллойд Александер,— рождались иногда неожиданно и в самое неподходящее время. Гурджи, например, явился во сне и был похож на растрепанное свиное гнездо. А встревоженный и всего опасющийся Гвистил (из предыдущей книги «Черный Котел».— *Ред.*) возник, когда я сидел в кресле зубного врача!»

Известный американский писатель Ллойд Александер опубликовал десять книг для взрослых и много книг, адресованных детям. Будучи знатоком испанского и французского языков, он переводит на английский лучших европейских авторов.

ЯХНИН ЛЕОНИД ЛЬВОВИЧ — детский писатель и переводчик. У него вышло более тридцати книг для детей — стихи, переводы, повести-сказки «Площадь картонных часов», «Фарфоровый колокол», «Поющее дерево», «Серебряные колесики». Книги переведены на английский, немецкий, шведский, голландский, чешский, польский и сербский языки.

За перевод книг Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Л. Яхнин был удостоен в 1994 году Международного почетного диплома им. Ганса Христиана Андерсена.

Оглавление

<i>Глава первая.</i>	Кто я? 5
<i>Глава вторая.</i>	Королевство Кадиффор 28
<i>Глава третья.</i>	Горион и Гаст 39
<i>Глава четвертая.</i>	Коровий спор 59
<i>Глава пятая.</i>	Приговор 70
<i>Глава шестая.</i>	Лягушка 84
<i>Глава седьмая.</i>	Друзья в опасности 98
<i>Глава восьмая.</i>	Колючая стена 110
<i>Глава девятая.</i>	Рука Морданта 123
<i>Глава десятая.</i>	Разрушенное заветие 132
<i>Глава одиннадцатая.</i>	Дорат 143
<i>Глава двенадцатая.</i>	Пари 154
<i>Глава тринадцатая.</i>	Потерянный ягненок 162
<i>Глава четырнадцатая.</i>	Конец лета 172
<i>Глава пятнадцатая.</i>	Открытая клетка 183
<i>Глава шестнадцатая.</i>	Тарен Странник 192
<i>Глава семнадцатая.</i>	Запруда 206
<i>Глава восемнадцатая.</i>	Свободные Коммоты 216
<i>Глава девятнадцатая.</i>	Гончарный круг 233
<i>Глава двадцатая.</i>	Грабители 244
<i>Глава двадцать первая.</i>	Зеркало 253
	<i>Коротко об авторах 266</i>

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

**125499, Москва, Кронштадтский б-р, 376
Издательство АРМАДА**

Александр Л.

А 46 Тарен Странник: Сказочная хроника / Пер. с англ. Л. Яхнина; Худож. В. Чапля.— М.: АРМАДА, 1996.— 267 с.: ил.— (Замок чудес).

ISBN 5-7632-0097-7

Четвертая книга сказочной пенталогии американского писателя Ллойда Александра, рассказывающая о странствиях и приключениях юноши Тарена, который, путешествуя по сказочной стране Прайден в поисках родителей, встречает новых друзей и обретает мудрость.

А 4703040100-38
9СЗ(03)-96 Без объявл.

ББК 84.7США

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Замок чудес

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

ТАРЕН СТРАННИК

Сказочная хроника

Заведующая редакцией
И. Б. Щеглова

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Редактор
М. Л. Жданова

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Т. А. Чернышева, И. И. Морозова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 12.10.95.
Подписано в печать 30.12.95. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсет-
ная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 910.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Кир Булычев
«СЫЩИК АЛИСА»

Как же иногда после школы не хочется садиться за скучные уроки! Тем более когда ты знаешь, что именно сейчас где-то наверняка происходит что-то очень важное. И, конечно, раз уж сам комиссар полиции Милодар зашел в тупик при очередном расследовании, ему просто необходимо помочь! И непоседа Алиса без промедления включается в поиски загадочного чудовища, столь неожиданно появившегося в Космическом зоопарке. Расследование оказалось вовсе не простым делом. А чем оно завершилось, ты узнаешь, прочитав фантастическую повесть «СЫЩИК АЛИСА».

Но на этом приключения замечательной девочки из будущего не кончаются! Фантастическая повесть «ИЗЛУЧАТЕЛЬ ДОБРОТЫ» расскажет еще об одной захватывающей истории. На этот раз Алисе приходится рисковать жизнью, чтобы помочь сотрудникам Интерпола обезвредить шайку преступников, орудовавших в Юго-Восточной Азии.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Диана Дуэйн

«БЕЗГРАНИЧНОЕ ВОЛШЕБСТВО»

Интересно, что бы делал Буратино, если бы не нашел золотой ключик? А Золушка, если бы к ней случайно не попала хрустальная туфелька? Получается, что в каждой сказке есть волшебная вещь, которая может изменить ход событий. Как только эта мысль пришла в голову Ните, девочке-волшебнице (той самой, о которой вы читали в книгах "Как стать волшебником", "Высокое волшебство" и "Глубокое волшебство"), она сразу поняла, что ей требуется для победы над злой и жестокой Одиноким силой. И хотя вместе с Одиноким силой выступили против мира людей страшные мифические существа из древних ирландских сказаний, Нита знает, как ей быть. Не важно, что она осталась без развлечений, а ее каникулы превратились в опасную экспедицию...

ДОРОГИЕ РЕБЯТА, УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

Для вас — библиотека детской фантастики
и увлекательные книги о мире животных:

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

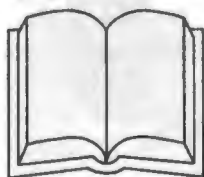
Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

*Кроме того, предлагаем нашим читателям
книги следующих серий:*

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ»

- «БОЕВЫЕ РОБОТЫ» «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК»
- «РЮРИКОВИЧИ» «РОМАНОВЫ. Династия в романах»
- «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» «СПОДВИЖНИКИ И ФАВОРИТЫ»
- «ВЕЛИКИЕ ВЛАСТИТЕЛИ» «РОССИЯ. История в романах»

«КНИГА-ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Kronштадтский б-р,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга — почтой" на конверте.**

Оформление подписки и продажа отдельных книг производится также по адресу:
Москва, ул. Новый Арбат, д.30.

Оптовые партии книг

**вы можете приобрести по ценам издательства
у наших региональных представителей:**

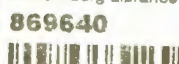
МОСКВА:	"Демалыс"	(095)	150-07-82
	"Полина"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	306-62-15
	"Тригон"	(095)	138-44-62
	ТОО "Пресня"	(095)	252-32-19
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
ВОРОНЕЖ:	"Амитель"	(0732)	23-00-02
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Элпис"	(3832)	24-52-67
ОМСК:	"Сиббук"	(381-2)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-НА-ДОНУ:	"Тандем"	(8632)	65-76-59
САМАРА:	"Милан"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10

Ekaterinburg Libraries

869640

ЗЯМБ
ЧУДР

ПЛЮЙД АЛЕКСАНДЕР

АРМА